

ISSN 2499-9997
e-ISSN 2713-1165

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

UNIVERSUM HUMANITARIUM

2026 | № 1

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 2015 ГОДА

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Universum Humanitarium **2026**

№ 1

Научный журнал
Периодичность — 2 раза в год

Главный редактор — Т. И. МОРОЗОВА

Издание включено в Единый государственный перечень научных изданий
(«Белый список»)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования

Электронная версия журнала размещена на платформе
Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru

Адрес редакции:

ул. Пирогова, 1, Новосибирск, Россия, 630090

Телефон: + 7 (383) 363-42-26

E-mail: unihuman.nsu@gmail.com

Перевод на англ. яз. — А. А. РЕЧКАЛОВА

Корректура — М. В. БОЕВА, Н. В. САЛЬЦЕВА

Верстка — А. В. УЛЬВЕРТ

<https://www.universum-humanitarium.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство ЭЛ № ФС 77-81801 от 27.08.2021)
© Новосибирский государственный университет, 2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МОРОЗОВА ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА — канд. ист. наук, заместитель директора Гуманитарного института по научной работе, Новосибирский государственный университет; старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЕГОРОВ СТАНИСЛАВ ОЛЕГОВИЧ — канд. ист. наук, доцент, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

КОЖАЕВА АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА — ассистент, специалист, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АКИМОВА АННА СЕРГЕЕВНА — канд. филол. наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН; доцент, Московский государственный педагогический университет (Москва, Россия)

БОБРОВ ДЕНИС СЕРГЕЕВИЧ — канд. ист. наук, заместитель директора Института истории и международных отношений по научной и инновационной работе, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

БОБРОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ — д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

ДАМПИЛОВА ЛЮДМИЛА САНЖИБОВЕВНА — д-р филол. наук, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

ДУТЧАК ЕЛЕНА ЕРОФЕЕВНА — д-р ист. наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

КИМ ИГОРЬ ЕФИМОВИЧ — д-р филол. наук, профессор, Новосибирский государственный университет; главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

КОШКАРЕВА НАТАЛЬЯ

БОРИСОВНА — д-р филол. наук, зав. кафедрой, Новосибирский государственный университет; зав. сектором, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

МЕТЕЛЬ ОЛЬГА ВАДИМОВНА — канд. ист. наук, научный сотрудник, Высшая школа экономики; доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

ОЙНОТКИНОВА НАДЕЖДА

РОМАНОВНА — д-р филол. наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ПЛЕХ ОЛЕСЯ АНАТОЛЬЕВНА — канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

РУДАЯ НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА — д-р геогр. наук, канд. биол. наук, доцент, Новосибирский государственный университет; ведущий научный сотрудник, зав. лабораторией, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ТАВАРЕВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — д-р ист. наук, доцент, директор научно-исследовательского центра «Новая археология», Новосибирский государственный университет; главный научный сотрудник, зав. сектором, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ШЕРЕМЕТЬЕВА ДАРЬЯ ЛЕОНИДОВНА — канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия)

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА**

ФЕДОРУК МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ —
акад. РАН, д-р физ.-мат. наук, профессор,
Новосибирский государственный уни-
верситет (Новосибирск, Россия)

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА**

**КРИВОШАПКИН АНДРЕЙ
ИННОКЕНТЬЕВИЧ** — чл.-корр. РАН,
д-р ист. наук, директор, Институт архео-
логии и этнографии СО РАН; зав. кафе-
дрой, Новосибирский государственный
университет (Новосибирск, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АЙТАЧ АХМЕД — PhD (История), доцент,
Университет Айдын Аднан Мендерес
(Айдын, Турция)

ВОЙТИШЕК ЕЛЕНА ЭДМУНДОВНА —
д-р ист. наук, зав. кафедрой, главный
научный сотрудник, Новосибирский
государственный университет
(Новосибирск, Россия); ведущий науч-
ный сотрудник, Институт востоковеде-
ния РАН (Москва, Россия)

**ГОЛОВНЕВ АНДРЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ** — акад. РАН,
д-р ист. наук, директор, Музей антро-
пологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН; про-
фессор, Институт истории Санкт-
Петербургского государственного уни-
верситета (Санкт-Петербург, Россия)

**ДЕМИДЧИК АРКАДИЙ
ЕВГЕНЬЕВИЧ** — д-р ист. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)

ЕНДОЛЬЦЕВА ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА —
д-р искусствоведения, ведущий научный
сотрудник, Институт востоковедения
РАН (Москва, Россия)

ЗУЕВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ — д-р ист.
наук, директор Гуманитарного инсти-
тута, профессор, Новосибирский
государственный университет
(Новосибирск, Россия)

КАН ИН УК — PhD (История), профессор,
Университет Кёнхи (Сеул, Республика
Корея)

КУЗЬМИНА ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВНА —
д-р филол. наук, зав. сектором, Институт
филологии СО РАН (Новосибирск,
Россия)

**КУШКУМБАЕВ АЙБОЛАТ
КАЙРСЛЯМОВИЧ** — д-р ист. наук, глав-
ный научный сотрудник, Евразийский
национальный университет
им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

МОЛОДИН ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ —
акад. РАН, д-р ист. наук, профессор,
Новосибирский государственный уни-
верситет; зав. отделом, главный науч-
ный сотрудник, Институт археологии
и этнографии СО РАН (Новосибирск,
Россия)

ОЛСЕН ДЖОН — PhD (История), профес-
сор, Аризонский университет (Тусон,
Аризона, США)

ПИКОВ ГЕННАДИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ —
д-р ист. наук, д-р культурологии, зав.
кафедрой, Новосибирский государствен-
ный университет (Новосибирск, Россия)

СИЛАНТЬЕВ ИГОРЬ ВИТАЛЬЕВИЧ —
чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, зав.
кафедрой, Новосибирский государствен-
ный университет; директор, Институт
филологии СО РАН (Новосибирск,
Россия)

ТАБАЛДИЕВ КУБАТБЕК ШАКИЕВИЧ —
д-р ист. наук, профессор, Кыргызско-
Турецкий университет «Манас»
(Бишкек, Киргизия)

УРТЕГЕШЕВ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ —
д-р филол. наук, ведущий научный
сотрудник, Институт филологии СО РАН
(Новосибирск, Россия)

ХИСИКАВА КУНИТОСИ — PhD
(Литературоведение), зав. кафедрой,
Киотский университет иностранных
языков (Киото, Япония)

ШАМИНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА —
д-р филол. наук, главный научный
сотрудник, Институт филологии СО РАН
(Новосибирск, Россия)

ШИШКИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ —
д-р ист. наук, главный научный сотруд-
ник, Институт истории СО РАН; профес-
сор, Новосибирский государственный
университет (Новосибирск, Россия)

EDITOR-IN-CHIEF

TATIANA I. MOROZOVA – Candidate of Sciences (History), Deputy Director for Research of the Institute for the Humanities, Novosibirsk State University; Senior Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

STANISLAV O. EGOROV – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY

ALBINA A. KOZHAEVA – Assistant, Specialist, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

EDITORIAL BOARD

ANDREY V. TABAREV – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Director of the Research and Education Center “New Archaeology”, Novosibirsk State University; Chief Researcher, Head of the Department, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

ANNA S. AKIMOVA – Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

DARIA L. SHEREMETeva – Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

DENIS S. BOBROV – Candidate of Sciences (History), Deputy Director for Research and Innovation of the Institute of History and International Affairs, Associate Professor, Altai State University (Barnaul, Russia)

ELENA E. DUTCHAK – Doctor of Sciences (History), Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

IGOR E. KIM – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Novosibirsk State University; Chief Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

LEONID A. BOBROV – Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

LYUDMILA S. DAMPILOVA – Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia)

NADEZHDA R. OINOTKINOVA – Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

NATALIA A. RUDAYA – Doctor of Sciences (Geography), Candidate of Sciences (Biology), Associate Professor, Novosibirsk State University; Leading Researcher, Head of the Laboratory, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

NATALYA B. KOSHKAREVA – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Section, Novosibirsk State University; Head of the Sector, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

OLESYA A. PLEKH – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

OLGA V. METEL – Candidate of Sciences (History), Researcher, National Research University Higher School of Economics; Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

EDITORIAL COUNCIL CHAIRMAN

MIKHAIL P. FEDORUK – Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL DEPUTY CHAIRMAN

ANDREY I. KRIVOSHAPKIN – Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Director of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS; Head of the Section, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

AHMET AYTAÇ – PhD (History), Associate Professor, Adnan Menderes University (Aydın, Turkey)

ANDREY S. ZUEV – Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for the Humanities, Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

ANDREY V. GOLOVNEV – Academician of the RAS, Doctor of Sciences (History), Director, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS; Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

ARKADY E. DEMIDCHIK – Doctor of Sciences (History), Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

AYBOLAT K. KUSHKUMBAEV – Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

EKATERINA Y. ENDOLTSEVA – Doctor of Sciences (Art History), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS (Moscow, Russia)

ELENA E. VOITISHEK – Doctor of Sciences (History), Head of the Section, Chief Researcher, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS (Moscow, Russia)

EVGENIYA N. KUZMINA – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

GENNADY G. PIKOV – Doctor of Sciences (History, Cultural Studies), Head of the Section, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

HISHIKAWA KUNITOSHI – PhD (Literature Studies), Professor, Head of the Department, Kyoto University of Foreign Studies (Kyoto, Japan)

IGOR V. SILANTYEV – Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS; Head of the Section, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

JOHN W. OLSEN – PhD (History), Professor, University of Arizona (Tucson, AZ, USA)

KANG INUK – PhD (History), Professor, Kyung Hee University (Seoul, Republic of Korea)

KUBATBEK SH. TABALDIEV – Doctor of Sciences (History), Professor, Kyrgyz-Turkish University “Manas” (Bishkek, Kyrgyzstan)

LYUDMILA A. SHAMINA – Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

NIKOLAY S. URTEGESHEV – Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

VLADIMIR I. SHISHKIN – Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the RAS; Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

VYACHESLAV I. MOLODIN – Academician of the RAS, Doctor of Sciences (History), Professor, Novosibirsk State University; Chief Researcher, Head of the Department, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Илюшин Б. А.

Сведения о сяньбийцах Тулуйхунь (317–663) в китайской хронике XI века

«Цзычжи тунцзянь» 9–34

Пиков Г. Г.

Киданьский император Елюй Чжигу (Син-цзун):

социально-политический портрет (1015–1055) 35–56

КОРОЛЁВА Е. В.

Представления о войне и оружии в алтайских исторических преданиях 57–78

ИСТОРИЯ РОССИИ

Колоницкий Б. И., Годунов К. В., Тарасов К. А.

Разгром германского посольства в Санкт-Петербурге летом 1914 года

и пределы патриотической мобилизации в начале Первой мировой войны 80–98

КОЖАЕВА А. А.

«Ищу правды и справедливости на почве фактов исторического значения»:

борьба Н. П. Петрова за восстановление в избирательных правах (1929–1931) 99–121

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

МОРОЗОВА Т. И.

«Очень прошу... не смешивать меня с этими предателями [и] двурушниками».

Письма В. Н. Кузнецова в ЦК ВКП(б) (ноябрь – декабрь 1930 года) 123–158

САВИН А. И.

«Создание нормальных условий для школьного образования на селе...»

Записка Л. И. Брежнева в Политбюро ЦК КПСС о состоянии сельских школ

(9 апреля 1973 года) 159–170

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ШЕРЕМЕТЬЕВА Д. Л.

К вопросу о коммуникации власти и общества на закате Российской империи.

Рец.: Кострикова Е. Г. Информационная политика российского правительства

в годы Первой мировой войны и революции. 1914–1917 гг. М.: Кучково поле, 2024.

416 с. 172–182

МЕТЕЛЬ О. В.

Советское историческое знание в зеркале современной историографии.

Рец.: Советский исторический нарратив 1920–30-х годов: содержание, акторы

и механизмы конструирования / под ред. В. В. Тихонова. М.: Совпадение, 2025.

480 с. 183–195

СОКОЛОВСКИЙ В. А., СЛАВИНСКАЯ Е. Е., ШАМАНИН Д. А., ЕЛОШКИН Г. А.

Круглый стол «Археология и смыслы» в рамках 64-й Международной

научной студенческой конференции (Новосибирск, 16 апреля 2026 года) 196–203

CONTENTS

EURASIAN NOMADIC STUDIES

ILUSHIN B. A.

Information about the Xianbei of Tuyuhun (317–663) Based on the 11th-century Chinese Chronicle “Zizhi Tongjian” 9–34

PIKOV G. G.

The Kidan Emperor Yelü Zhigu (Xingzong): A Socio-Political Portrait (1015–1055) 35–56

KOROLEVA E. V.

Ideas about War and Weapons in Altaian Historical Legends 57–78

RUSSIAN HISTORY

KOLONITSKII B. I., GODUNOV K. V., TARASOV K. A.

The Destruction of the German Embassy in Saint Petersburg in the Summer of 1914 and the Limits of Patriotic Mobilization at the Beginning of the First World War 80–98

KOZHAEVA A. A.

“Seeking Truth and Justice on the Ground of Facts of Historical Significance”: N. P. Petrov’s Struggle for the Restoration of Voting Rights (1929–1931). 99–121

PRIMARY SOURCES AND ARCHIVAL STUDIES

MOROZOVA T. I.

“I Earnestly Request... That I Not Be Lumped Together with These Traitors [and] Double-Dealers”. V. N. Kuznetsov’s Letters to the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (November – December 1930). 123–158

SAVIN A. I.

“Providing Appropriate Conditions for Rural Schooling...” Leonid Brezhnev’s Memorandum to the Political Bureau of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union on the State of Rural Schools (April 9, 1973) . . . 159–170

BOOK REVIEWS AND CHRONICLE

SHEREMETeva D. L.

On Communication between Government and Society in the Waning Years of the Russian Empire. Rev.: Kostrikova, E. G. The Information Policy of the Russian Government during the First World War and Revolution, 1914–1917. Moscow: Kuchkovo Pole, 2024. 416 p. 172–182

METEL O. V.

Soviet Historical Knowledge through the Lens of Contemporary Historiography. Rev.: The Soviet Historical Narrative of the 1920s–1930s: Content, Actors, and Mechanisms of Construction / ed. V. V. Tikhonov. Moscow, Sovpadenie, 2025. 480 p. . . 183–195

SOKOLOVSKY V. A., SLAVINSKAYA E. E., SHAMANIN D. A., ELOSHKIN G. A.

Round Table “Archaeology and Meanings” Within the Framework of the 64th International Scientific Student Conference (Novosibirsk, April 16, 2026) 196–203

ИСТОРИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

СВЕДЕНИЯ О СЯНЬБИЙЦАХ ТУЮЙХУНЬ (317–663) В КИТАЙСКОЙ ХРОНИКЕ XI ВЕКА «ЦЗЫЧЖИ ТУНЦЗЯНЬ»

БОРИС АНАТОЛЬЕВИЧ ИЛЮШИН

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

arunta-desert@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6847-1309>

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот сведения китайской исторической хроники «Цзычжи тунцзянь» 資治通鑑 (XI в.) о сяньбийском (протомонгольском) политическом образовании Туюйхунь (в русскоязычной историографии известном также как Тогон), существовавшем в Северо-Восточном Тибете в районе озера Кукунор (Цинхай) с начала IV в. до 663 г. Данная публикация является дополнением к вышедшей в 2023 г. монографии автора «История Тогона (кукунорских сяньбийцев Туюйхунь)». Указанный источник значительно дополняет династические истории, поскольку содержит уникальные сведения и, что особенно важно — множество дат по истории Туюйхунь, опущенных создателями других исторических трудов. Анализ содержащейся в хронике информации позволяет скорректировать ряд частных эпизодов истории Туюйхунь и значительно увеличить ее хронологический каркас.

Ключевые слова: Туюйхунь, сяньби, Кукунор, «Цзычжи тунцзянь», китайские исторические источники.

Сведения о финансировании: исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири — от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)».

Благодарности: автор благодарит А. М. Пастухова за перевод с китайского ряда фрагментов «Цзычжи тунцзянь».

Для цитирования: Илюшин Б. А. Сведения о сяньбийцах Туюйхунь (317–663) в китайской хронике XI века «Цзычжи тунцзянь» // *Universum Humanitarium*. 2026. № 1. С. 9–34. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-9-34

Сяньбийское (протомонгольское) государственное образование, существовавшее в Северо-Восточном Тибете вокруг оз. Кукунор (Цинхай) с начала IV в. по 663 г. и именовавшееся Туюйхунь¹, являлось на протяжении более чем трех с половиной веков заметным участником политических процессов

¹ С подачи Н. Я. Бичурина в историографии получило распространение неверное «монголизированное» чтение этого этнонима и политонима — Тогон [Бичурин, 1833].

во Внутренней и Восточной Азии. Тем не менее историография Тууюхунь невелика (подробнее см.: [Илюшин, 2023. С. 7–12]). До недавнего времени наиболее разработана данная тематика была в историографии КНР — при всей специфике исторической науки в этом государстве. Из важнейших публикаций китайских авторов нужно назвать монографию Чжоу Вэйчжоу [1985]. В отечественной историографии, несмотря на традиционно высокий интерес к истории кочевников и тот факт, что еще около полувека назад В. С. Таскиным был осуществлен перевод всех важнейших фрагментов китайских династических историй, содержащих базовые сведения о Тууюхунь [Материалы по истории, 1984], специальных исследований, посвященных этому государственному образованию, долгое время не существовало.

Единственная в российской науке монография по Тууюхунь была написана и издана автором этой статьи [Илюшин, 2023]. Исследование опиралось на материалы восьми династических историй, хронология которых охватывала период существования этой протомонгольской политики. По ним хорошо прослеживаются общее направление, основные политические, экономические и культурные процессы и общая логика. Базовая информация о «варварских» владениях в династических историях приводится в отдельных цзюанях, целиком им посвященных. Однако такие специальные разделы, как правило, бедны на даты. Часть дат содержится в анналах правления императоров (первые цзюани «историй»), но датированы далеко не все события «варварской» истории. По этой причине при рассмотрении разделов о Тууюхунь создается впечатление, что описанные подряд события произошли в короткий промежуток времени, хотя они могли быть разделены годами. Вероятно, многочисленные даты (а иногда и описание событий) из истории «варваров» считались не столь важными для анналов и биографий в «историях».

Восполнить этот пробел помогает еще один исторический труд — «Цзычжи тунцзянь» 資治通鑑. Однако при подготовке монографии он был оставлен нами без внимания, что было вызвано его более поздним по сравнению с исследуемым периодом созданием, а также техническими причинами [Илюшин, 2023. С. 19]. Внимательное знакомство с этим источником свидетельствует, что такое решение было ошибочным. Поскольку печатное издание данного источника по техническим причинам нам недоступно, мы работали с электронной версией².

Целью данной статьи является введение в научный оборот содержащихся в «Цзычжи тунцзянь» сведений по истории Тууюхунь от обоснования сяньбийцев на Кукуноре до завоевания этого района Тибетом в 663 г., проверка и уточнение на их основе информации ранее использованных нами в монографии источников, а также выводов самого исследования.

Хроника «Цзычжи тунцзянь» (далее — ЦЧТЦ), или «Помогающее в управлении всепронизывающее зеркало», была закончена в 1084 г. группой историков под руководством Сыма Гуана 司馬光 (1019–1086). Работа выполнялась

² Цзычжи тунцзянь [資治通鑑] // Wikisource. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/資治通鑑> (дата обращения: 16.12.2024) (на кит. яз.).

на протяжении многих лет с одобрения нескольких императоров и охватывала историю Срединного царства с V в. до н. э. по XI в. Хроники (*бянь нянь*) – один из древнейших и популярных жанров исторических трудов в Китае, по своему значению уступавший только династическим историям (*чжэн ши*), большей частью состоящим из биографий, описаний земель, таблиц и т. п. «Цзычжи тунцзянь» стала важнейшей вехой всей традиционной историографии Китая, поскольку являлась первой попыткой сводного изложения в летописной форме его полуторатысячелетней истории и обобщения опыта всех предыдущих правителей [Доронин, 2002. С. 126]. Создание ЦЧТЦ привело к возникновению отдельного авторитетного направления в традиционной китайской историографии, именуемого «школой „Всепроницающего зеркала“» (Тунцзяньсюэ), в рамках которого создавались комментарии и дополнения к труду Сыма Гуана, а также продолжения и подражания [Духовная культура, 2009. С. 54, 708; История Китая, 2016. С. 38].

Историописание в Китае было поставлено под контроль высших сановников и императора и строгойше регламентировалось. Касалось это как династических историй, так и других жанров, среди которых выделяются «дневники» императоров (*ци цзюй чжу*), «правдивые записи» (*ши лу*) (на базе которых составлялись «истории»), хроники и некоторые другие. ЦЧТЦ – часть официальной историографии, составленная на основе тех же документов, что служили базисом для «дневников» и «правдивых записей», которые легли в основу нескольких династических историй. При этом, как мы видим при рассмотрении сведений о Туьюхунь, в ЦЧТЦ учтена информация, по каким-то причинам не использованная авторами династических историй.

Созданию ЦЧТЦ предшествовала долгая предварительная работа Сыма Гуана и создание им таких исторических произведений, как «Ли нянь ту» («Погодичные таблицы») и «Тун чжи» («Всепроницающее обозрение»). После высоких оценок этих работ Сыма Гуан собрал коллектив для реализации глобального проекта [История Китая, 2016. С. 36]. Источниковая база ЦЧТЦ насчитывает (по разным версиям) от 301 до 359 рукописных и ксилографических книг. Как общий объем, так и видовое многообразие использованных источников (хроники, генеалогии, биографии, документы, географические трактаты и др.) беспрецедентно для средневековой китайской историографии [Духовная культура, 2009. С. 706–707]. Перечисленные достоинства ЦЧТЦ «придавали повышенную репрезентативность и убедительность заключенной в нем познавательной-исторической информации и ее социально-назидательной целенаправленности» [Духовная культура, 2009. С. 707].

«Скрепленный временными соответствиями, материал истории в том виде, в каком он дан во „Всепроницающем зеркале“, содержит достаточно надежные хронологические и пространственные координаты событий», хотя в силу характера данного произведения бывает не просто понять причинно-следственные связи между ними [История Китая, 2016. С. 38]. Требуется внимательное сопоставление событий, дат, упоминаемых лиц, топонимов, а также опора на источники иного характера. Однако для исследования истории Туьюхунь ЦЧТЦ имеет вспомогательный характер, дополняя сведения династических историй.

«Цзычжи тунцзянь» состоит из 294 цзюаней (свитков, глав). Сведения о тууюхунях или их военно-политических деятелях в период самостоятельности их «владения» (617–663) содержатся в 56 цзюанях: 90, 94, 99, 103, 107, 110, 111, 114, 116, 118–126, 129, 132, 133, 135–137, 143, 145, 150, 154, 158, 159, 164–167, 169, 172, 175–182, 187, 190–196, 198–201. В цзюанях материал структурирован по годам (девидам правления императоров, причем за IV–V вв. — южнокитайских, а не «варварских» северных — царства Тоба-Вэй) и месяцам. В «абзацах» нередко приводятся наименования дней. Все это позволяет свободно ориентироваться в тексте по хронологии. Тематические разделы отсутствуют.

Еще одна особенность материалов ЦЧТЦ по истории Тууюхунь в том, что часть тууюхуньских имен записана в этом источнике иначе, чем в династических историях. А именно: Суйси — 碎妥 вместо обычного 碎奚; Ачай — 阿柴 вместо 阿豺; Мугуй — 慕瑰 вместо 慕瓚 (возможно, ошибка распознавания в электронной версии); Куалюй — 誇呂 вместо 夸吕; Фу 伏 тут назван Шифу 世伏; Тоба Муми (из поздней истории тууюхуней) — 拓跋木彌 вместо 拓拔木彌. Кроме того, в ЦЧТЦ отмечен ненормированный вариант «Тууюхунь»: 吐欲渾 (цзюань 123).

Первые упоминания имени Тууюхунь в ЦЧТЦ относятся к основателю этого обособленного сяньбийского владения (20) и содержатся в 90-м цзюане. Причем сразу приводится известие о его смерти в первый год [правления западно-цзиньского Хуи-ди 惠帝 Сыма Чжуна 司馬衷 под девизом]³ Цзяньу 建武 (29 марта 317 г. — 16 февраля 318 г.). Ниже в тексте ЦЧТЦ приведен известный по другим источникам рассказ о его ссоре со сводным братом Мужун Гумем и откочевке возглавляемых им племен на запад [Илюшин, 2023. С. 98–99].

Приведенное в 94-м цзюане сообщение о гибели вождя Туяня 吐延 содержит также приблизительную датировку (что важно): 4-й год [правления восточно-цзиньского Чэн-ди 成帝 Сыма Яня 司馬衍 под девизом] Сяньхэ 咸和 (15 февраля 329 г. — 4 февраля 330 г.) [Илюшин, 2023. С. 110–112].

В цзюане 99 приведена дата смерти вождя Еяня 葉延: 11-й месяц 7-го года Юнхэ 永和 (5 декабря 351 г. — 2 января 352 г.) [Илюшин, 2023. С. 113]. Отметим, что тут имя его сына-наследника записано иначе, чем в других источниках — Суйто 碎妥 (а не Суйси 碎奚 / Писи 辟奚), хотя в цзюане 103 он фигурирует под именем Писи.

Посольство от Тууюхунь-вана Писи в империю (Ранняя) Цинь 秦 и преподнесение императору Фу Цзяню 苻堅 в дар тысячи лошадей и 500 лан серебра (под впечатлением от его победы над политическим противником — Ян Цзуанем 楊纂) датируется в 103-м цзюане ЦЧТЦ 5-м месяцем 1-го года [правления восточно-цзиньского Цзяньвэнь-ди 簡文帝 Сыма Юя 司馬昱 под девизом] Сяньань 鹹安 / 咸安 (31 мая — 28 июня 371 г.) (хотя официально этот девиз был объявлен только в декабре, поэтому считать нужно по 6-му году

³ Ниже полные пояснения об императорах приводятся только по необходимости. Перевод дат с китайского летоисчисления на европейский календарь осуществлен с помощью интернет-ресурса Academia Sinica Computing Center: Calendar Conversion. URL: <https://sinocal.sinica.edu.tw> (дата обращения: 24.05.2026).

Тайхэ 太和 предыдущего императора). Фу Цзянь пожаловал Писи звание военачальника-умиротворителя далеких земель (安遠將軍 *аньюань цзянцзюнь*) и Цянчуань-хоу 潯川侯. Далее приводится известный по другим источникам рассказ о своеволии трех младших братьев Писи и их убийстве приближенными Туюйхунь-вана, о депрессии Писи и переходе звания вождя к его сыну Шилянью [Илюшин, 2023. С. 114–115].

В цзюане 107 сообщение о посольстве Шиляня 視連 к правителю сяньбийского государства Западная Цинь Цифу Ганьгую 乞伏乾歸 и попытке того «жаловать» Туюйхунь-вана должностью «пастыря» Песчаной области (Шачжоу-му 沙州牧) и титулом Байлань-ван 白蘭王 помещено между 4-м и 7-м месяцами 15-го года Тайюань 太元 (1–29 мая / 29 июня – 27 июля 390 г.) [Илюшин, 2023. С. 118].

Согласно ЦЧТЦ (цзюань 107), Шилянй умер в 9-м месяце 15-го года Тайюань (26 сентября – 24 октября 390 г.). Его сын и наследник Шипи 視罷, негодовавший из-за неуважения, проявленного к его отцу соседними правителями, в 10-м месяце (25 октября – 23 ноября 390 г.) демонстративно отверг «пожалованные» Цифу Ганьгую должность Шачжоу-му и титул Байлань-ван [Илюшин, 2023. С. 118–120].

Посылка Ганьгую 20-тысячного конного войска во главе с Циньчжоу-му 秦州牧 Цифу Ичжоу 益州, 武衛將軍 *увэй цзянцзюнем* Му У 慕容兀 (точнее, Мужуном Юнем 慕容允), 冠軍將軍 *гуанцзюнь цзянцзюнем* Чжай Мао / Вэнем 翟瑄 на Туюйхунь датируется 9-м месяцем 2-го года Лунъань 隆安 (27 сентября – 26 октября 398 г.) (цзюань 110).

Поражение туюйхуней при Дучжоучуань 度周川 [Илюшин, 2023. С. 120] датировано в 110-м цзюане 10-м месяцем 2-го года Лунъань 隆安 (27 октября – 24 ноября 398 г.). После этого Шипи бежал в горы Байлань, запросил мира и направил к Ганьгую своего сына Данци 宕豈 в качестве заложника. Ганьгуй женил того на представительнице своего клана.

Как видим, в ЦЧТЦ за весь IV в. содержатся всего девять дат по истории Туюйхунь, причем почти все они касаются отношений туюйхуней с «полуварварскими» государствами северо-западных областей Китая; по внутренней истории Туюйхунь дат почти нет. В дальнейшем информации о Туюйхунь у китайцев стало значительно больше – уже за первую половину V в. приводится более 40 дат. Возможно, разница вызвана интенсификацией отношений туюйхуней с северокайтайскими правящими режимами, опиравшимися на образованных китайцев, более внимательно относившихся к истории и точным датам, чем кукунорские номады. Однако проверить это предположение нет возможности.

Сообщение о смерти Шипи, малолетстве (9 лет) его наследника Шулоганя 樹洛干 и объявлении туюйхуньским верховным вождем Ухэти 烏紇提 (младшего брата Шипи) записано за 4-й месяц 4-го года Лунъань (10 мая – 7 июня 400 г.) (цзюань 111). Там же сказано, что Ухэти был распутен и неспособен управлять народом, и при нем реальную власть перехватила его новая жена и мать Шулоганя – женщина из клана Нянь 念氏, отличавшаяся мудростью, храбростью, которую народ боялся и уважал [Илюшин, 2023. С. 121].

Пользуясь временным подчинением клана Цифу империи Цинь, Ухэти Дахай 大孩 грабил их земли, за что Цифу Ганьгуй атаковал Туьюхунь, разгромил Ухэти и захватил в плен более 10 тыс. человек. В монографии 2023 г. мы датировали эти события временем после 409 г., поскольку только тогда Цифу восстановили фактическую независимость от империи Цинь [Илюшин, 2023. С. 121]. Однако по ЦЧТЦ (цзюань 114) это событие относится к более раннему времени — 1-му месяцу 1-го года Иси 義熙 (15 февраля — 16 марта 405 г.). Это выглядит логично: ни клан Цифу, ни их сюзерен Яо Син 姚興 не могли терпеть такие нападения туьюхуней на протяжении нескольких лет.

Наследовавший Ухэти Шулогань увел несколько тысяч семей в Мохэчуань 莫何川, где провозгласил себя «командующим колесницами и конницей великим военачальником» (車騎大將軍 цзюйци / чэци цзянцзюнь), 大單于 великим шаньюем и 吐谷渾王 ваном туьюхуней. Он обладал хорошими лидерскими качествами и сумел восстановить «владение» Туьюхунь. В монографии 2023 г. при рассмотрении прихода к власти Шулоганя с опорой на «Цзинь шу» мы допустили, что он стал вождем в Мохэчуань еще при жизни Ухэти (поскольку в источнике говорилось, что Шулогань стал сиротой в девять лет, а власть получил в 16) [Илюшин, 2023. С. 122–123]. Хронология из ЦЧТЦ (цзюань 114) позволяет прояснить этот момент: в Мохэчуань Шулогань оказался именно после поражения Ухэти от Ганьгуя в 405 г. Он родился в 391 г., а власть получил в 15 лет (16 указано в китайском источнике с учетом отсчета возраста от зачатия).

Нападение туьюхуней на ослабевшую Южную Лян и поражение Туфа Хутая 虎台 в ЦЧТЦ (цзюань 116) датировано 2-м месяцем 7-го года Иси (11 марта — 8 апреля 411 г.) [Илюшин, 2023. С. 124].

Разгром туьюхуньского вождя Ажоганя 阿若干 на реке Чишуй 赤水 войском Цифу Ганьгуя в ЦЧТЦ (цзюань 116) датируется 2-м месяцем 8-го года Иси (28 февраля — 28 марта 412 г.). В книге 2023 г. мы предположительно отнесли внехронологическое сообщение 125-го цзюаня «Цзинь шу» о поражении Ажоганя ко времени разгрома Ухэти: предполагалось, что это произошло после 409 г., а хронология истории Цифу тогда еще не была нами проработана [Материалы по истории, 1992. С. 185; Илюшин, 2023. С. 122]. Исходя из датировок в ЦЧТЦ прежние положения следует признать ошибочными.

Также в 116-м цзюане ЦЧТЦ имеются датировки еще нескольких поражений туьюхуньских племен от Цифу. В 4-м месяце того же 9-го года Иси (16 мая — 14 июня 413 г.) «военачальник-умиротворитель севера» (安北將軍 аньбэй цзянцзюнь) Удиянь 烏地延 и «превосходящий всех в войсках военачальник» (冠軍將軍 гуаньцзюнь цзянцзюнь) Чжай Шао 翟紹 нанесли поражение тугухуньскому вождю из Лициньчуань 泣勤川 — Гоупану 句旁, и захватили много добычи и пленных [Материалы по истории, 1992. С. 186–187; Илюшин, 2023. С. 124–125]. Нападение войска Цифу Чипаня 熾磐 на туьюхуньское племя вождя Чжипаня 支旁 в местности Чанлючуань 長柳川 произошло в 7-м месяце 9-го года Иси (13 августа — 10 сентября 413 г.), а в 9-м месяце (11 октября — 8 ноября) Цифу напали на племя вождя Цзюэда 掘達 в Кэхуньчуань 渴渾川. В следующем месяце (9 ноября — 8 декабря 413 г.) Цзюэда с оставшимися соплеменниками подчинился Чипаню [Илюшин, 2023. С. 125].

В 2023 г. мы допустили, что Шулогань бежал в Байланьшань после поражения его брата Ачая 阿柴 при Яоханьчуань 堯桿川 в том же 413 г. или чуть позже [Илюшин, 2023. С. 125]. Однако в ЦЧТЦ (цзюань 118) этот эпизод датируется 2-м месяцем 13-го года Иси (4 марта – 2 апреля 417 г.). В хронике также сказано, что Шулогань, умирая, передал «престол» Ачаю, поскольку его сын-наследник Шицянъ 拾虔 был слишком молод. Став вождем, Ачай провозгласил себя 驃騎將軍 пяоци цзянцзюнем и 刺史 цыши Шачжоу 沙州, после чего принялся силой подчинять соседние мелкие племена [Илюшин, 2023. С. 127–128].

ЦЧТЦ (цзюань 118) позволяет уточнить также время нападения западно-циньского войска под командованием Тацзы 孔子 на туюйхуньское племя вождя Миди 覓地 на реке Жошуй 弱水 – 4-й месяц 1-го года Юаньси 元熙 (10 мая – 8 июня 419 г.) [Илюшин, 2023. С. 125].

В ЦЧТЦ (цзюань 119) отмечено, что в 4-м или 5-м месяце 2-го года Юнчу 永初 (18 мая – 15 июня 421 г. или 16 июня – 16 июля 421 г.) Ачай прислал к Цифу Чипаню послов с признанием капитуляции, за что был пожалован званием 征西大將軍 чжэнси да цзянцзюнь, должностью «пастыря» (牧 му) Аньчжоу 安州, титулом Байлань-ван 白蘭王 и правом создавать управления и пользоваться церемониалом, предусмотренным для трех высших сановников государства (開府儀同三司 кайфу итун саньсы). Таким образом, тут мы видим итог долгой войны Туюйхунь с Западной Цинь, опущенный в других источниках [Илюшин, 2023. С. 128–129]. Именно поражение от Цифу вынудило Ачая искать более тесные контакты с южнокитайской империей Сун.

Прибытие туюйхуньских послов ко двору Сун с «изъявлением покорности» в ЦЧТЦ (цзюань 119) также имеет точную датировку. Послы от Туюйхунь и из Хэси от Цзюйцзюй Мэнсюня 沮渠蒙遜 прибыли во 2-м месяце 1-го года Цзинпин 景平 (26 февраля – 27 марта 423 г.). В день [под циклическими знаками] гэнчэнь 庚辰 (10 марта 423 г.) император назначил Мэнсюня 蒙遜 главнокомандующим войск в областях Лян, Цинь, Хэ и Ша (都督涼秦河沙四州諸軍事), пожаловал званием 驃騎大將軍 пяоци да цзянцзюнь, должностью «пастыря» (му) Лянчжоу 涼州 и титулом Хэси-ван 河西王. Ачай же был объявлен командующим пограничных войск, 安西將軍 аньси цзянцзюнем, цыши Шачжоу 沙州 и Цзяохэ-гуном 澆河公. Как видим, сюннуский правитель из Лянчжоу тогда был оценен южнокитайским двором значительно выше, чем туюйхуньский вождь, несмотря на важность для Сун сычуаньско-цинхайской дороги в Западный край.

В цзюане 120 приведена дата смерти Ачая – 10-й месяц 1-го года Юаньцзя 元嘉 (7 ноября – 6 декабря 424 г.). В том же цзюане ниже приведено уникальное сообщение о восстании против Западной Цинь более 20 тыс. человек из подчиненных ранее туюйхуньских племен во главе с Окуем 握達. Они бежали в Анчуань 昂川 и присоединились к Туюйхунь-вану Мугую 慕瑰. Датируется событие 9-м месяцем 3-го года Юаньцзя (17 октября – 15 ноября 426 г.).

Еще одно уникальное сообщение в ЦЧТЦ (цзюань 121) относится к последним годам существования давнего врага Туюйхунь – Западной Цинь. В 6-м месяце 6-го года Юаньцзя (17 июля – 15 августа 429 г.) Туюйхунь-ван Мугуй послал пятитысячное войско во главе со своим братом Мулиянем 沒利延 для

нападения на Западную Цинь совместно с войском Мэнсюня. Си-Цинь-ван Мумо против них выслал войско с 輔國大將軍 *фуго да цзянцзюнем* Дуань Хуэем 段暉, но оно, видимо, потерпело поражение.

В цзюане 121 также отмечено, что в 12-м месяце 6-го года Юаньцзя (10 января – 8 февраля 430 г.) к южному двору прибыли посольства из Хэси и Туьйхунь с «данью». При этом в 5-м цзюане «Сун шу» («Истории Сун») при сообщении об этом посольстве отмечен также день *динхай* 丁亥 того же месяца (8 февраля 430 г.) [Илюшин, 2023. С. 131]. В день [под циклическими знаками] *гуйси* 癸巳 1-го месяца 7-го года Юаньцзя (14 февраля 430 г.) Мугуй был пожалован званием 征西將軍 *чжэнси цзянцзюнь*, должностью *цыши* Шачжоу 沙州 и титулом Лунси-гун 隴西公. Датировки приведены во все том же 121-м цзюане.

В 6-м месяце 7-го года Юаньцзя (7 июля – 4 августа 430 г.) Мугуй возглавил 18 тыс. воинов для новой атаки на Цинь, но *фуго да цзянцзюнь* Дуань Хуэй с войском отбили нападение (ЦЧТЦ, цзюань 121).

Распад Западной Цинь и захват части ее земель туьйхунями ЦЧТЦ (цзюань 121) относит к 10-му месяцу 7-го года Юаньцзя (2–30 ноября 430 г.) [Илюшин, 2023. С. 131].

В монографии 2023 г. нами была допущена техническая ошибка в датировке разгрома сюнну (владения Ся) и захвата их вождя Хэлянь Дина 赫連定 туьйхунями при переправе через Хуанхэ⁴: 6 июня 431 г. – день *гэнъинь* 庚寅 5-го месяца 4-го года эры правления под девизом Шэньцзя 神䴥 [Илюшин, 2023. С. 132]. И «история» династии Тоба-Вэй («Вэй шу»), и ЦЧТЦ (цзюань 122) датируют эти события 6-м месяцем 8-го года Юаньцзя (26 июня – 25 июля 431 г.). Также в ЦЧТЦ поясняется, что 30 тыс. туьйхуньских воинов возглавляли *цыши* Ичжоу 益州 Мулиянь 慕利延 и *цыши* Нинчжоу 寧州 Шицянъ 拾虔. При этом во время боя погиб Цзюйцюй Синго 興國 – сын Мэнсюня, ранее попавший в плен к Цифу [Хуэй-цзяо, 1991. С. 157].

В 8-м месяце 8-го года Юаньцзя (23 сентября – 21 октября 431 г.) Мугуй отправил ко двору Вэй послом Се Данина 謝太寧 по вопросу о землях бывшей Западной Цинь и о пленном Хэлянь Дине. Император в день *цзичоу* 己丑 (3 октября 431 г.) пожаловал Мугуя только званием 大將軍 (великого военачальника) и титулом правителя Западной Цинь (Си-Цинь-ван 西秦王), но не сделал никаких больших земельных уступок в области бывшей Западной Цинь (ЦЧТЦ, цзюань 122).

Датировка получения вэйским двором нового послания от Мугуя с обоснованием его прав на земли Западной Цинь в ЦЧТЦ идентична приведенной в «Вэй шу» (13 мая 432 г.), но дана она по девизу правления южнокитайского императора (день *жэньшэнь* 壬申 3-го месяца 9-го года Юаньцзя), а не северного, вэйского (1-й год Яньхэ [Илюшин, 2023. С. 133]).

Еще одно уточнение о дипломатических отношениях Туьйхунь с Югом: прибытие ко двору Сун туьйхуньского посла и военачальника (司馬 *сыма*) Чжао Сюя 趙叔 с дарами и вестями о разгроме «мятежников» датируется в ЦЧТЦ 6-м месяцем 9-го года Юаньцзя (14 июля – 11 августа 432 г.) (цзюань 122).

⁴ Хэлянь Дин намеревался напасть со всеми силами на Хэси, дружественное тогда Туьйхунь.

В 2023 г. мы предположительно связали с приездом Чжао Сюя на юг (о котором известно по цзюаню 96 «Сун шу») сообщение о туюйхуньском посольстве в день *жэньшэнь* 壬申 7-го месяца 9-го года Юаньцзя (10 сентября 432 г.) [Илюшин, 2023. С. 134], что, судя по всему, неверно: Чжао Сюй прибыл раньше, затем уже пришло второе посольство.

В том же 122-м цзюане сообщается, что поскольку Мугуй являлся главным командующим (*дуду*) областей Си-Цинь, Хэ и Ша, «карающим запад великим полководцем» (*чжэнси да цзянцзюнь*), *цыши* Си-Циньчжоу 西秦州 и Хэчжоу 河州, в день *ивэй* 乙未 6-го месяца 9-го года Юаньцзя (4 августа 432 г.) южный двор «повысил» его титул до Лунси-вана 隴西王. Кроме того, от него потребовали «полностью вернуть полководцев и воинов (*цзянши*) с Юга, ранее не прибывавшими в Ся 夏 (или, скорее, не являвшихся подданными Ся), [после чего] было возвращено более 150 человек»⁵.

Южнокитайское войско под командованием Лю Юя разгромило войска империи Цинь, захватило циньскую столицу Чанъань и покончило с династией рода Яо. После победы основные силы вернулись на юг, а оставшиеся гарнизоны были разбиты войсками сюнну из Ордоса, чей правитель Хэлянь Бобо 赫連勃勃 ранее провозгласил там царство Великое Ся 大夏 [Гумилёв, 1974. С. 158–162; Материалы по истории, 1989. С. 139–142]. Видимо, в переведенном выше отрывке речь идет именно о южнокитайских военнопленных, после уничтожения Ся оказавшихся в руках туюйхуней. Судя по всему, об этих же военнопленных речь идет в 96-м цзюане «Сун шу», где сказано, что император требует от Мугуя вернуть находившихся в Туюйхунь командиров и воинов-южан, «пропавших в прошлом при Фофо», и тот вернул 55 «дворов» и некоего Чжу Синьчжи, всего 154 человека [Илюшин, 2023. С. 134–135].

Сообщение о смерти Туюйхуньского хуи-вана 惠王 Мугуя и о наследовании «престола» его младшим братом Мулиянем в цзюане 123 стоит в конце 13-го года Юаньцзя 元嘉 (3 февраля 436 г. – 20 февраля 437 г.). Ниже сообщается о жаловании взйским императором его наследника Мулияня званием *чжэнси да цзянцзюнь*, регалиями трех высших государственных сановников (儀同三司) и титулом Сипин-ван 西平王 в день *динъю* 丁酉 9-го месяца 14-го года Юаньцзя (8 ноября 437 г.).

В день *динвэй* 丁未 2-го месяца 15-го года Юаньцзя (18 марта 438 г.) Мулиянь был «назначен» южным двором военачальником областей Си-Цинь, Хэ и Ша (都督西秦河沙三州諸軍事), *чжэнси да цзянцзюнем*, *цыши* Си-Цинь-чжоу и Хэчжоу, а также пожалован титулом Лунси-вана (цзюань 123).

Уточняется в ЦЧТЦ (цзюань 123) и изменение южным двором титула, которым южане «жаловали» туюйхуньского правителя – с Лунси-ван на Хэнань-ван. Это произошло в день *цзю* 己酉 6-го месяца 16-го года Юаньцзя (13 июля 439 г.) [Илюшин, 2023. С. 136].

В 9-м месяце 16-го года Юаньцзя (24 сентября – 23 октября 439 г.) в Туюйхунь от табгачей бежал Цзюйцзюй Аньчжоу 安周 – брат Хэси-вана Муцзяня 牧犍, ранее назначенный 太守 *тайшоу* Лэду 樂都 (цзюань 123).

⁵ Цитата приведена в переводе А. М. Пастухова.

Когда туюйхуньский ван Мулиянь узнал о захвате Лянчжоу табгачами Северной Вэй, он испугался и со всем народом начал откочевывать на запад (видимо, в Цайдам). Табгачи же заверили его в том, что за заслуги его брата Мугуя в поимке Хэлян Дина ему нечего бояться. После этого туюйхуни вернулись. Обращение вэйцев к Мулияню датируется ЦЧТЦ (цзюань 123) 12-м месяцем 16-го года Юаньцзя (20 января – 18 февраля 440 г.), однако неясно, о чем именно идет речь: о подписи послания, высылке гонца или получении сообщения Мугуем.

ЦЧТЦ (цзюань 124) уточняет время заговора против Мулияня, в котором были замешаны его племянник Вэйдай и вэйский посол – 6-й месяц 21-го года Юаньцзя (1–30 июля 444 г.). В том же месяце после казни заговорщиков в Северную Вэй бежали брат Вэйдая Чилиянь 叱力延 и еще восемь человек. Император назначил Чилияня Гуйи-ваном 歸義王 [Илюшин, 2023. С. 137–138].

Еще одно событие подробно описано и датировано в ЦЧТЦ (цзюань 124) – просьба Чилияня к императору послать войско против Мулияня: 8-й месяц 21-го года Юаньцзя (29 августа – 27 сентября 444 г.). Войско возглавил Фу Ло 伏羅 [Илюшин, 2023. С. 238]. В следующем месяце (28 сентября – 27 октября 444 г.) это войско через Лэду прошло в туюйхуньские земли, из-за чего Мулиянь бежал на юг в Байланьшань, а его племянник Шиинь – в Хэси. Выступление против Мулияня в Байлань вэйского войска под командованием чжэнси да цзян-цзюня Гаолян-вана На 那 и еще одного войска под началом аньюань цзянцзюня И Утоу 乙烏頭 против Шигуя 什歸, племянника Мулияня, датируется днем гэнсюй 庚戌 4-го месяца 22-го года Юаньцзя (13 мая 445 г.). В 7-м месяце (19 августа – 16 сентября 445 г.) при подходе китайских войск Шигуй ночью вышел из городка и бежал [Илюшин, 2023. С. 139]. В день жэньинь 壬寅 8-го месяца 22-го года Юаньцзя (2 октября 445 г.) войско Гаолян-вана На добралось до города Нинтоу 寧頭城. Мулиянь с частью людей ушел на запад, в «зыбучие пески» (люша 流沙). Далее приводятся уникальные сведения⁶: против вэйцев «взбунтовался» сын Мугуя – Бэйнан 被囊, но был разбит и бежал; его преследовала отборная конница во главе с Чжуншань-гуном 中山公 Ду Фэном 杜豐; перевалив через горы Саньвэй 三危, вэйцы достигли Снежных гор (Сюэшань 雪山) и захватили Бэйнана вместе с Шигуем и сыном Цифу Чипаня Чэнлуном 成龍, после чего всех пленных увели в Пинчэн 平城. Мулиянь же (что известно и по другим источникам) со своим оставшимся войском ушел на запад, вторгся в Юйтянь 于闐 (Хотан), где убил правителя и несколько десятков тысяч человек.

Возвращение туюйхуней в свои земли после табгачского нашествия датировано в ЦЧТЦ (цзюань 124) 23-м годом Юаньцзя (12 февраля 446 г. – 31 января 447 г.).

В цзюане 125 ЦЧТЦ указывается, что империя Сун имела союз с жужанями, туюйхунями, кланами Цзюйцзюй и Хэлянь, а также с Когурё против Северной Вэй. Запись датируется 4-м или 5-м месяцем 27-го года Юаньцзя (28 апреля – 26 мая или 27 мая – 25 июня 450 г.).

⁶ Перевод выполнен А. М. Пастуховым.

Просьба Мулияня у южнокитайского императора о переходе его людей подальше от табгачей в округ Юэсуй 越巂 в ЦЧТЦ (цзюань 125) датируется 6-м месяцем 27-го года Юаньцзя (26 июня – 24 июля 450 г.). В Юэсуй туюйхуни так и не прибыли [Илюшин, 2023. С. 139].

В ЦЧТЦ (цзюань 126) смерть Мулияня датируется 9-м месяцем 29-го года Юаньцзя (30 сентября – 28 октября 452 г.). Ему наследовал Шиинь, сын Шулоганя, который поселился в Фулочуань 伏羅川. При работе над монографией мы эту дату не учли [Илюшин, 2023. С. 139]. Шиинь (видимо, постфактум) спросил разрешения у вэйского двора на поселение в Фулочуань. В день *динхай* 丁亥 (10 октября 452 г.) южный император пожаловал Шииню звание *аньси цзянцзюнь*, должность *цыши* Си-Циньчжоу, Хэчжоу и Шачжоу, титул Хэнань-ван. Север-вэйский же император назначил Шииня *чжэнси да цзянцзюнем* (это более высокое звание), *цыши* Шачжоу и Сипин-ваном.

Получение пожалований и от вэйского, и от сунского императоров, а также обустройство резиденции Шииня в Фулочуань привело к недовольству им среди представителей вэйской верхушки [Илюшин, 2023. С. 144.]. Обсуждение планов по нападению на Шииня и начало похода в ЦЧТЦ (цзюань 129) датируется, как и в «Вэй шу» (цзюань 5), 6-м месяцем, но 4-го года Дамин 大明, а не 1-го года Хэпин 和平 (4 июля – 2 августа 460 г.).

Содержащиеся в ЦЧТЦ (цзюань 129) сведения позволяют уточнить время бегства Шииня в Южные горы (видимо, в Наньшань – на север, а не на юг). Эти события отнесены в хронике к 7-му или 8-му месяцу 4-го года Дамин (3 августа – 1 сентября или 2–30 сентября 460 г.).

В ЦЧТЦ отсутствует сообщение о присылке Шиинем ко двору Сун танцующих лошадей, четырехрогих баранов и 27 музыкантов. Также нужно отметить, что в переводе В. С. Таскиным этого фрагмента 96-го цзюаня «Сун шу» была допущена ошибка в переводе даты, и в своей монографии мы ее повторили [Материалы по истории, 1984. С. 241; Илюшин, 2023. С. 146]. В действительности посольство прибыло в 5-й год правления сунского Ши-цзу (Сяоу-ди 孝武帝) под девизом Дамин 大明, что соответствует не 466 г., а периоду между 27 января 461 г. и 14 февраля 462 г. (сам Ши-цзу умер в 464 г.).

Во 2-м или 3-м месяце 6-го года Тайши 泰始 (между 18 марта – 16 апреля 470 г. или 17 апреля – 15 мая 470 г.) правитель Вэй послал против туюйхуней войско во главе с *чжэнси да цзянцзюнем* Шандан-ваном 上黨王 Чжансунь Гуанем 長孫觀 (ЦЧТЦ, цзюань 132).

В монографии 2023 г. была допущена ошибка в датировке битвы вэйского войска под командованием Чжансунь Гуаня 長孫觀 с войском Шииня при горе / у гор Маньтоу 曼頭山. Это не день *синьчжоу* 辛丑 4-го месяца 4-го года Хуансин 皇興 [Илюшин, 2023. С. 147]. И по «Вэй шу», и по ЦЧТЦ (цзюань 132) битва произошла в день *ушэнь* 戊申 4-го месяца, по ЦЧТЦ – 6-го года правления Сунского 宋 Мин-ди 明帝 под девизом Тайши 泰始 (30 мая 470 г.). Туюйхуни потерпели поражение. Шиинь бежал, отправив своего приближенного по имени Кан Паньлун 康盤龍 с данью к императору, но тот бросил его в темницу.

В 473 г. империя Вэй и Туюйхунь пострадали от голода вследствие засухи. Нехватку продовольствия туюйхуни компенсировали набегом на округ

Цзяохэ 澆河. В ЦЧТЦ (цзюань 133) сообщение об этом датируется 3-м месяцем 1-го года Юаньхуй 元徽 (13 апреля – 12 мая 473 г.). В ответ на это в день ушэнь 戊申 (14 мая 473 г.) император отправил против туюйхуней войско. Вторжение войска Чансун Гуаня 長孫觀 на территорию Туюйхунь и уничтожение осеннего урожая датируется 8-м месяцем (8 сентября – 6 октября 473 г.). Шииню пришлось просить о сдаче, послать сына (Цзиня 斤) в столицу и выплатить дань [Илюшин, 2023. С. 148].

На 11-й или 12-й месяц 1-го года Цзяньюань 建元 (30 ноября – 28 декабря 479 г. или 29 декабря – 27 января 480 г.) в ЦЧТЦ (цзюань 135) приходится посольство от империи Ци к жужаням для договора о совместных действиях против Северной Вэй. Посольство шло через область Шу 蜀 и Туюйхунь.

По ЦЧТЦ (цзюань 135) Шиинь умер в 9-м месяце 3-го года Цзяньюань (9 октября – 7 ноября 481 г.). В день уцзы 戊子 10-го месяца 3-го года Цзяньюань (8 ноября 481 г.) его преемнику Дуихоу 度易侯 южный император пожаловал должность цыши Си-Цинь-чжоу и Хэчжоу и титул Хэнань-ван [Илюшин, 2023. С. 151].

В день гэнсюй 庚戌 6-го месяца 3-го года правления циского 齊 У-ди 武帝 под девизом Юнмин 永明 (12 июля 485 г.) император Вэй «повысил» Дуихоу до Хэнань-вана 河南王 и пiaoцзи да цзяньцзюня. Затем в Туюйхунь был направлен Цю Гуаньсянь 丘冠先 вместе с послом из Жужани (цзюань 136).

Следующий фрагмент касается отношений туюйхуней с данчанами. Имеет смысл привести тут полный его перевод, выполненный А. М. Пастуховым: «В день гуйвэй 癸未 7-го месяца 3-го года Юнмин 永明 (14 августа 485 г.) Вэй направила посла с визитом к [Лян] Мичэну 彌承, племяннику правителя Данчан 宕昌王 Лян Мицзи 梁彌機, чтобы сделать его правителем Данчан. Изначально, когда [Лян] Мицзи умер, его сын [Лян] Мибо 彌博 взошел на престол, но под давлением Тугухунь бежал в Цючи 仇池. Цючи-чжэньцзян Му Лян 穆亮, поскольку в случае с [Лян] Мицзи Вэй отдавала ему предпочтение, из предосторожности уничтожил его. [Лян] Мибо пошел против справедливости и подвластные [ему] племена возненавидели [его]. Мичэн с подвластными ему людьми подал прошение принять [под власть империи] его [Мичэна]. Издали указ, разрешающий это. [Му] Лян повел 30 тыс. всадников в Лунху 龍鵠, напал на Туюйхунь и обратился в бегство, возвел на престол [Лян] Мичэна и вернулся обратно. [Му] Лян – это правнук [Му] Чуна 穆崇» (цзюань 136).

В монографии 2023 г. по сведениям «Вэй шу» (цзюань 27) отношения туюйхуней с данчанами охарактеризованы так: туюйхуни в начале правления Юань Хуна (467–499) напали на данчанов, чей вождь Ми Бо хотел бежать в Усин к дисцам. Однако позже Ми Бо «пошел против справедливости» и остался без поддержки цянов и ди. Соппротивление туюйхуням возглавил другой вождь – Му Лян, который с 30 тыс. всадников разгромил туюйхуней при Лунху. Исходя из перевода фрагмента 27-го цзюаня «Вэй шу», мы предположили, что далее речь идет о возведении на престол в Туюйхунь некоего Ми Чэна (Мичэна) [Илюшин, 2023. С. 145–146]. Сведения ЦЧТЦ дополняют и проясняют этот эпизод: потерявший популярность вождь Мибо бежал при вторжении туюйхуней и был убит Му Ляном; последний смог

разгромить тууюхуней и утвердил вождем над данчанами Мичэна, что также было санкционировано империей Вэй. Случилось это не в конце 460-х годов, а в 485 г.

Сообщение о смерти Хэнань-вана Дуихоу 度易侯 помещено под 8-м месяцем 8-го года Юнмин (31 августа – 29 сентября 490 г.). В день иу 乙酉 8-го месяца 8-го года Юнмин (19 сентября 490 г.) император пожаловал его наследнику должность *цыши* Циньчжоу и Хэчжоу. Пожалование было отправлено в Тууюхунь с посольством во главе с Цю Гуаньсянем. Посольство закончилось плохо. Новый Тууюхунь-ван Фуляньчоу начал требовать от посла поклониться, тот отказывался, в итоге его бросили со скалы (цзюань 137).

В 1-й месяц 9-го года Юнмин 永明 (26 января – 24 февраля 491 г.) вэйский император вызвал Тууюхунь-вана Фуляньчоу 伏連籌, но тот отказался явиться, притворившись больным. При этом тууюхуни восстановили два городка – Таоян 洮陽 и Нихэ 泥和, и разместили там войска. В день под циклическими знаками *ихай* 乙亥 2-го месяца (8 марта 491 г.) командующий войск в г. Фухань 枹罕 Чансунь Байнянь 長孫百年 запросил разрешение атаковать эти городки. Последняя дата совпадает с указанной в «Вэй шу», но дана по девизу правления южного императора (цзюань 137) [Илюшин, 2023. С. 154–155].

Хотя городки были захвачены вместе с «гарнизонами», император повелел отпустить пленников. В ЦЧТЦ (цзюань 137) эти сведения дополнены. Ранее, когда к Фуляньчоу прибыл гонец с сообщением о смерти вдовствующей императрицы, тот неким образом проявил неуважение, отчего сановники при дворе просили императора наказать Тууюхунь-вана и вернуть тууюхуньскую «дань» (дары). Но император отказал, не желая отталкивать от себя вассала еще сильнее. Более того, после этого были отпущены пленники из Таояна и Нихэ.

В день *гэншэнь* 庚申 7-го месяца 10-го года Юнмин (14 августа 492 г.) ко двору Вэй от Фуляньчоу прибыл наследный сын Хэлутоу 賀虜頭. Император Юань Хун 元弘 назначил Фуляньчоу главноуправляющим всеми военными делами на западных окраинах (都督西垂諸軍事 *дуду си чуй чжу цзюньши*), Сихай-гуном 西海公 и признал Тууюхунь-ваном. После этого к Фуляньчоу был отправлен посланник Чжан Ли 張禮 [Илюшин, 2023. С. 155] (цзюань 137).

Этим же годом датируется сообщение о том, что Чжан Ли воспретил Фуляньчоу нападать на данчанов, чей вождь стал считать себя равным Тууюхунь-вану (цзюань 137). Ранее мы отнесли этот эпизод к 500–515 гг. [Илюшин, 2023. С. 158].

Обострение отношений Тууюхунь с Северной Вэй из-за «заносчивости» Фуляньчоу и посылка к нему посла с порицаниями отмечены в цзюане 143 между 6-м и 8-м месяцами 2-го года Юнъюань 永元 (между 12 июля и 8 сентября 500 г.).

В день *жэньцзы* 壬子 9-го месяца 3-го года Тяньцзянь 天監 (9 августа 503 г.) Тууюхунь-ван Фуляньчоу «назначен» сунским двором *цыши* Си-Циньчжоу и Хэчжоу, пожалован титулом Хэнань-ван (цзюань 145).

Обращение плененного восставшими жителями *цыши* южной области Лянчжоу 梁州 Сун Ина 宋穎 к Фуляньчоу с просьбой о помощи ЦЧТЦ (цзюань 150) датирует 9-м месяцем 5-го года Путун 普通 (13 октября – 11 ноября

524 г.). По другим источникам тууюхуни в том же месяце атаковали восставших и освободили Сун Ина [Илюшин, 2023. С. 159].

Как и в «Вэй шу», поход тууюхуней против сепаратиста Чжао Тяньбяня 趙天安, капитуляция последнего и возврат Лянчжоу в состав империи Вэй датируются ЦЧТЦ (цзюань 150) 10-м месяцем (1–30 ноября 525 г.), но по летоисчислению южной династии (6-й год Путун) [Илюшин, 2023. С. 160].

В день *жэньшэнь* 壬申 5-го месяца 2-го года Датун 大通 (18 июня 528 г.) Тууюхунь-ван Фофу «назначен» *цыши* Си-Цинь-чжоу и Хэ-чжоу (цзюань 154).

Смерть Фуляньчоу и наследование «престола» его сыном Куалюем 誇呂 в ЦЧТЦ (цзюань 158) отнесены к концу 6-го года Чжундатун 中大同 (девиз правления императора Лян) (30 января 534 г. – 17 февраля 535 г.). При этом в хронике указано, что после восстания Мочжэ Няньшэна в 525 г. тууюхуни прекратили всякое общение с империей Вэй, погрузившейся в политический кризис. Куалюй объявил себя хаганом и сделал своей ставкой город Фусычен 伏侯城. В это время тууюхуни владели землями протяженностью в 3 тыс. ли (ок. 1,5 тыс. км) с востока на запад и более чем 1 тыс. ли (ок. 500 км) с юга на север, а под влиянием китайской политической традиции представители тууюхуньской элиты носили титулы и звания *ван*, *гун*, *пуе*, *шаншу*, *ланчжун*, *цзянцзюнь*.

Из ЦЧТЦ (цзюань 159) становится известно, что несмотря на установление союзных отношений между Тууюхунь и Восточной Вэй 東魏 еще в 540 г., двоюродная сестра Куалюя стала наложницей императора Сяо Цзин-ди 孝靜帝 (Юань Шаньцзяня 元善見) [Илюшин, 2023. С. 162] только в день *гэншэнь* 庚申 2-го месяца 11-го года правления западно-вэйского Вэнь-ди 文帝 под девизом Датун 大同/大統 (9 марта 545 г.).

С Тууюхунь в 11-м году Датун (28 января 545 г. – 15 февраля 546 г.) установил отношения фактически мятежный сановник Дэн Ян 鄧彥, ранее захвативший власть в Гуачжоу 瓜州, убив сына-наследника предыдущего *цыши*, ранее умершего. Впрочем, вскоре его схватил специально посланный воинский отряд (цзюань 159).

К тууюхуням же бежал в 5-м месяце 1-го года Чжундатун 中大同 (14 июня – 13 июля 546 г.) Чжан Бао 張保 – один из предводителей очередного восстания (цзюань 159).

В ЦЧТЦ (цзюань 164) отмечается, что к первому году Чэншэн 承聖 (2 декабря 552 г. – 29 января 553 г.) между тууюхунями и *цыши* Ичжоу, 太尉 тайвэем Улин-ваном Цзи 武陵王紀 установились тесные отношения. Улин-ван контактировал не только с Тууюхунь, но и с другими соседними землями, занимался активно местными делами в области Шу, развивал торговлю и накопил большое богатство, а также запас оружия, доспехов и имел 8 тыс. лошадей.

Несмотря на установление дипломатических отношений с Западной Вэй, тууюхуни совершали набеги на ее территорию. Во время крупного вторжения, возглавляемого самим хаганом Куалюем, против тууюхуней в 4-м месяце 2-го года Чэншэн 承聖 (29 апреля – 27 мая 553 г.) выступило 30-тысячное войско во главе с фактическим правителем Западной Вэй Юйвэнь Таем 宇文泰. Это войско атаковало Куалюя в районе г. Гуцзан 姑臧, и тот запросил

о мире. Позже Куалюй продолжил контактировать с Восточной Вэй, и один из его послов был схвачен *цыши* Лянчжоу Ши Нином (цзюань 165).

Сведения из цзюаня 166 позволяют уточнить датировку совместного китайско-тюркского нашествия на Туюйхунь, во время которого в плен попала семья Куалюя. По Н. Я. Бичурину это 556 г. [Бичурин, 1833. С. 85], хотя в «Чжоу шу» указывается 2-й год правления западно-вэйского императора Гун-ди 恭帝 (7 февраля 555 г. – 27 января 556 г.) [Материалы по истории, 1984. С. 245]; эта же дата (555 г.) была принята в нашей монографии⁷ [Илюшин, 2023. С. 167]. Однако в ЦЧТЦ приводится более подробное описание этой кампании, и датируется она именно 556 годом. В пользу такой датировки говорит и то, что в 96-м цзюане «Бэй ши» (VII в.) эти события датируются 3-м (а не 2-м) годом Гун-ди (28 января 556 г. – 15 января 557 г.). Судя по всему, ошибочна датировка из «Чжоу шу».

В ЦЧТЦ же об этих событиях сообщается следующее. В 9-м месяце 1-го года Тайпин 太平 (19 октября – 17 ноября 556 г.) (правление Лянского 南梁 Цзин-ди 敬帝) тюркский 突厥 каган Мугань 木杆 запросил проход через Лянчжоу для нападения на Туюйхунь. Вэйский *тайши* Юйвэнь Тай направил на помощь тюркам *цыши* Лянчжоу Ши Нина 史寧 с конным войском. Когда войско вторжения достигло Фаньхэ 番禾, туюйхуни бежали в Южные горы (вероятно, речь идет о Наньшане). Мугань собирался преследовать их своими силами, но Ши Нин предложил совместно захватить туюйхуньские крепости Шудунь 樹敦 и Хэчжэнь 賀真. Тюрки пошли северной дорогой на Хэчжэнь, а вэйское войско – южной на Шудунь. Куалюй ушел к городку Хэчжэнь, а одному из ванов поручил оборонять Шудунь. Мугань захватил Хэчжэнь и жену Куалюя, Ши Нин взял Шудунь и пленил туюйхуньского Чжэннань-вана 征南王. Позже вэйское и тюркское войска встретились у Кукунора (Цинхая 青海).

Еще одна допущенная нами ошибка – датировка 559 годом нападения туюйхуней на Лянчжоу, Шаньчжоу и Хэчжоу («в начале эры правления У-чэн 武成») [Илюшин, 2023. С. 168]. По ЦЧТЦ (цзюань 167) это нападение состоялось в 1-м месяце 1-го года правления чэньского 陳 императора У-ди 武帝 под девизом Юндин⁸ 永定 (15 февраля – 15 марта 557 г.). Против них предписывалось выступить с войском Юю И 於翼 из Циньчжоу, но тот, зная неумение кочевников брать крепости, не стал понапрасну утруждать свое войско. Тогонцы действительно не смогли взять города и стали отступать.

Соответственно атака туюйхуней войском 大司馬 да сыма Хэлянь Сяна 賀蘭祥 произошла не в связи с этим набегом, а два года спустя – в 3-м месяце 3-го года Юндин 永定 (24 марта – 22 апреля 559 г.): приказ о выступлении войска или его отправка датируется в цзюане 167 ЦЧТЦ днем *гэнсюй* 庚戌 – 15 апреля.

Разгром туюйхуней и захват их городков Таоян 洮陽 и Хунхэ 洪和 Хэлянь Сянем 賀蘭祥 и учреждение на тех землях области Таочжоу 洮州 датируется в 167-м цзюане ЦЧТЦ 4-м месяцем 3-го года Юндин (23 апреля – 21 мая 559 г.).

⁷ При этом в ней приведена ошибочная ссылка на 95-й цзюань «Сун шу», хотя это 50-й цзюань «Чжоу шу».

⁸ Хотя девиз объявлен только с 7 ноября, так что считать надо по предыдущему правлению.

Принятие туюйхуньским Лунхэ-ваном 龍涸王 Мочаном 莫昌 вместе с его племенем подданства Чжоу [Илюшин, 2023. С. 170] датируется 5-м месяцем 1-го года Тянькан 天康 (4 июня – 2 июля 566 г.) (цзюань 169).

В день синью 辛酉 2-го месяца 8-го года Тайцзянь 太建 (27 марта 576 г.) северо-чжоуский «сын-наследник» был отправлен на западные земли для подготовки похода против туюйхуней. Командование было поручено Ван Гую 王軌 и Юйвэнь Сяобо 宇文孝伯 (цзюань 172). В 8-м месяце 8-го года Тайцзянь (9 сентября – 7 октября 576 г.) это войско выступило против туюйхуней и достигло г. Фусычен к западу от Кукунора, но вернулось без существенного результата. Далее подчеркивается, что фавориты сына-наследника чинили различные преступления в войске, но тот им все прощал (цзюань 172).

После дня жэньу 壬午 (18 сентября 581 г.) или в тот же день суйское войско во главе с Юань Се 元諧 выступило против туюйхуней, ранее вторгшихся в Лянчжоу (цзюань 175) [Илюшин, 2023. С. 172–173].

Датировка битвы у горы Фэнли 豐利 в ЦЧТЦ (цзюань 175) также отсутствует, но отмечено, что Юань Се разбил группировку наследника Куалюя – Кэбоханя 可博汗. После этого тридцать туюйхуньских вождей с их войсками сдались. Суйцы назначили править туюйхунями (вместо бежавшего Куалюя) Гаонин-вана Ицзыпоу 高寧王移茲哀. Юань Се был назначен цыши Нинчжоу.

Датировка вторжения туюйхуней в Линьтао 臨洮, когда в бою был убит цыши Пи Цысинь 皮子信, в ЦЧТЦ (цзюань 175) совпадает с той, что приведена в «Суй шу», но дается по летоисчислению империи Чэнь – день гэнгу 庚午 4-го месяца 1-го года Чжидэ 至德 – 29 апреля 583 г. Также сказано о поражении от войска Лян Юаня 梁遠 и неудачном вторжении в Кочжоу 廓州 [Илюшин, 2023. С. 174].

В день гэнчэнь 庚辰 6-го месяца 1-го года Чжидэ 至德 (8 июля 583 г.) суйское войско под командованием Лян Юаня 梁遠 разбило туюйхуней у горы / гор Эрхан 爾汗 (цзюань 175).

В цзюане 176 содержится информация, позволяющая уточнить нашу датировку начала двадцатидневного похода на Туюйхунь войска Цзялоу Цзыганя 賀婁子干 – день гэнцзы 庚子 4-го месяца 2-го года Чжидэ (23 мая 584 г.), а также время неудачных заговоров против Куалюя со стороны его сыновей, не поддержанных империей Суй [Илюшин, 2023. С. 175] – конец 4-го года Чжидэ (16 декабря 586 г. – 14 января 587 г.). По крайней мере запись об этих событиях стоит в конце раздела по этому году.

Попытка туюйхуньского вана Тоба Муми 拓跋木彌 с более чем тысячей его людей подчиниться империи Суй датируется в цзюане 176 2-м годом Чжэньмин 禎明 (3 февраля 588 г. – 21 января 589 г.).

В день уу 戊午 2-го месяца 11-го года Кайхуан 開皇 (6 марта 591 г.) туюйхуни прислали ко двору Суй послос с данью. Далее сказано, что Куалюй, узнав о разгроме Суй южной империи Чэнь, бежал подальше от границ и не осмеливался совершать набеги. Когда он умер, его сменил сын, в хронике названный Шифу 世伏. Он направил племянника, Усу 無素, к императору, признавая его сюзереном и прося о династическом браке, на что Ян Цзянь тогда ответил отказом, дабы другие вассалы не стали просить того же (цзюань 177) [Илюшин, 2023. С. 177].

Стоит уточнить также, что сообщение о выдаче «принцессы» Гуанхуа 光化 замуж за Шифу помещено в цзюане 178 в конце раздела по 16-му году Кайхуан (4 февраля 596 г. — 23 января 597 г.), точнее, после 11-го месяца (6 ноября — 24 декабря) [Илюшин, 2023. С. 178].

Еще одно уточнение в 178-м цзюане: убийство Шифу и смута в Туюйхунь произошли в 17-м году Кайхуан (24 января 597 г. — 11 февраля 598 г.). При этом туюйхуни продолжили посылать посольства с символической данью [Илюшин, 2023. С. 178].

О бегстве тюркского Бугя-кагана 步迦 в Туюйхунь сообщается в конце раздела по 3-му году Жэньшоу 仁壽 (16 февраля 603 г. — 5 февраля 604 г.) (цзюань 179) [Илюшин, 2023. С. 179].

В день цзихай 己亥 6-го месяца 3-го года Дае 大業 (21 июля 607 г.) ко двору Суй прибыли послы от Туюйхунь и Гаочан с данью (цзюань 180).

Предложение сановника Пэй Цзюя 裴矩 императору Ян-ди по завоеванию Западного края, которому угрожали туюйхуни, в 180-м цзюане ЦЧТЦ стоит в разделе за 10-й месяц 3-го года Дае 大業 (26 октября — 24 ноября 607 г.) [Илюшин, 2023. С. 180].

Благодаря датировкам из 181-го цзюаня ЦЧТЦ можно уточнить хронологию последующих активных действий Суй против Туюйхунь [Илюшин, 2023. С. 181–182]. Так, Пэй Цзюй натравил на туюйхуней племена телэ 鐵勒 после дня синьси 辛巳 7-го месяца 4-го года Дае 大業 (26 августа 608 г.). Затем последовало отступление Туюйхунь-хагана Фуюня 伏允 со многими людьми на восток, к Сипину 西平, и направление посольства к императору. От подходившего имперского войска Юйвэнь Шу 宇文述 туюйхуни стали откочевывать на запад. Китайское войско двинулось в погоню и захватило городки Маньтоу 曼頭 и Чишуй 赤水. В плен попали 4 тыс. простолюдинов и 200 представителей знати, более 3 тыс. человек были убиты. Фуюнь с окружением бежал на юг в заснеженные горы, а на опустевшей территории имперцы формально учредили свою администрацию и начали переводить туда гарнизоны, набранные из преступников.

Далее подробно расписана подготовка императора к большому походу на Туюйхунь в 609 г. В значительной степени описание повторяет другие источники. Тут отметим отдельные моменты.

Когда Фуюнь бежал с несколькими десятками всадников из окружения, для отвлечения внимания китайцев и препятствования их погоне был послан под его именем один туюйхуньский ван. Император послал против Фуюня войско. В ЦЧТЦ указ об этом датирован днем жэньчэнь 壬辰 5-го месяца 5-го года Дае (3 июля 609 г.). В нашей монографии ошибочно стоит 25 июня [Илюшин, 2023. С. 183], хотя датировка по «Суй шу» совпадает с ЦЧТЦ. Окружение туюйхуньского Сяньтоу-вана (названного тут по имени — Цюн Цюй 窮蹙) якобы со 100 тыс. человек датируется также 5 июля 609 г. (день цзяу 甲午 5-го месяца 5-го года Дае). Посылка войск Лян Мо 梁默 и Ли Цюна для поимки Фуюня датируется днем динъю 丁酉 6-го месяца (8 июля) (они были уничтожены туюйхунями). После этого Лю Цюань 劉權 с войском достиг берега Кукунора, разбил туюйхуней, захватил более тысячи человек и дошел до Фусычэна. После

разгрома Туюйхунь император с войсками двинулся в г. Чжанъе 張掖, куда прибыл в день *биньву* 丙午 (17 июля 609 г.). Туда же потянулись заискивающие посольства от владений Западного края. В день *гуйчоу* 癸丑 (24 июля) было объявлено о создании на захваченных землях округов (*цзюнь* 郡) Сихай 西海, Хэюань 河源, Шаньшань 善善 и Цемо 且末, где подразумевалось основать гарнизоны из ссыльных преступников. Далее идут сведения, известные по другим источникам. По ЦЧТЦ неудачная попытка китайских военных вывести конское потомство драконовой породы путем помещения своих лошадей на остров посреди Кукунора датируется 7-м месяцем (6 августа – 3 сентября).

Еще один эпизод туюйхуньско-тюркских отношений, опущенный нами в книге, содержится в 182-м цзюане. Приведем перевод, выполненный А. М. Пастуховым: «В 8-м месяце 9-го года Дае [21 августа – 19 сентября 613 г.] император Ли Юань направил Пэй Цзюя 裴矩 успокоить Лунъю⁹ 隴右, поэтому, [находясь] в Хуйнин¹⁰ 會寧, тот посетил кочевья западно-тюркского Хэсана-кагана 曷薩那可汗, пославшего Цюэдаду-шэ¹¹ 闕達度設 разграбить Тугухунь¹², по возвращении подал доклад на высочайшее имя, государь щедро наградил [его]»¹³.

Нападение туюйхуней на одного из противников Ли Юаня – Ли Гуя в обмен на возврат из Китая сына Фуюня (Шуня) в ЦЧТЦ (цзюань 187) отнесено ко 2-му месяцу 2-го года Удэ (20 февраля – 21 марта 619 г.). Однако далее за 5-й месяц того же года (17 июня – 16 июля 619 г.) сообщается, что Туюйхунь, как и тюрки, – союзники Ли Гуя.

В цзюане 190 перечислены несколько туюйхуньских набегов на китайские области (*чжоу*). В день *гуйчоу* 癸丑 6-го месяца 5-го года Удэ (16 июля 622 г.) туюйхуни вторглись в Таочжоу 洮州, Сюйчжоу 旭州 и Дичжоу 疊州, но были разбиты войском Ли Чанцина 李長卿 из Миньчжоу 岷州.

В день *цзясюй* 甲戌 8-го месяца 5-го года Удэ (5 октября 622 г.) туюйхуни напали на Миньчжоу и нанесли поражение войскам Ли Чанцина. На помощь были посланы войска Доу Гуя 竇軌 из Ичжоу 益州 и Цэ Лошэна 且洛生 из Вэйчжоу 渭州. Дата может относиться как к началу самого вторжения, так и к фиксации сообщения о нем в документе. По «Синь Тан шу» был известен только месяц вторжения [Илюшин, 2023. С. 188].

Между днями *цзиси* 己巳 и *бинцзы* 丙子 8-го месяца 5-го года Удэ (30 сентября и 7 октября 622 г.) туюйхуни грабили Таочжоу. Туда было послано войско *цыши* 武州 Хэ Баляна 賀拔亮 (цзюань 190).

В 4-м месяце 6-го года Удэ (5 мая – 3 июня 623 г.) туюйхуни напали на Фанчжоу 芳州, чей *цыши* Фан Даншу 房當樹 бежал в Сунчжоу 松州. В день *биньинь* 丙寅 4-го месяца 6-го года Удэ (25 мая 623 г.) туюйхуни вторглись в Таочжоу и Миньчжоу. В рассмотренных ранее источниках эти набеги не отмечены.

⁹ Одна из провинций в империи Тан.

¹⁰ В совр. Ганьсу.

¹¹ Видимо, «шэ» – это «шад».

¹² Буквально для «самообогащения», видимо, это был карт-бланш на грабительский поход, чтобы шад захватил добычу для себя и своих людей в виде поощрения от кагана.

¹³ По замечанию А. М. Пастухова, этот фрагмент заимствован хроникой из «Бэй ши».

В день *гэнъинь* 庚寅 5-го месяца 6-го года Удэ (18 июня 623 г.) туюйхуни и дансяны совершили набег на Хэчжоу, где имели бой с войском *цыши* Лу Шиляна 盧士良. Данный эпизод с датой приведен также в «Синь Тан шу» (цзюань 1).

В том же цзюане 190 содержится точная дата сражения с туюйхунями войска Чай Шао 柴紹, когда китайцы победили, сумев отвлечь внимание окруживших их сяньби выступлением музыкантов [Илюшин, 2023. С. 187–188] — день *гуйю* 癸酉 6-го месяца 6-го года Удэ (31 июля 623 г.). Последующее временное примирение туюйхуней с китайцами датируется днем *бинъинь* 丙寅 8-го месяца 6-го года Удэ (22 сентября 623 г.) («народ туюйхунь подчинился ханьцам»).

Вскоре набеги возобновились: в день *цзясюй* 甲戌 5-го месяца 7-го года Удэ (27 мая 624 г.) цяны и туюйхуни напали на Сунчжоу 松州. Против них были направлены войска во главе с Доу Гуем 竇軌 из Ичжоу 益州 и *цыши* Фучжоу 扶州 Цзян Шаньхэ 蔣善合 со стороны Фанчжоу 芳州 (цзюань 190).

Перечень набегов продолжается в цзюане 191 (причем следующие четыре эпизода за 624 г. не упоминались в использованных ранее источниках). В день *бинчэн* 丙辰 6-го месяца 7-го года Удэ (8 июля 624 г.) туюйхуни напали на Фучжоу, но были разбиты войском *цыши* Цзян Шаньхэ. В 7-й месяц 7-го года Удэ (21 июля — 19 августа 624 г.) туюйхуни напали на Миньчжоу. В день *синьси* 辛巳 (2 августа 624 г.) туюйхуни и дансяны вторглись в Сунчжоу. В день *цзяшэнь* 甲申 (5 августа 624 г.) *цыши* Фучжоу 扶州 Цзян Шань 蔣善 нанес туюйхуням поражение в Сунчжоу 松州.

В день *цзиси* 己巳 8-го месяца 7-го года Удэ (19 сентября 624 г.) туюйхуни напали на Шаньчжоу 鄯州. Эта дата есть в 1-м цзюане «Синь Тан шу» [Илюшин, 2023. С. 188].

В 10-м месяце 7-го года Удэ (16 ноября — 15 декабря 624 г.) туюйхуни и цяны *мэ* напали на Дичжоу и захватили Хэчуань 合川.

Ценным дополнением являются приведенные в цзюане 191 сообщения о туюйхуньских набегах 625–626 гг., отсутствующие в других источниках:

- вторжение в Дичжоу между 1-м и 4-м месяцами 8-го года Удэ (13 февраля — 13 марта 625 г., не позже 12 мая 625 г.);
- вторжение в Дичжоу в день *жэньшэнь* 10-го месяца 8-го года Удэ (16 ноября 625 г.), когда против туюйхуней было послано войско под началом *цыши* Фучжоу 扶州刺史 Цзян Шаньхэ 蔣善合;
- вторжение в Миньчжоу в день *бинъю* 丙午 11-го месяца 8-го года Удэ (20 декабря 625 г.);
- вторжение туюйхуней совместно с дансянами в Миньчжоу в день *гуйси* 癸巳 3-го месяца 9-го года Удэ (6 апреля 626 г.);
- вторжение туюйхуней совместно с дансянами в Хэчжоу в день *бинъю* 丙午 5-го месяца 9-го года Удэ (18 июня 626 г.);
- вторжение туюйхуней в Миньчжоу в 6-м месяце 9-го года Удэ (29 июня — 28 июля 626 г.).

Одной из главных задач номадов являлось получение доступа на китайский рынок, чему препятствовали имперские власти. В 624 и 626 гг. туюйхуни совместно с тюрками обращались к императору с просьбой о дозволении торговли, и Ли Юань удовлетворил их просьбу, поскольку сами китайцы после

гражданской и внешней войны нуждались в увеличении поголовья скота [Илюшин, 2023. С. 188]. В день *жэньсюй* 壬戌 8-го месяца 9-го года Удэ (2 сентября 626 г.) ко двору Тан прибыли туюйхуньские послы с просьбой о мире.

Последующие отмеченные набеги стали более редкими. В 192-м цзюане говорится о том, что в день *гуйчжоу* 癸丑 1-го месяца 2-го года Чжэньгуань 貞觀 (15 февраля 628 г.) туюйхуни вторглись в Миньчжоу, но были отогнаны войском Ли Даояня 李道彦.

Перехват тюркского Цзели-кагана имперским войском при попытке бегства в Туюйхунь описывается в 193-м цзюане ЦЧТЦ после 3-го месяца 4-го года Чжэньгуань (18 апреля – 17 мая 630 г.).

В день *гэнью* 庚午 3-го месяца 6-го года Чжэньгуань (11 апреля 632 г.) туюйхуни вторглись в Ланьчжоу 蘭州, но местные войска их прогнали (цзюань 194).

В 5-й месяц 8-го года Чжэньгуань (1–30 июня 634 г.) Туюйхунь-хаган Фуюнь направил послов с дарами к императору, но попутно туюйхуни напали и ограбили Шаньчжоу. Император направил посла с упреками и повелением прибыть ко двору, но тот сослался на болезнь и не поехал. Зато попросил у императора невесту для своего сына Цзюнь-вана 尊王. На предложение императора тот также не явился, и в династическом браке было отказано. Туюйхуни совершили набег на Лянчжоу 蘭州 и Гочжоу 廓州. Далее рассказывается о том, что старый Фуюнь попал под влияние Тяньчжу-вана 天柱王, подбивавшего его совершать набеги на границы Тан (цзюань 194).

В 194-м цзюане отмечено результативное нападение имперского войска под командованием Дуань Чжисюаня 段志玄 на туюйхуней в день *синьчоу* 辛丑 10-го месяца 8-го года Чжэньгуань (29 октября 634 г.). Китайцы преследовали бегущих 800 *ли* до Цинхая. В день *динхай* 丁亥 11-го месяца 8-го года Чжэньгуань (14 декабря 634 г.) туюйхуни вторглись в Лянчжоу. В это время Ли Шиминь уже начал подготовку к большому походу на Туюйхунь. Указ о его организации датируется днем *цзичоу* 己丑 (16 декабря 634 г.).

В том же 194-м цзюане содержится много подробностей этого похода и, что особенно важно, дат. Так, известна дата назначений главных военачальников для кампании – день *синьчоу* 辛丑 12-го месяца (28 декабря 634 г.) [Илюшин, 2023. С. 191]. Интересно и то, что в составе имперского войска в ЦЧТЦ отмечены тюрки. В ЦЧТЦ уточняется, что ранее подчинявшиеся Тан дансяны восстали и перешли на сторону Туюйхунь в 1-м месяце 9-го года Чжэньгуань (24 января – 22 февраля 635 г.). За ними последовали цяны Таочжоу, восставшие и убившие наместника в день *гэнчжэнь* 庚辰 3-го месяца 9-го года Чжэньгуань (6 апреля 635 г.) [Илюшин, 2023. С. 192]. Еще одно уточнение по ЦЧТЦ: разгром туюйхуней войском Дао Цзуна 道宗 у горы Ку 庫山 произошел в день *гуйю* 4-го дополнительного месяца 9-го года Чжэньгуань (29 мая 635 г.) [Илюшин, 2023. С. 192]. Основные силы Фуюня стали уходить в пустыню, пуста пал по траве перед имперцами. Кроме того, в 194-м цзюане приводится спор между военачальниками о дальнейших действиях, что известно и по другим источникам.

Еще несколько точных дат приведены в том же цзюане 194. Битва у горы Маньтоушань 曼頭山 состоялась в день *уцзы* 戊子 4-го месяца 9-го года Чжэньгуань (13 июня 635 г.); сражения при Нюсюньдуй 牛心堆 и Чишуйюань 水

原 — в день *гуйси* 癸巳 4-го месяца 9-го года Чжэньгуань (18 июня 635 г.). Бой с войском Фуюня у оз. Ухай 烏海, его поражение и бегство, а также победа имперских сил над Тяньчжу-ваном 天柱王 у Сихай 寺海 датируется в ЦТЦЦ 5-м месяцем 9-го года Чжэньгуань (20 июня — 19 июля 635 г.). В 5-м месяце 9-го года Чжэньгуань (31 мая — 28 июня 635 г.) произошло боестолкновение при Чишуй 赤水, когда туюйхуни окружили отряд легкой конницы во главе с Сюэ Ваньцзюнем 薛萬均 и Сюэ Ваньчэ 薛萬徹. В бою погибли, как сказано, 6–7 человек из 10, но китайцы дождались прихода на помощь нескольких сотен всадников Циби Хэли 契苾何力. Войско Ли Даляна 李大亮 разбило туюйхуней у горы Шухунь 蜀渾山, захватив в плен 20 представителей аристократии. Другой военачальник, Чжиши Сили 執失思力, одержал победу при Чижучуань 居茹川.

В то время, как войско Ли Цзина 李靖 двинулось через горы Циши 積石山 и верховья Хуанхэ в Цэмо 且末, Циби Хэли решил продолжить преследовать Фуюня, узнав, что тот пытается сбежать в Хотан. Описывается спор между Хэли и Сюэ Ваньцзюнем о продолжении кампании. В итоге отряд Сюэ Ваньцзюня, преодолев пустынные земли, где приходилось вместо воды пить кровь лошадей, настиг лагерь Фуюня, напал на него и захватил якобы 200 тыс. голов скота, а также жену и детей хагана. Сам Фуюнь бежал. После этого отряд Ваньцзюня отправился на соединение с Ли Цзином (цзюань 194).

Уже в день *жэньцзы* 壬子 5-го месяца 9-го года Чжэньгуань (7 июля 635 г.) Ли Цзин сообщил императору о замирении Туюйхунь (не понятно, однако, приведена в данном случае дата подписания послания или прибытия гонца в ставку). В день *имао* 乙卯 5-го месяца 9-го года Чжэньгуань (10 июля 635 г.) Ли Шиминь издал указ о «восстановлении» Туюйхунь-го и назначении Мужун Шуня 慕容順 Сипин-цзюнь-ваном 西平郡王 и Цзюйгулюй-Уганьдоу-хаганом 赧故呂烏甘豆可汗. Ли Далян 李大亮 был послан с войском для поддержки Шуня (цзюань 194).

Далее в цзюане 194 приводится несколько уточнений относительно последующей ситуации в Туюйхунь. Указано время убийства туюйхунями ставленника Тан — Шуня: последние месяцы 9-го года Чжэньгуань, то есть не позднее 11 февраля 636 г. В 12-м месяце император подписал указ о подготовке войска для помощи новому хагану Нохэбо 諾曷鉢 (2 января — 31 января 637 г.). В день *динъю* 丁酉 3-го месяца 10-го года Чжэньгуань (17 апреля 636 г.) ко двору Тан прибыли послы от Нохэбо с просьбой утвердить летоисчисление и дать девиз правления для его владения, а также его сыновья и братья для службы императору. Просьба Нохэбо была одобрена. В день *динвэй* 丁未 3-го месяца 10-го года Чжэньгуань (27 апреля 636 г.) Нохэбо получил от императора титулы Хэюань-цзюнь-ван 河源郡王 и Удиебацзиньдо-кэхань 烏地也拔勤豆可汗.

В цзюане 195 говорится о начале конфликта между Туюйхунь и Тубо¹⁴ 吐蕃 (Тибетом). За 8-й месяц 12-го года Чжэньгуань (13 сентября — 12 октября

¹⁴ Распространенное в научной литературе чтение этого политонима как «туфань» в современной историографии считается некорректным [Комиссаров, Соловьев, 2026. С. 135].

638 г.) приведено сообщение про тибетцев, обвинявших от лица своего *цэнпо* (царя) Цицзун Нунцзяня 棄宗弄贊 (Сонцэн Гампо / Srong btsan sGam po) туюйхуньских послов в интригах при дворе Тан против Тибета, а также о начале нападений тибетцев на туюйхуней, многие из которых бежали к северу от Кукунора. Там же отмечено прибытие Нохэбо-хагана ко двору Тан, состоявшееся в день *цзичоу* 己丑 12-го месяца 13-го года Чжэньгуань (19 января 640 г.).

В следующих *цзюанях* сведений о Туюйхунь значительно меньше: «владение» перестало беспокоить окраины империи и втянулось в войну с Тибетом.

Разгром туюйхуньского Сюань-вана 宣王, поднявшего мятеж против ставленника Тан Нохэбо, датируется в 196-м *цзюане* днем *динси* 丁巳 4-го месяца 15-го года Чжэньгуань (10 июня 641 г.). Со стороны Тан участвовали 120 элитных всадников во главе с Си Цзюньмаем 席君買 [Илюшин, 2023. С. 199].

В *цзюане* 196 к 16-му году Чжэньгуань (5 февраля 642 г. – 25 января 643 г.) отнесено описание того, как тюрки и туюйхуни, в отличие от Гаочана, несмотря на подчинение Тан, сохранили самоуправление и своих вождей.

В 198-м *цзюане* говорится о привлечении туюйхуньских войск наравне с другими «варварами» к походу имперцев на мятежного правителя г. Куча 龜茲. Указ об организации похода подписан в день *шуинь* 戊寅 12-го месяца 21-го года Чжэньгуань (26 января 648 г.).

Также отметим, что в 199-м *цзюане* сказано о прибытии ко двору Тан посольства от Туюйхунь, Силла, Когурё и Пэкче в день *цзивэй* 己未 1-го месяца 3-го года Юнхуи 永徽 (15 февраля 652 г.). А в день *гэнзинь* 庚寅 11-го месяца 3-го года Юнхуи из Туюйхунь прибыла выданная ранее за Нохэбо «принцесса» Хунхуа. С переводом даты возникает проблема, поскольку в 11-м месяце такого сочетания циклических знаков нет. Оно есть в 10-м месяце (12 ноября 652 г.) и в 12-м (11 января 653 г.).

В *цзюане* 200 отмечено, что в 8-м месяце 5-го года девиза правления Сяньцин 顯慶 (10 сентября – 9 октября 660 г.) в земли туюйхуней с войском был направлен Цичжэн 起政 – сын тибетского военачальника Лудунцзяня 祿東贊. По тибетским же источникам известно, что на Кукуноре с 659 или 660 по 666 г. (с перерывом в 662 г.) находился Тонгцэн (Stong-rTsan) из клана Гар, являвшийся вторым лицом в государстве и занимавший пост *лончэн-по* (blon-chhen-po – «великого канцлера» или «премьер-министра»). Там же велась подготовка к войне уже со Срединным государством [Annales, 1940–1946. P. 32; Богословский, 1962. С. 144].

Рассказ о войне между туюйхунями и тибетцами помещен в 201-м *цзюане* под 5-м месяцем 3-го года Шуншо 龍朔 (11 июня – 10 июля 663 г.). Обе стороны направили послов ко двору Тан для обоснования именно своей правоты, но император никого не поддержал. Потом в Тибет бежал туюйхуньский «сановник» (чжичэн 之臣) Сухэгуи 素和貴, который обрисовал ситуацию в Туюйхунь, после чего тибетцы с большим войском захватили страну. Нохэбо бежал под защиту империи [Илюшин, 2023. С. 203].

Этим сообщением исчерпываются сведения ЦТЦТ по истории сяньбийского владения Туюйхунь до 663 г., когда его территория была завоевана Тибетом, а население разделилось на тех, кто остался под властью *цэнпо*, и тех, кто ушел в пределы империи Тан.

Сопоставление ЦЧТЦ с текстами династических историй «Вэй шу» и «Сун шу» позволяет также выявить ряд лакун. Так, в хронике отсутствует следующая информация:

- о тууюхуньском посольстве ко двору Сун в день *синью* 辛酉 12-го месяца 14-го года Юаньцзя (31 января 438 г.), известном по 5-му цзюаню «Сун шу» [Илюшин, 2023. С. 136];
- о подчинении Северной Вэй тууюхуней вождя Байян Дидуханя в 11-м месяце 3-го года Хуансин 皇興 (20 декабря 469 г. — 18 января 470 г.), упоминающемся в «Вэй шу» (цзюань 6) [Илюшин, 2023. С. 147];
- о жаловании Шииню звания *пинси цзянцзюнь* в день *динхай* 丁亥 5-го месяца 6-го года Тайши (8 июля 470 г.), о чем известно по 8-му цзюаню «Сун шу» [Илюшин, 2023. С. 146];
- о посылке Шиинем ко двору Тоба-Вэй своего сына Цзиня с просьбой о мире в день *синьхай* 辛亥 2-го месяца 4-го года Яньсин 延興 (13 марта 474 г.) («Вэй шу», цзюань 7а) [Илюшин, 2023. С. 148].

Отсутствуют в ЦЧТЦ сведения еще о нескольких посольствах ко двору Вэй.

Анализ содержащихся в хронике сведений и выявление имеющихся в ней лакун позволяют охарактеризовать ЦЧТЦ как важный источник по истории Тууюхунь. Наряду с информацией, известной исследователям из других источников, в хронике тем не менее содержатся и уникальные сведения. Наибольшую же ценность представляет большое количество дат (по годам, месяцам и даже дням) по истории Тууюхунь, многие из которых составителями династических историй были опущены. Тем самым ЦЧТЦ позволяет значительно увеличить хронологический каркас истории Тууюхунь (и не только) и уточнить немало эпизодов, описанных в других источниках зачастую более подробно, но без дат.

К сожалению, нет возможности проверить те или иные сведения китайских источников по истории Тууюхунь, как в случае, например, со вторым Тюркским каганатом или Тибетом, от которых сохранились собственные письменные источники. Заметим, однако, что в случае с Тюркским каганатом и Древним Тибетом сведения китайских источников, по крайней мере на уровне общей картины и фигурирующих в них лиц, были в основном верифицированы исследователями. При изучении же истории Тууюхунь мы вынуждены доверять китайским источникам, учитывая их принципиальную непроверяемость.

В отличие от специальных разделов в «Вэй шу», «Цзинь шу» и других династических историй, ЦЧТЦ в силу своей специфики не дает цельной картины истории Тууюхунь, как и других соседних с Китаем владений. Однако без приведенной в ней четкой хронологии эти разделы «историй» не всегда позволяют адекватно реконструировать ход исторических событий. Так, некоторые события, упоминаемые в династических историях непосредственно друг за другом, в ЦЧТЦ разделены значительными временными промежутками. Из наиболее показательных примеров — датировка поражения тууюхуньского вождя Ажоганя и контекст этого события, датировка совместного китайско-тюркского вторжения 556 г., уточнение последовательности дипломатических связей Тууюхунь с южнокитайской империей в 430-е годы, а также с империей Суй в конце VI в.

По ЦЧТЦ видно, что туюйхуни признали поражение от Западной Цинь, и именно после этого их вождь Ачай начал налаживать тесные отношения с южным двором. Проясняется и эпизод с возвратом туюйхунями в империю Сун полутора сотен ее командиров и воинов: оказывается, они были захвачены не туюйхунями, а владением Ся. Тем самым подтверждается мирный характер отношений Туюйхунь с южной империей. Содержащаяся в ЦЧТЦ информация не противоречит ранее сделанным историками выводам, однако позволяет скорректировать ряд фактов по истории Туюйхунь и значительно увеличить ее хронологический каркас.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. [с кит.] и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.

Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв.: в 4 вып. Вып. 1. Сюнну / пер. и комм. В. С. Таскина. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1989. 287 с.

Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв.: в 4 вып. Вып. 3. Мужуны / пер. и комм. В. С. Таскина. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1992. 430 с.

Хуэй-цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань): в 3 т. Т. 1. Разд. 1 / пер. с кит., исслед., комм. и указ. М. Е. Ермакова. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991. 251 с. (Памятники культуры Востока, вып. XVIII).

Annales (650–747) / par J. Bacot et F.-W. Thomas // Bacot J., Thomas W. F., Toussaint Ch. Documents de Touen-Houang. Relatifs A L'Histoire Du Tibet. Paris, 1940–1946, pp. 7–75.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бичурин Н. Я. (о. Иакинф). История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р. Х. до 1227 года по Р. Х. с картою на разные периоды сей истории / пер. с кит. монахом Иакинфом Бичуриным. СПб., 1833. Ч. 1. 259 с.

Богословский В. А. Очерки истории тибетского народа. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 192 с.

Гумилёв Л. Н. Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами III–VI вв. М.: Наука, 1974. 260 с.

Доронин Б. Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2002. 288 с. (Азиатика).

Духовная культура Китая: в 5 т. Т. IV. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. М.: Восточная литература, 2009. 935 с.

Илюшин Б. А. История Тогона (кукунорских сяньбийцев Туюйхунь). Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2023. 312 с. DOI 10.25205/978-5-4437-1502-5

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279) / отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Наука; Восточная литература, 2016. 942 с. (История Китая).

Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Высокогорные маршруты Великого шелкового пути: новые данные по могильникам Жэшуй, провинция Цинхай, Китай // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 133–145. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-133-145

Чжоу Вэйчжоу. Туюхунь ши [吐谷浑史] История Тугухунь. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1985. 254 с. (на кит. яз.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Илюшин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия, arunta-desert@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6847-1309>, SPIN-код автора: 4227-0503.

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования 18.05.2026; принята к публикации 26.05.2026.

INFORMATION ABOUT THE XIANBEI OF TUYUHUN (317–663) BASED ON THE 11TH-CENTURY CHINESE CHRONICLE “ZIZHI TONGJIAN”

BORIS A. ILUSHIN

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

arunta-desert@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6847-1309>

Abstract. This article examines information derived from the 11th-century Chinese historical chronicle “Zizhi Tongjian” (資治通鑑) concerning a Xianbei (proto-Mongolian) polity known as Tuyuhun, which existed from the early 4th century until 663 in the northeastern region of Tibet near Lake Kukunor (Qinghai). This work enhances the author’s monograph titled “History of Tuyuhun (Kukunor Xianbei’s Tuyuhun)”, published in 2023. It provides valuable supplementary details to dynastic histories, providing unique data and, most importantly, numerous dates pertaining to Tuyuhun’s history that are omitted in other sources. The analysis of this data facilitates corrections to specific episodes within Tuyuhun’s historical narrative and allows for a significant extension of its chronological framework.

Keywords: Tuyuhun, Xianbei, Kokonor, Zizhi Tongjian, Chinese historical sources.

Funding: The article was prepared as part of the state assignment project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, titled “Features of the Formation of Intercultural Communications in Siberia — from the Stone Age to the Early Modern Period (based on archaeological and written sources)”.

Acknowledgments: The author extends gratitude to A. M. Pastukhov for the translation of several excerpts from the Chinese source.

For citation: Ilushin B. A. Information about the Xianbei of Tuyuhun (317–663) Based on the 11th-century Chinese Chronicle “Zizhi Tongjian”. *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 9–34. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-9-34

REFERENCES

Bichurin N. Y. (o. Iakinf). *Istoriya Tibeta i Khukhunora s 2282 goda do R. Kh. do 1227 goda po R. Kh. s kartoyu na raznye periody sei istorii* [The History of Tibet and Khukhunor from 2282 BC to 1227 AD with a Map of Different Periods of this Pistory] / trans. from Chin. by monk Iakinf Bichurin. St. Petersburg, 1833, pt. 1, 259 p. (In Russ.).

Bogoslovskiy V. A. *Ocherki istorii tibetskogo naroda* [Essays on the History of the Tibetan People]. Moscow, Izd-vo vostochnoy literatury, 1962, 192 p. (In Russ.).

Chzhou Vejchzhou. *Tuyujhun' shi* [吐谷浑史]. History of Tuyuhun. Yinchuan, Ningxia Renmin Chubanshe, 1985, 254 p. (In Chinese).

Doronin B. G. *Istoriografiya imperatorskogo Kitaya XVII–XVIII vv.* [Historiography of Imperial China of the 17th–18th Centuries]. St. Petersburg, Filol. fak-t SPbGU, 2002, 288 p. (Aziatika). (In Russ.).

Dukhovnaya kul'tura Kitaya [Spiritual Culture of China]: in 5 vols. Vol. IV. *Istoricheskaya mysl'. Politicheskaya i pravovaya kul'tura* [Historical Thought. Political and Legal Culture] / ed. by M. L. Titarenko [et al.]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2009, 935 p. (In Russ.).

Gumilev L. N. *Khunny v Kitae: Tri veka voyny Kitaya so stepnymi narodami III–VI vv.* [The Xiongnu in China: Three Centuries of China's War with Steppe Peoples, 3rd–6th centuries]. Moscow, Nauka, 1974, 260 p. (In Russ.).

Ilyushin B. A. *Istoriya Togona (kukunorskich syan'biytsev Tuyuykhun')* [The History of Togan (Kukunor Xianbei Tuyuhun)]. Novosibirsk, IPTs NGU, 2023, 312 p. (In Russ.). DOI 10.25205/978-5-4437-1502-5

Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka [History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century]: in 10 vols. Vol. IV. *Period Pyati dinastii, imperiya Sun, gosudarstva Lyao, Tszin', Si Sya (907–1279)* [The Five Dynasties Period, the Song Empire, the Liao, Jin, Xi Xia states (907–1279)] / ed. by I. F. Popova. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura, 2016, 942 p. (Istoriya Kitaya). (In Russ.).

Komissarov S. A., Solov'yov A. I. *Vysokogornye marshruty Velikogo shelkovogo puti: novye dannye po mogil'nikam Zheshui, provintsiya Tsinkhai, Kitai* [High-altitude Routes of the Great Silk Road: New Data on the Reshui Burial Grounds, Qinghai Province, China]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 133–145. (In Russ.). DOI: 10.25205/1818-7919-2026-25-4-133-145

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

BORIS A. ILUSHIN, Candidate of Sciences (History), Junior Researcher of the Laboratory for Humanitarian Research of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, arunta-desert@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6847-1309>, SPIN-code: 4227-0503.

The article was submitted on 21.04.2026; approved after reviewing on 18.05.2026; accepted for publication on 26.05.2026.

КИДАНЬСКИЙ ИМПЕРАТОР ЕЛЮЙ ЧЖИГУ (СИН-ЦЗУН): СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ (1015–1055)

ГЕННАДИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ПИКОВ

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

gennadij-pikov@yandex.ru, <https://orcid.org/00000-0002-9818-0307>

Аннотация. Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных роли правителей государства Ляо (907–1125) в его истории. Исследование посвящено деятельности седьмого по счету правителя из династии Ляо — императора Син-цзун (1031–1055). На основе средневековых киданьских и китайских исторических сочинений реконструируется история его жизни и деятельности. Особое внимание уделено внешней политике империи во время правления Син-цзун, особенно киданьско-китайским и киданьско-тангутским отношениям, а также реформам внутри государства. Анализ письменных источников позволяет сделать вывод о том, что в сложной ситуации в Восточной Азии, когда происходил непрерывный рост могущества империи Сун и возникло государство тангутов Западное Ся, император смог вести достаточно взвешенную политику и продолжать имперское строительство.

Ключевые слова: кидани, империя Ляо, император Син-цзун, средневековый Китай, Западное Ся.

Для цитирования: Пиков Г. Г. Киданьский император Елюй Чжигу (Син-цзун): социально-политический портрет (1015–1055) // *Universum Humanitarium*. 2026. № 1. С. 35–56. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-35-56

Киданьская империя Ляо (907–1125) сыграла важную роль в истории Восточной и Центральной Азии. Ее образование свидетельствовало о том, что кочевая цивилизация достигла уровня максимального развития и в своей эволюции ни в чем не уступала оседлым «мирам». Неудивительно, что ее история нашла отражение во многих современных ей сочинениях историков и географов как в Китае, так и за пределами Восточной Азии. Впоследствии эти тексты активно изучались не только в Азии, но и далеко за пределами региона — прежде всего в странах Европы и в России. Политическая история этого государства в общих чертах реконструирована вполне удовлетворительно, чего нельзя сказать об истории социальной и экономической. В историографии все еще господствуют в той или иной форме представления о «бандитизме» кочевников в целом и киданей в частности, о том, что империя Ляо,

как и остальные государственные образования кочевников, были инструментами «дистанционной эксплуатации» оседлых государств.

Новое, по сравнению с предшествующей многовековой традицией, восприятие кочевой истории постепенно пробивает себе дорогу. Одной из тем, изучение которой может основательно помочь в этом плане, является история кочевой элиты [Пиков, 2016]. Данная статья продолжает серию работ, посвященных исторической роли правителей этого государства [Пиков, 2006; 2018; 2020].

В киданьской истории личность всегда играла важную роль, так как власть напрямую олицетворял именно тот или иной правитель. В данной статье предпринята попытка оценить вклад императора Син-цзуна в развитие теории и практики государственного строительства. Это можно сделать, прежде всего дополнив его исторический портрет политической биографией. При проведении анализа личности этого лидера важно проследить основные этапы его политической карьеры и развития политической силы его государства.

Основными источниками нашей информации о нем являются сочинения, к созданию которых приложили руку китайские авторы. Это прежде всего написанная в правление императора Сяо-цзуна «Цидань го чжи» («История государства киданей») южносунского автора Е Лун-ли – первое крупное китайское историческое сочинение, полностью посвященное истории некийского народа, «варварам». Е Лун-ли, вероятно, представил первый вариант этой работы императору Сяо-цзуну в третьем месяце 1180 г. (седьмой год эры правления Чунси), опубликовано оно было между 1265 и 1274 г.

О самом Е Лун-ли известно немного: это был чиновник средней руки, работал на должности ревизора округа, потом стал помощником начальника дворцового книгохранилища. Любопытно, что написать сочинение о киданях ему поручили от имени самого сунского императора. Можно предположить, что это было не случайно. Внешне он якобы проявил личную инициативу, однако вряд ли бы он отважился на такую самостоятельность, ведь это могло грозить дипломатическими осложнениями. Вероятно, эта акция стала частью «холодной» информационной войны, идущей между двумя государствами. В данном сочинении государство киданей считается не равным китайскому, а всего лишь очередным союзом племен. Недаром Е Лун-ли практически ничего не пишет о внутренней жизни государства, а сводит все к политической, прежде всего военной истории, а также внутривластной нестабильности, характерной для «варваров».

Вторым сочинением является династийная история «Ляо ши» («История династии Ляо»), составленная в 1343 г. уже при монголах в империи Юань коллективом из 23 авторов под редакцией Токто. Там, в традиционном разделе «Бэньцзи» («основные записи»), достаточно много сведений о времени правления Син-цзуна. Китайские авторы, даже составители династийной истории «Ляо ши» («История династии Ляо»), интересовались лишь опасностью для южной империи, исходившей от киданей, а также степенью их китаизации. «Ляо ши» прослеживает усвоение ими китайского опыта и подчеркивает, что только благодаря этому Ляо встало в шеренгу классических империй.

Есть некоторые разночтения с сочинением Е Лун-ли в отношении некоторых фактов, что связано, вероятно, с такими факторами, как степень сохранности текстов самих киданей, четкая антикиданьская направленность сочинения Е Лун-ли и влияние монголов на отбор и трактовку соответствующей информации при составлении династийной истории.

Необходимо отметить и то, что «Ляо ши» и «Цидань го чжи» как бы дополняют друг друга, что, возможно, и стало одной из существенных причин сохранения в истории обоих этих сочинений. «Цидань го чжи» представляет собой в большей степени историю киданьского этноса, тогда как «Ляо ши» — история династии, т. е. этатической конструкции. В результате мы имеем максимально возможное в те времена проникновение в две наиболее важных темы — народ как геополитический актор и государство как цивилизационно-этатическая конструкция. Хотя в «Ляо ши» и содержится обширный материал для исследования самых различных сторон жизни киданьского государства (политической истории, социально-экономических аспектов, культуры, военной организации и т. д.), тем не менее очень многие сведения, содержащиеся в многочисленных китайских источниках, не нашли в ней отражения.

Маньчжурами вскоре после прихода к власти в Китае был осуществлен грандиозный проект по переводу трех китайских династийных историй «Цзинь ши», «Ляо ши» и «Юань ши» на маньчжурский язык [Тюрюмина, 1969. С. 139–140; Пиков, 2009]. Династийные хроники — самые ранние из дошедших до нашего времени образцов маньчжурской литературы. Издание их было предпринято правящим двором маньчжурской династии Цин (1644–1911) с целью демонстрации величия предков, их преемников и продолжателей в эпоху завоевания Срединной империи. Определенно тенденциозный отбор исторических фактов, зафиксированных в китайских источниках, как и редактирование текстов составителями хроник, диктовались задачей всемерно возвеличить империю Цин.

Насколько можно судить по предисловию, сочинение хроник началось в Мукдене в 1636 г. и было закончено в 1639 г. Это было сделано по распоряжению маньчжурского императора Тайцзуна. В результате появились маньчжурские варианты — «Айсинь гуруни судури», «Дайляо гуруни судури» и «Дайюань гуруни судури». Все три «Истории» вышли в свет в 1646 г., по-видимому, в Пекине. В составлении «Историй» принимали участие многие лица. У истоков проекта стояли видные ученые и литераторы Дахай, Эрдени и глава департамента церемоний Хифэ. Непосредственными исполнителями были переводчики Чабухай, Нэнту, Вэчэнгэ, толкователи Ван Вэнькуй и Ли Хунюй, «материалы привел в порядок и вычеркнул ненужное» Хукю. В переводе были опущены «непригодные места», возвеличены «все удачы добрых дел» и рассмотрены «неудачи злых дел» [Тюрюмина, 1969. С. 139–140]. За основу были сознательно взяты тексты, которые появились ранее. Это было сделано не потому, что маньчжурская историческая мысль еще только рождалась, а из-за огромной ценности этих уникальных текстов и высокой оценки их как специалистами того времени, так и широкими общественными кругами Китая и сопредельных территорий. В 1644 г. «История великой династии

Ляо» «была представлена императору» и, распечатанная в трехстах экземплярах, разослана по всей стране. Для зарубежных исследователей это было первое более или менее подробное изложение истории киданьского государства. Эта маньчжурская версия («Дайляо гуруни судури») была переведена на немецкий язык Габеленцем [Gabelentz, 1877]. Сотрудницей сектора истории и археологии стран зарубежного Востока Института истории, филологии и философии СО АН СССР Л. В. Тюрюминой выполнены переводы на русский язык труда Габеленца и маньчжурского текста, опубликованные под заглавием «История государства Дайляо» [История Железной империи, 2007].

Император Син-цзун (25.VI.1031–28.VIII.1055, киданьское имя Елюй Чжигу или, по другим сведениям, Елюй Мубугу) был седьмым по счету правителем из династии Ляо. В средневековых китайских сочинениях его традиционно называли довольно пассивным государем, который многие решения принимал под влиянием женщин. В то же время, по свидетельству Е Лун-ли, он был развит интеллектуально и физически, высок ростом, увлекался охотой и обладал хорошим характером. Любил стрельбу из лука, книги и разного рода игры [Е Лун-ли, 1979. С. 154]. Как отмечает «Ляо ши», «Син-цзун Цзигу с малолетства [был] умным и прозорливым, а когда придет в совершенный возраст, то, будучи высокорослым, станет величественным, великодушным и дальновидным, искусным в [пешей и] конной стрельбе из лука, любителем книг и будет знать все о разного рода играх» [История Железной империи, 2007. С. 99]. Император был искусным художником: будучи правителем уже не один год, он однажды отправил нарисованных им диких гусей сунскому императору. Как сообщает хроника, гуси были изображены настолько искусно, что походили на живых [Е Лун-ли, 1979. С. 152].

Приход Син-цзуна к власти был непростым. Он был восьмым сыном предыдущего императора Шэн-цзуна. Жена Шэн-цзуна, императрица Сяо Пусагэ, родила двух сыновей, которые умерли еще детьми, и взяла на воспитание Син-цзуна, родившегося в 1015 г. от старшей наложницы по имени Сяо Ноуцзинь. Сяо Ноуцзинь была дочерью Сяо Сы-вэя, генерал-губернатора области Пинчжоу, и племянницей главного помощника императора Елюй Лун-юня, отличалась красотой и пользовалась любовью императора [Е Лун-ли, 1979. С. 139–140]. В возрасте трех лет Син-цзун стал Лянь-ваном, в шесть (в 1021 г.) — наследником престола, а в 1031 г., после смерти Шэн-цзуна, принял титул императора.

При жизни Шэн-цзуна Сяо Пусагэ, или императрица Ци-тянь, активно участвовала в управлении государством: «Учредила управление дворцом императрицы, назначала чиновников, издавала приказы». Она вступала в незаконную связь с музыкантами, о чем Сяо Ноуцзинь пыталась сообщить императору, но не снискала доверия. По завещанию, Пусагэ должны были объявить вдовствующей императрицей, но Ноуцзинь пошла на прямой переворот, объявив себя вдовствующей императрицей Фа-тянь. Вот как об этом сообщает Е Лун-ли: «Старшая наложница скрыла завещание и, сама объявив себя вдовствующей императрицей, приказала ложно обвинить императрицу Ци-тянь в желании поднять мятеж, после чего посадила ее на маленькую

телегу и доставила как арестанта в Верхнюю столицу» [Е Лун-ли, 1979. С. 140–141]. Таким образом фактическая власть перешла к матери нового императора.

Как сообщает Е Лун-ли, императрица Фа-тянь довольно жестко управляла государством, поставила «своих братьев из рода Сяо... надзирать над киданьскими и китайскими чиновниками, ведавшими делами южного и северного районов». На различные военные должности в областях она ставила даже рабов, принадлежавших роду Сяо, из которого она происходила. Таковых набралось до сорока человек: «Рабами рода Сяо были люди из Фаньяна, [которых считали] бездельниками, потому что большинство из них являлись известными музыкантами» [Е Лун-ли, 1979. С. 141]. По этому поводу у Син-цзуна возникали с ней разногласия. Музыканту Мэн У-гэ император подарил хорошее рисовое вино и украшенный серебром пояс. Вдовствующей императрице это не понравилось, и она приказала отхлестать музыканта плетью. Донес на музыканта евнух Гао Цин-лан, и император приказал его убить. Императрица нашла тех, кто привел приказ в исполнение. На следствии они дали показания и об императоре. Расстроенный и опечаленный император воскликнул: «Я, занимающий высокое положение Сына Неба, должен, как преступник, отвечать на возводимые против меня обвинения» [Е Лун-ли, 1979. С. 141].

Власть матери номинального императора признавалась не всеми придворными. Вскоре среди них сложилась группировка, желавшая произвести переворот. Императору донесли, что Сяо Чжубули и Сяо Пиди составили заговор и решили поставить императрицей Сяо Пусагэ, а потом выбрать другого императора. Син-цзун не поверил, стал спорить с императрицей — «На эти слова хан Син-цзун ответил: „Императрица Ци-тянь сорок лет отдавала силы [моему] отцу — почившему хану — и воспитала меня с любовью, как [своего] родного сына. [Это ее] нужно объявить тайхоу! Разве можно предать [ее] суду в настоящее время, когда нет справедливости [и правды]?“. Но [его] мать — тайхоу Цинь-ай — ответила: „Если императрице Ци-тянь позволить жить, то как бы в будущем не произошли несчастья!“. Хан Син-цзун сказал: „У императрицы Ци-тянь нет сыновей. К тому же [она] состарилась. Хотя бы и жила, есть ли [у нее] возможности [что-либо сделать]?“. Об этом проведала принцесса и сказала своему мужу Сяо Чжубули и царскому дяде по матери Сяо Пиди: „Как бы вы без вины не были убиты! Вместо того, чтобы умереть понапрасну, не убежать ли [вам] к народу нюйчжи и не изыскать ли средства жизни?“. Сяо Пиди сказал: „Есть ли [такой] закон, по которому бы хан, полагаясь на лживые слова, убивал преданных и добродетельных? Хотя бы я и умер, что [тут] поделаешь?“ — и не ушел в чужое государство» [Е Лун-ли, 1979. С. 99–100].

Императрица среагировала оперативно — она казнила Сяо Чжубули, Сяо Пиди и других, конфисковала их имущество, а Сяо Пусагэ отправила в ссылку. Вскоре репрессии коснулись и многих других представителей элиты, на их место были поставлены люди вдовствующей императрицы. Видя нерешительность Син-цзуна, его мать в 1032 г., пока он был на охоте, отправила убийц к Пусагэ. По одной версии, Пусагэ попросила дать ей время на ритуальную подготовку к смерти и затем повесилась. По другой версии, императрица

Ци-тянь была задушена и похоронена как простолюдинка на горе Баймашань к северу от Цзучжоу [Е Лун-ли, 1979. С. 140–141].

В 1035 г., после охоты, Син-цзун проезжал мимо горы Баймашань в области Цзучжоу и навел на могилу Ци-тянь. «Не было также храма для принесения жертв и никого, кто ухаживал бы за могилой, только одинокий курган стоял на голой горе. Опечаленный император заплакал и воскликнул: „Если бы раньше я занимал такое положение, как сейчас, ты не дошла бы до этого“» [Е Лун-ли, 1979. С. 143]. Он приказал перенести прах императрицы Ци-тянь на императорское кладбище в области Цзучжоу, там же был возведен храм для жертвоприношений.

Поскольку императрица Фа-тянь захватила в свои руки реальную власть, а император не вмешался в эти события, некоторые напуганные сановники обратились к нему лично с докладом: «Не соблаговолит ли хан принять участие в управлении [государством]?» [Е Лун-ли, 1979. С. 100]. Вероятно, произошедшее напугало и самого императора — он стал опасаться своей матери, глубже вникая в дела управления государством.

Мать действительно попыталась сместить его, посадив на трон его младшего брата. В «Ляо-ши» рассказывается, что на третьем году эры правления Чжун-си (1035) императрица Фа-тянь вызвала своих братьев, чтобы обсудить с ними вопрос о низложении Син-цзуна и возведении на престол младшего сына — Чжун-юаня. Этот брат императора и раскрыл тайну нового заговора. Син-цзун лично с отрядом воинов ворвался во дворец, захватил мать, а потом, по совету евнуха Чжао Ань-жэня, отправил ее, «посадив в повозку, обтянутую желтым полотном», в ссылку на пять лет в область Циньчжоу, якобы охранять могилу Шэн-цзуна, а многих заговорщиков казнил. Младшего брата в награду за верность сделал губернатором [Е Лун-ли, 1979. С. 141–142, 443]. Чжао Ань-жэнь за оказанную помощь был назначен на высокие должности.

Любопытна в этих событиях роль евнуха Чжао Ань-жэня. В «Ляо ши» есть некоторая информация о нем: китаец по происхождению, в детстве был угнан киданями. В 1019 г. пытался бежать в Китай, но был пойман. Сяо Пусагэ приказала ему следить за императрицей Ци-тянь, матерью Син-цзуна. После возвышения последней Чжао Ань-жэнь, боясь наказания за доносы, снова пытался бежать, но опять неудачно. Его снова спасла Пусагэ, сказавшая Шэн-цзуну: «Чжао Ань-жэнь говорит, что его отец, мать и все братья живут на земле, управляемой Южной династией, и каждый раз, когда он вспоминает о них, у него переворачивается душа. Сейчас, тоскуя о родных, он бежал, рискуя жизнью, а это указывает на его сыновнюю почтительность. Действительно, он заслуживает жалости». Шэн-цзун помиловал Чжао Ань-жэня [Е Лун-ли, 1979. С. 444–445].

Ссылкой Фа-тянь история прихода Син-цзуна к власти не кончилась. После перенесения праха императрицы Ци-тянь в Цзучжоу некоторые сановники стали уговаривать императора вернуть императрицу Фа-тянь из ссылки. Император не соглашался, подозревая, что они говорят это не от чистого сердца, а «рассчитывая на выгоды от ежегодного прибытия сунских послов». Однако позднее, слушая объяснение буддийской книги «Воздаяние

за добро», решил изменить свое решение. Он пригласил вдовствующую императрицу к воротам Средней столицы и на основе гадания определил день встречи с ней. У них восстановились прежние отношения — ей был пожалован новый титул «вдовствующая императрица Фа-тянь ин-юнь жэнь-дэ чжан-шэн», однако при остановках во время поездок император всегда отъезжал на расстояние более десяти ли, что было тайной мерой предосторожности [Е Лун-ли, 1979. С. 144]. Тут же возобновились визиты послов из Сун для поздравления императрицы, а в 1040 г. были отправлены в Сун чиновники от имени императрицы и императора для поздравления с днем рождения китайского правителя.

Син-цзун был обеспокоен положением в государстве: из доклада сановника Сяо Ханьцзяну он узнал о военных приготовлениях кочевых племен цзубу, длительном отсутствии взносов от корейцев и сложном положении пограничных войск. Понимая, что невозможно обеспечить полноценную поддержку гарнизонам на западной границе и защитить их от нападений цзубу, император решил их убрать. Это будет иметь серьезные последствия, поскольку влияние киданьского государства на положение в Монголии ослабнет, и вместо демонстрации силы киданям придется в большей мере прибегать к дипломатическим методам. По совету Сяо Ханьцзяну было решено также реформировать и восточные гарнизоны. В благодарность за советы Син-цзун назначил Ханьцзяну ответственным за редактирование исторических записей империи, чем тот впоследствии и прославился.

Эти события непосредственным образом повлияли на то, что в центре внимания нового императора оказалась именно внешняя политика. Основным соперником киданей на внешнеполитической арене в этот период была империя Сун (960–1279). Отношения с ней регулировались Шаньюаньским мирным договором 1004 г. После его заключения между двумя государствами установился почти 120-летний период мирных отношений (до 1125 г.), сопровождавшийся оживлением дипломатических контактов и существенным увеличением торгово-экономических связей. В целом отношения между киданями и Китаем были сложными и включали как военные операции, так и дипломатические акции. Очевидно, что оба государства не ставили перед собой задачи полной ликвидации соседа и старались извлечь максимум преимуществ из общения друг с другом. Империя Ляо стала мощным заслоном для проникновения кочевых племен в китайские пределы и хорошим противовесом в отношениях с тангутами, тибетцами и другими народами Восточной Азии. Южные соседи давали киданям возможность активно использовать «общемировую» восточноазиатскую культуру, сложившиеся торговые коммуникации, южные рынки для сбыта своей продукции и получения необходимых товаров.

Все спорные вопросы отныне улаживались почти исключительно дипломатическим путем, но все же в реальной жизни иногда складывались непростые ситуации. Так, в 1042 г., в ответ на укрепление китайцами границы, кидани потребовали возврата «Области южнее горных пограничных перевалов», южнее Пекина, а также предъявили претензии еще на десять уездов, лежавших к югу от Пекина, что привело к конфликту. В Ляо собрался военный совет.

Председатель Южного Военного Совета Сяо Вэй обратил внимание на то, что «сунцы уже несколько лет воюют на западе». Сяо Вэй утверждал, что «воинство изнурилось, народ истощал» и поэтому нельзя упускать момент¹. Сунская империя в это время увязла в войне с тангутским государством Си (Западное) Ся, и время для наступления показалось некоторым киданьским сановникам благоприятным. Вероятно, и Сун готова была попробовать военный вариант.

При киданьском дворе сложились две партии: Сяо Хуэй предложил императору возглавить армию против Сун; Сяо Сяому, напротив, советовал соблюдать Шаньюаньский договор между киданьской империей Ляо и китайской империей Сун (1004). Китайцы колебались, боясь не выдержать войны на два фронта. Интересна аргументация сунского посла к киданям Фу Би: «если Северный Двор пребывает в дружестве с Срединным Государством, то один только Государь наслаждается выгодами оною, а вельможи ничего не получают. Если объявите войну, то выгоды обратятся к вельможам, а Государю останутся одни бедствия... поэтому те, кто ратует за применение войск действует в личных интересах, и это не является государственной политикой... ведь когда кидани захватывали большие трофеи, они оседали в домах чиновников»². Син-цзун принял во внимание эти аргументы.

В начале 1042 г. послы Сяо Тэмо и Лю Люфу из Ляо прибыли в Сун и потребовали обсудить три возникшие проблемы³. Прежде всего они напомнили, что государство Си Ся находится в союзе с киданями и, следовательно, китайцы не должны воевать с ними. Во-вторых, послы потребовали от китайцев прекратить укрепление своей северной границы и, наконец, в-третьих, передать киданям десять уездов в центральных районах провинции Хэбэй.

Переговоры были долгими и сложными. Китайцы были недовольным термином «дань» и в конце концов договорились с киданями использовать формулировку «помощь на покрытие военных расходов». Осенью этого же года в ответ на отказ киданей от территориальных притязаний Сунская династия добавила к своим ежегодным платежам по 100 тыс. лан серебра и 100 тыс. кусков шелковой материи. В то время кусок ткани оценивался в один лан серебра. Следовательно, размер ежегодного платежа – и тканями, и серебром, по подсчетам Н. Я. Бичурина, составил 1080 пудов чистого серебра [Е Лун-ли, 1979. С. 144–149, 445–448]. Эти условия были подписаны как дополнение к договору в Шань Юане. В данном случае, несомненно, сказалось ослабление китайского государства, хотя налицо было и нежелание киданей ввязываться в крупномасштабные конфликты.

Серьезных конфликтов между Севером и Югом не было несколько десятков лет, империя Сун ежегодно отправляла Ляо подарки, в результате чего,

¹ Летопись китайской империи, называемая Юй-пхи-цзы-чжи тхун-цзянь ган-му / пер. с китайского И. Бичурина // ИВР РАН. Ф. 7. Оп. 1. № 10–14. Т. 12. Л. 123–124.

² Там же. Л. 311.

³ Е Лун-ли в своем сочинении достаточно подробно рассказывает об этих переговорах и приводит тексты документов [Е Лун-ли, 1979. С. 144–149]. Есть информация и в «Ляо ши», введенная в отечественный научный оборот благодаря переводам В. С. Таскина [Е Лун-ли, 1979. С. 445–447].

как сообщают источники, в кладовых киданьского императора скопились целые горы редких и драгоценных вещей.

Син-цзун любыми средствами выказывал свое доброе отношение к китайскому правителю. Так, летом 1055 г. он отправил послов поднести свой портрет сунскому императору и просил в обмен изображение императора Жэнь-цзуна, чтобы таким путем «укрепить братские отношения». В 1055 г. (24-й год правления Чжун-си), в первый весенний месяц, сунский император подарил Син-цзуну прирученного («вращенного дома») слона.

Особый характер имели отношения киданей с тангутами. К этому времени в Восточной Азии сложился своеобразный «треножник» государств — китайская империя Северная Сун (960–1127), киданьская империя Ляо (907–1125) и государство тангутов Западное Ся (Си Ся, 1038–1227). Тангутская империя (официальное название — Пхон-мбин лхиэ-тха, Великое государство Высокой Белизны) находилась к северо-западу от Сун, на территории современных китайских провинций Шэньси и Ганьсу. Она контролировала восточный отрезок Великого шелкового пути. Это было достаточно могущественное государство с эффективной военной организацией, мощным бюрократическим аппаратом и высокой культурой. Тангуты (самоназвание — минья) возникли на основе слияния ряда других этнических групп (жуны, тибетцы-дансяны и др.). В IX в. правящий клан дансянов, которые, собственно, и известны под монгольским наименованием «тангуты», укрепился в центре Ордоса. Это так называемая территория Пяти округов, которая в X в. приобрела почти полную самостоятельность. Тангутское население составляло здесь абсолютное большинство. Укреплению самостоятельности данного района способствовали и распад Китая на ряд государств в период Пяти династий, и возникновение на севере киданьского государства Ляо, которое поддерживало стремление правящего тангутами дома Тоба к независимости.

Сами тангуты считали себя наследниками полуинородческих династий Тоба Вэй (386–535) и Тан, а также шатосских династий Поздняя (Хоу) Тан. Вслед за ними тангуты отстаивали право некитайцев жить на территориях, некогда захваченных Китаем, сохранять свои традиции и управляться вождями из своей среды, а не китайскими чиновниками. В этом плане они даже противопоставляли себя киданям. Еще будучи наследником трона, будущий тангутский император Ли Юаньхао уговаривал своего отца Дэ-мина начать войну с Китаем: «Одеваться кожей и волною (овечьей шерстью), заниматься скотоводством — вот что сродни кочевым. Родившись героем, должно господствовать над другими; к чему шелковые ткани?!» Кидани, в отличие от тангутов, якобы как губка впитывали в себя китайскую цивилизацию: «Яньцы (т. е. кидани, поселившиеся около Пекина) в одежде, питье и пище подражают китайцам. Тангуты не любят Китай и пользуются такими нравами и обычаями, какими им заблагорассудится»⁴.

В 982 г. Сунская империя сделала попытку подчинить эти районы, но один из членов правящего клана тангутов, считавшийся среди них лучшим стрелком,

⁴ Цит. по: [Гумилёв, 1992. С. 68].

Тоба Цзицянью, открыто выступил против Китая. Он решил использовать противоречия между Ляо и Сун. Кидани охотно поддержали тангутов. В 989 г. киданьский двор отдал за Цзицянью киданьскую принцессу и признал его ваном государства Ся. В 985 г. против тангутов была брошена сильная китайская армия, но была разгромлена. Тангуты заключили союз с киданями и снова разбили китайцев в 987 г. В 997 г. Цзицянью добился окончательного установления своей власти над всей территорией Пяти округов. Китайский император велел разрушить крепость Сячжоу, уступив тем самым тангутам Западное Ганьсу и Ордос. В 1002 г. тангуты овладели г. Линчжоу. На рубеже X–XI вв. (в истории династии Сун «Сун ши» запись под 1001 г.) в Китае стало употребляться для обозначения тангутского государства наименование Си Ся. Территория нового государства могла расширяться только на запад и юго-запад, поэтому тангуты всю первую треть XI в. воевали на западе. В 1004 г. в войне с тибетцами Цзицянью, раненный стрелой в лицо, скончался. Его преемник, Дэмин, понял, что необходим мир с Китаем, и в 1006 г. добился заключения мирного договора с Сун, согласившись принять от китайцев должность *цзедуши* (военного губернатора) и тем самым как бы признав себя состоящим на китайской службе. Он получил титул вана Сипин (Умиротворителя запада).

После длительных военных столкновений империя Сун передала Цзицянью пять западных округов, населенных преимущественно тангутами, которые и стали этническим ядром будущего государства. Этот договор 1006 г. между Си Ся и Сун означал фактическое признание со стороны Сун тангутского государства. Дэмин стал готовиться к официальному принятию императорского титула. В 1016 г. он посмертно объявил императором своего отца, Цзицянью, в 1028 г. своего сына провозгласил наследником императорского престола, а его мать — императрицей. Была объявлена новая столица государства, ею стал г. Синчжоу⁵. Мир с Китаем и поддержка Ляо позволили тангутам нанести поражения тибетцам и уйгурам и в 1028 г. присоединить области с городами Лянчжоу (Увэй) и Ганьчжоу (Чжанье), современная провинция Ганьсу. В 1036 г. владения Си Ся продвинулись на запад до границ оазиса Хами. Граница с киданями шла по южной окраине пустыни Гоби и северному рукаву Хуанхэ, в районе ее излучины, именуемой Ордос. Сунские войска не допустили тангутов к реке Хуанхэ близ своих границ.

В 1031 г. Дэмин скончался и к власти пришел его сын Юаньхао. Средневековые авторы описывали его как талантливого полководца. Новый правитель провел десять реформ. Первые пять реформ были проведены в 1032 г.

В 1032 г. Юаньхао отказался пользоваться сунскими девизами царствования и объявил свой девиз царствования Сянь-дао — «Ясный путь». Второй реформой стал указ 1033 г. о введении в стране для всех мужчин единой прически *туфа*, что являлось важным политическим актом. Это был киданьский тип мужской прически: большая часть волос на голове сбрасывалась, оставлялась только челка спереди и косицы на висках. Так же впоследствии сделали маньчжуры, обязавшие всех мужчин-китайцев носить косу.

⁵ Современный г. Иньчуань, Нинся-Хуэйский автономный район.

Единая прическа являлась символом покорности всех подданных государя. Император подстригся первым, затем дав подданным три дня на то, чтобы сделать аналогичную стрижку, угрожая смертной казнью в случае неповиновения.

Третья реформа состояла в том, что статус столичного округа был поднят до статуса фу («департамента»), которым обладали столицы Ляо и Сун. Город был переименован в Синцин — «Новый прилив счастья». В рамках четвертой реформы были введены центральные правительственные учреждения по китайскому образцу: Государственный секретариат (Чжунжу) для управления гражданскими делами, Тайный совет (Шуми) для командования армией и ведения военных дел, Цензорат (Юйшитай) — орган контрольной власти. Тангуты не стали вводить систему «шести министерств» (лю бу), принятую в Ляо, но учрежденные министерства справлялись с делами. Пятая реформа вводила форменное платье для чиновников.

Реформы были продолжены в 1036 г. точным определением системы воинской повинности (шестая реформа), упорядочением административного деления страны на 12 военно-полицейских округов (седьмая реформа) и введением в употребление своей письменности (восьмая реформа). Девятая и десятая реформы также были проведены в области культуры: в 1037 г. учреждены тангутская и китайская школы; год ознаменовался и введением при дворе тангутской музыки в качестве официальной музыки для сопровождения церемониалов.

10 ноября 1038 г. Юаньхао официально объявил себя императором, своему деду Цзицяню и отцу Дэмину он присвоил императорские титулы посмертно. Юаньхао свою империю решил назвать Си Ся — это аллюзия к первой древнекитайской династии Ся.

Принятие Юаньхао императорского титула создало новую ситуацию в Восточной и Центральной Азии. Появился третий «сын Неба» — наряду с императором Сун и императором Ляо. Вместо традиционных подарков, ко двору Сун он отправил хвастливое письмо, где сообщил, что ему подчинены *туфань* (тибетцы), *тата* (татары), *чжанье* и *цзяохэ* (уйгуры).

Сунский император признавал за императором Ляо императорский титул, но отказался признать императорский титул за Ли Юаньхао. Это привело к тангутско-китайской войне 1040–1044 гг., которая не принесла успеха ни одной из сторон. В ходе начавшихся переговоров Сун потребовала, чтобы Юаньхао титуловался любым традиционным титулом (*каган*, *шаньюй*), но не китайским императорским титулом *хуанди*.

Именно в это время произошел конфликт между Ляо и Сун (в 1042 г.). Китайцы стремились подавить «мятеж Юаньхао» и отправили 200 тыс. воинов против старейшин тангутов. Шла долгая борьба за пограничные крепости. Потери Сун, по данным того времени, составили якобы 300 тыс. человек. Юаньхао договорился с киданями о том, что, как только лед покроет Хуанхэ, они совместно выступят против Сун. Кидани не торопились с оказанием помощи, а у тангутов сил уже не хватало. К тому же на государство обрушились затяжные засухи. Война подорвала экономику как Си Ся, так и Сун. После

замирения кидани выступили фактически на стороне Китая. Тангуты вынуждены были согласиться на мир.

Юаньхао отказался на международной арене в сношениях с Китаем именовать себя *императором-хуанди*, сохранив за собой императорский титул (на тангутском языке *уцзу*) только в пределах Си Ся. Сунский двор признавал его *чжю* — «государем» и «помогал» материально, выплачивая контрибуцию ежегодно в сумме 255 тыс. единиц шелком, серебром и чаем. Юаньхао признал себя «младшим» (*чэнь*) и получил от императора Сун печать.

При Ли Юаньхао государство Западное Ся (Тангутское царство) имело торговые отношения с более чем пятьюдесятью странами, в том числе с Сун, Ляо, Арабским халифатом, Индией и даже африканскими государствами. Еще не заключив мира с Сун, Юаньхао был втянут в войну с Ляо. Китай был не против ослабить Ляо и потому, формально не участвуя в этом конфликте, занял в тангутско-киданьской войне более благоприятную для Си Ся позицию. Причиной столкновений была борьба за контроль над родственными тангутам племенами, которые жили на территории Ляо. Восстание нескольких племен дансянов, вспыхнувшее на территории Ляо в начале 1044 г., было использовано Юаньхао для принятия их в свое подданство.

Форсировав Хуанхэ, войска Ляо двинулись тремя колоннами против Си Ся. Центральную колонну возглавлял император Ляо. Кидани разбили конницу тангутов, но в это время поднялся сильный пыльный ветер прямо в лицо киданям, и они дрогнули и побежали. Юаньхао не стал их преследовать и предложил мир. Из-за наступления зимы и применения тангутами тактики «выжженной земли» у киданей начались проблемы со снабжением. В плен попал зять Син-цзуна Сяо Худу. Стороны обменялись пленными (в их числе были и мятежные старейшины), после чего в 1045 г. заключили мир.

В конце 1047 г. против Юаньхао был организован заговор. Одним из участников стал его сын Нинлингэ, у которого Юаньхао отнял невесту. Сын ранил отца копьем в лицо, однако заговор был подавлен: императорская стража перебила часть заговорщиков, в том числе погиб и Нинлингэ. Позже, в январе 1048 г., скончался вследствие ранения и Юаньхао. Наступило смутное время господства рода Лян, очень непопулярного в войсках.

Особых преимуществ и той, и другой стороне не принесла и война 1049–1053 гг., хотя Си Ся выплатила Ляо огромную дань скотом. Вскоре военные действия возобновились. В седьмом месяце 1049 г. Син-цзун вторгся в Си Ся для реванша. Кидани привели по реке Хуанхэ 130 многопалубных судов. Пограничные войска тангутов были разбиты, и три армии киданей вошли в Ся. Первая армия под командованием Сяо Хуэй была разбита, центральная под командованием Син-цзуна повернула назад, третья под командованием Елюй Дигу сожгла окрестности столицы и захватила вдову Юаньхао, убив 3000 тангутских воинов. Осенью 1050 г. тангуты решили напасть сами, но потерпели поражение. В битве на реке Сяньцзоучуань тангуты также были разбиты, и кидани совершили рейд вглубь Ся. Мир был подписан в 1053 г. Ся признало себя вассалом Ляо. Окончательный мир был установлен лишь в 1099 г. На восточных границах Ляо уже в то время было неспокойно. В 1047 г. восстал

наместник Восточной столицы Елюй Хучжа. Он бежал в Корё. Император послал отряд под командованием Сяо Ди поймать и наказать его [Е Лун-ли, 1979. С. 152]. В 1048–1049 гг. кидани воевали с племенем пунули из союза Уго в районе рек Сунгари и Амур.

Внутреннее положение в Ляо при императоре Син-цзуне тоже было непростым. Правительство и армия, как настойчиво утверждают китайские средневековые авторы, были очень сильно коррумпированы. Войны, которые вели кидани, требовали средств, и император решил поднять налоги. Народ стал роптать. Император вынужден был предпринимать какие-то шаги в этом плане, и у него сложилась своеобразная программа преобразований. В 1031 г. он провел перепись по всем округам собранного урожая и установленных налогов. Это, по его мнению, должно было стать основой для разработки общей системы налогообложения [Wittfogel, Feng, 1949. P. 139, 342].

В 1035 г. он издал указ, где говорилось: «Любой человек, высказывай мысли о законах и управлении [государством]! Затем вот о чем выводите у всех: так ли [это], что прямые подати не больше, чем в прежние [годы]; нет вражды [причины возникновения] войн; ежегодно приобретается хлеб; наполнены до краев хлебные магазины; а если так, то много ли народа, который крайне нуждается, а чиновники нерадивы ли? Есть ли народ, ставший ленивым? Какие из нынешних прямых податей тяжелы? Из-за чего страдают? Когда [численность] народа уменьшилась, какая [в том может быть] польза? [Далее], когда можно будет усовершенствовать закон о поселении [на границе] сменных сторожевых войск? Когда можно будет остановить разбойников?» [История Железной империи, 2007. С. 100].

Один из придворных по имени Сяо Ханьцзяну представил ему подробный доклад о положении в государстве и тех мерах, которые можно было бы предпринять в этой ситуации. Общая мысль доклада — положение в стране критическое [История Железной империи, 2007. С. 100–102]. Рассуждения чиновника были довольно наивные и утопичные: «Весь простой народ ежедневно страдает и придавлен нуждой... [Поэтому], если желаешь удостоить [всех] в Поднебесной одинаковой милости, не соблаговолишь ли уклоняться от охот и походов? Сократи [число] разъезжающих по почтовым станциям [с ханскими поручениями и связанные с этим расходы]! Сделай незначительными прямые подати! Удерживай себя от расточительства и безрассудства! Когда бы так было несколько лет [подряд], то доведенный до крайности народ войдет в силу. Бедный народ станет богатым, так-то! Народ — это корень государства. Войска — это щит государства. ... Если желаешь ныне вырвать главный корень [возникновения] разбойников, то [ты], хан, уменьши [размер] прямых податей и приохочивай народ к земледелию! Согласно [установившимся правилам] образования и воспитания, нарушение [касающихся материальных благ] законов считается тяжелым, когда есть изобилие в одежде и питании, и если народ соблюдает законы и обязанности, то тех, к кому применяют наказания, бывает мало... Построй городские башни и кремли, укрепи крепостные стены и рвы! Охраняй пограничные линии! [Все] это — дела, которые в настоящее время нужно сделать

прежде [всего]. Хан, поразмышляй-ка о том, как быть!» [История Железной империи, 2007. С. 102].

Син-цзун в целом одобрил этот доклад, но дал Сяо Ханьцзяну совершенно иное поручение: «Приведи в порядок династийные исторические книги!» Затем хан удостоил [его] указа, в котором говорилось: «Исторические книги — это свет государства. Человека без дарований нельзя употреблять на службе [в Академии наук]. Твои же ученость и знания, амбань, обширны, поэтому пожаловал [тебе] должность ду линья. Записывай [в журнале] о совершенно всех моих занятиях!» [История Железной империи, 2007. С. 102; Wittfogel, Feng, 1949. P. 500].

В 1036 г. император лично принимал экзамены и отобрал 49 человек, достойных степени цзиньши и готовых к службе. С этого года он всегда принимал экзамены лично. В том же году было реформировано управление северными племенами киданей — на место вождей назначили цзедуши. В 1038 г. чиновника из южного министерства приговорили к смертной казни за то, что присваивал дорогие вещи из предоставляемой народом нюйчжи дани. В 1040/1041 году император повелел не назначать на должности людей, запятнавших себя преступлениями, сановникам предписывалось не пренебрегать службой в пользу пиров и охот. Все были обязаны представлять императору доклады о положении на границе, если располагали такой информацией, за взятки должны были наказывать как за воровство.

В 1039 г. Син-цзун выпустил указ: «Бейте в колокол, если есть люди, которые знают и расскажут о следствиях, произведенных амбанами северных министерств с нарушением [закона]! Пересекайте мне дорогу, если есть дела с подачею жалоб [на амбаней северных министерств], и обо всем меня извещайте!» В 1040 г. Син-цзун выпустил еще один указ: «Не назначайте на должность человека, преступившего закон! Амбани, состоящие на какой-нибудь службе, не покидайте [место] службы и не напивайтесь допьяна, если [ваша] работа — не сватовство и не жертвоприношение духам! Если есть люди, имеющие соображения об управлении народом и водворении спокойствия [в местностях] у пограничной линии, то обо всем меня извещайте!» В 1041 г. последовал указ: «Если состоящие на службе чиновники берут [себе] дорогие вещи и деньги из казначейства, то [это] преступление вора. Если обсуждают между собой дела, расследованные и завершённые при почившем хане, — [это] также преступление. Если ланцзюни отправятся в запретные места стрелять оленей, то [приказываю] дать по три сотни ударов палкой и не буду принимать на службу. Если мелкие командиры — [приказываю] дать по две сотни ударов палкой. Если закон нарушают [следующие по значимости] после них, [вплоть до] простолюдинов, то [это] преступление, соответствующее [преступлению] ланцзюня».

В 1042 г. Син-цзун запретил приносить в жертву животных на похоронах и закапывать ценности. В том же году вышел указ: «Если тайком обменять казенного коня [на товар], то [это — уголовное] преступление, [заслуживающее] смертной казни. Чиновники внешних губерний, заменяйте [на пограничной службе?] по истечении трехлетнего [срока] тех, кто усерден, предан

и прямодушен! Людей, которые не в состоянии нести службу, заменяйте немедленно!» В 1043 г. Син-цзун прикомандировал к своему сыну Янь-вану Хун-цзи лучшего из опытных и сообразительных чиновников и дал поручение: «Приведи в порядок дела двух министерств [из числа] северных и южных!»

Император в 1049 г. издал указ, по которому освобождался от наказания младший брат, который вслед за старшим ушел в разбойники, если у братьев не было сыновей. В 1052 г. Син-цзун принял решение — по китайскому обычаю, ввести в употребление посмертные титулы императоров для своих предшественников и объявить посмертно императорами тех предков рода Елюй, что были до основателя государства Елюй Апоки.

В 1052 г. Син-цзун охотился в горах на медведей и тигров. Более 10 охотников были убиты хищниками. Сяо Ханьцзяну, исполнявший обязанности историографа, приказал сделать об этом запись в летописи. Син-цзун приказал вычеркнуть эту запись. Ханьцзяну сделал это, а затем снова внес запись. Император узнал и сказал: «Таким и должен быть историограф!» Император стал высоко ценить Ханьцзяну и приказал ему написать «Свод нравственных правил и уголовных законов» для Ляо [Wittfogel, Feng, 1949. P. 501]. Этот перечень на основе текста сочинения Е Лун-ли свидетельствует о достаточно активной деятельности императора, но в то же время, безусловно, свидетельствует, что многие указы оставались на бумаге, и искоренить коррупцию и воровство было практически нереально.

В сфере религиозной политики к достижениям Син-цзуна следует отнести официальное принятие киданями буддизма. Киданьские племена познакомились с буддизмом довольно рано, поскольку с давних времен проживали в окружении государств, в которых буддизм преобладал или имел значительное влияние. Неоднократно совершая набеги на соседние территории, кидани уводили в плен большое количество жителей, среди которых было немало буддийских монахов. Так, Храм Небесных Героев в Верхней столице был основан в 912 г. после похода киданьской армии на Китай, где были захвачены в плен пятьдесят монахов. Начало же распространения буддизма в киданьском государстве «Ляо ши» относит к девятому месяцу второго года периода правления Тяньфу (т. е. 902 г.), когда у слияния рек Шира Мурэнь и Ляохэ было начато строительство Храма Начала Учения.

Основой для формирования новой культурной парадигмы в стране был антикитаизм. Любопытно, что буддизм кидани приняли именно как «некитайскую религию», которая явно импонировала киданьской знати своей проповедью пассивного отношения к действительности и непротивления злу «иллюзорного» мира ради «грядущего спасения». Она оказалась наиболее подходящей идеологической основой для складывающегося киданьского государства, ибо, отрицая родоплеменную исключительность, провозглашая единство культа и абсолютного божества, способствовала преодолению прежней родоплеменной разобщенности и становлению централизованного государства.

Установление могущественной державы открыло дорогу широкому распространению буддийского вероучения. По приказу Абаоцзи и последующих

правителей строились буддийские храмы и монастыри. Их пышность и величие поражали иноземцев, в частности сунских путешественников. В одном из китайских источников сообщается об огромном и прекрасном храме, внутри которого находилась колоссальных размеров статуя Будды, отлитая из серебра и покрытая золотом [Wittfogel, Feng, 1949. P. 298–300]. Даже в резиденциях императриц строились буддийские алтари. Киданьские правители неоднократно посещали буддийские храмы, следуя танскому обычаю весенних и осенних жертвоприношений. Этим они демонстрировали особую приверженность новой религии, которой открыто отдавалось предпочтение перед остальными. День рождения Будды был включен в число национальных праздников, он отмечался в восьмой день второго месяца. Буддийские тексты использовались при обучении наследника престола. В дни буддийских празднеств издавался указ об амнистии преступников и выпускались на свободу орлы и соколы, которых императоры использовали на охоте. Буддийские церемонии преобладали в придворной жизни и во время военных кампаний и соперничали со старыми племенными традициями. Монахов назначали на высшие и почетные должности. Они освобождались от различных видов работ, даже в дни тяжелых испытаний для страны. Им даровали права и привилегии, которых подчас не удостоивались даже киданьские сановники.

Самое лучшее доказательство широкого распространения и роста влияния буддизма в стране — его экономическое могущество. Увеличение количества верующих, значительную часть которых составляли представители киданьской знати, покровительство власти, усиливающийся интерес к нормам буддийской морали со стороны рядовых кочевников — все это способствовало тому, что буддийская церковь стала одним из самых могущественных феодалов в стране. Духовенство в империи Ляо являлось особо привилегированным сословием.

В стране проводилась огромная работа по редактированию и изданию буддийских текстов. Киданьские императоры, заинтересованные в укреплении позиций буддизма, лично контролировали издательскую деятельность. К ней были привлечены лучшие специалисты. Император Син-цзун из всех религий в государстве особенно высоко ценил именно буддизм. Двадцать буддийских монахов в разное время получили назначение на должности трех высших сановников государства и трех учителей императора с совмещением должности начальника политических дел.

Подражая императору, многие его родственники и знатные семьи отдавали своих сыновей и дочерей в буддийские монахи и монахини. Ван Гаи, Яо Цзин-си и Фэн Ли, бывшие последователями даосизма, встретившись как-то с императором во время его тайных выходов, удостоились после этого почетных титулов и получили назначения на должности [Е Лун-ли, 1979. С. 150]. В 23-й год эры правления Чжун-си (1054), в 3-й луне, он велел отлить серебряную статую Будды для храма Кайтайсы. Сам император старался придерживаться пяти буддийских норм: отказ от убийства любых живых существ, отказ от воровства, отказ от сексуальной распущенности, отказ от лжи, отказ употреблять вещества, затуманивающие сознание [Wittfogel, Feng, 1949. P. 294].

В средневековых китайских исторических сочинениях, прежде всего у Е Лун-ли, есть информация и о личной жизни Син-цзуна. Используя эти сведения, нужно, однако, иметь в виду, что данный историк, по всей видимости, был настроен негативно по отношению к киданям (самыми разными примерами он доказывал их варварскую сущность и нравственный примитивизм), что могло наложить свой отпечаток и на характеристику их императора.

Как указывает Е Лун-ли, Син-цзун на своем посту «вел себя так, как хотел, проводя время в ничем не ограниченном распутстве». Он близко сошелся с начальником музыкального управления Ван Шуй-цином и многими другими. «Бывал в их домах и даже совершал поклонения перед их родителями. В переодетом виде несколько раз тайно посещал кабаки, где занимался сквернословием и непристойной болтовней, а затем, пресытившись весельем, возвращался обратно» [Е Лун-ли, 1979. С. 150].

Всех, кто пользовался его расположением, Син-цзун повышал в должности через ступени: «Титулы и награды раздавались без всякого разбора, а для назначения на должности не существовало [твердо установленных] правил». Однажды Ма Бао-чжун, китаец по национальности, занимавший должность председателя верховного военного совета, стал спокойно увещевать императора: «Наказание должно соответствовать преступлению, награды должны соответствовать заслугам, таков закон существования государства. Еще Цзи Ань скорбел, когда сказал, что пришедшие позднее ставятся выше других, точно так же, как при сборе топлива сверху кладутся вновь подобранные хворостины. Неправильные назначения на должности особенно широко производились при династии Тан. Ваше государство, возникшее к северу от области Шо и расширившееся за счет приобретения областей Ю и Янь, стало назначать чиновников в зависимости от их способностей, и с этого времени люди соответствуют занимаемым должностям. Ныне чиновники спокойно живут в мирных условиях и не имеют заслуг, за которые их следует повышать через ступени, поэтому более правильно повышать их в должностях по порядку».

Разгневанный император сердито ответил: «Если поступать так, император не сможет проявлять свою власть. Разве это принесет счастье государству?» Ма Бао-чжун испугался. С этого времени, когда Син-цзун хотел назначить кого-нибудь на должность через ступень, он предварительно обязательно щедро одаривал высших чиновников, чтобы пресечь различные разговоры [Е Лун-ли, 1979. С. 151].

В 1047 г. произошел такой случай: «Однажды ночью, когда император пировал вместе с Лю Сы-дуанем и его братьями, Ван Ган ввел оркестр музыкантов. Император приказал жене сменить одежду и изображать даосскую монахиню. Отец императрицы Сяо Мочжи сказал: „Боюсь, что в присутствии киданьских и китайских сановников императрице не подобает принимать участие в театральном представлении“. Император ударил Сяо Мочжи, разбил ему лицо и сказал: „Мне так нравится! Да и кто такая твоя дочь?“» [Е Лун-ли, 1979. С. 152].

В 11-й луне 1042 г. придворные сановники поднесли императору почетный титул «умный и образованный, совершенномудрый и храбрый, превосходно

дальновидный, божественно знаменитый, с любовью почтительный к родителям хан». Императрице, урожденной Сяо, поднесли и объявили почетный титул «совершенная красавица, всенародно любимая, высокопросвещенная императрица» [История Железной империи, 2007. С. 104]. В июле 1055 г. Син-цзун отправился в горы Цюшань. В августе он почувствовал себя плохо и призвал наследника. 28 августа император умер в возрасте сорока одного года. Спустя 23 года пребывания Син-цзуна на троне на престол вззошел его сын — Дао-цзун.

Любопытна ремарка Е Лун-ли по поводу правления Син-цзуна. Главной задачей средневекового китайского историографа было осмысление личностных качеств и поступков исторических лиц с точки зрения их влияния, положительного или отрицательного, на развитие событий в стране. Подобранные им факты и сделанные на их основе выводы предназначались в качестве дополнительной информацией для правящего монарха, чтобы помочь при решении возникающих проблем и уберечь от ошибок, совершенных его предшественниками. Личное же мнение историка излагалось либо в виде редких суждений и реплик по поводу отдельных событий, своего рода комментариев, либо в специальном фрагменте жизнеописания — заключительном его разделе. В данном случае Е Лун-ли в конце главы пишет: «Рассуждая о происшедших событиях, скажу: от Абаоцзи до Син-цзуна у киданей прошло пять-шесть поколений. К этому времени благодаря длительному миру и огромному увеличению ежегодных подарков со стороны династии Сун были накоплены большие богатства. В продолжение всех четырех сезонов года Син-цзун охотился, для чего существовали различные правила, называемые укрытием от жары, рыбной ловлей и т. д., и, самозабвенно увлекаясь охотой, не знал никаких преград. Буддийские монахи утверждали нереальность бытия, но их опутывали делами управления; даосские монахи настаивали на нравственной чистоте, но их связывали высокими должностями; артисты и музыканты говорили о театральном искусстве, но за занавесками у дверей в женские покои предавались необузданному разврату. Более двадцати лет Син-цзун следовал нравам, господствовавшим в эру правления Тун-гуан, но, на его счастье, не случилось никаких событий, которые привели бы его к гибели» [Е Лун-ли, 1979. С. 154].

Свою оценку личности и деятельности императора Е Лун-ли, безусловно, обосновывал и с помощью традиционных китайских историософских схем. Китайские историки, в частности, активно использовали храмовые имена императоров. На использование личного имени императора накладывалось строжайшее табу. При жизни императора называли иносказательно, типа шэнжэнь — «государь», тяньцзы — «Сын Неба». После смерти о нем судили по его почетному или храмовому имени, которые выбирал для предшественника новый император вместе с придворными. При жизни император понятия не имел, как его будут называть после смерти. По сути, храмовое имя — оценка, которую потомки выставляли умершему императору, подводя итоги его правления. Начиная с эпохи Тан, храмовое имя стали давать каждому императору, а не только самым выдающимся.

Отсюда эти чаще всего встречающиеся обозначения — Тай-цзу, Гао-цзу, Тай-цзун и др. Храмовое имя основателя династии всегда оканчивается на «цзу» — «предок-основатель». «Цзун» — означал «предок». Под этими храмовыми именами (мяохао) императоров почитали после смерти в храме императорских предков. Храмовые имена всегда состоят из двух иероглифов. На русском языке храмовые имена пишут слитно или через дефис: Тай-цзун.

Как правило, имя «Син-цзун» было почетным в общем ряду императоров. Если Тай-цзу основал государство, а Тай-цзун поднял страну к новым вершинам, то Син-цзун поддерживал страну на уровне, достойном своих предшественников. Если он не соответствовал этому уровню, то получал неудовлетворительную оценку — был «невежественным и испорченным». Именно это и пытался доказать своим очерком южносунский историк.

Однако нужно учитывать специфику исторического времени. Син-цзун получил воспитание и пришел к власти в период наиболее спокойного развития государства, во время апогея, что, несомненно, оказало преимущественное влияние на формирование его представлений об истории и политике. Всех киданьских правителей, включая и Син-цзуна, объединяют не только имущественное положение, общность взглядов и экономических интересов. Прежде всего все они целью развития государства считали его сохранение и развитие, искали оптимальные пути выхода из появляющихся периодически кризисов. Воспитание, образование, жизненный опыт предопределяли их политические взгляды — они последовательно отстаивали интересы правящего рода Елюй. Как представитель этого правящего рода, Син-цзун был крупным скотовладельцем и контролировал огромные территории. Император являлся сторонником проведения достаточно жесткой внутренней политики, хотя и не всегда вникал глубоко в непосредственную практику.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с кит., введ., коммент. и прил. В. С. Таскина. М.: Наука, 1979. 607 с. (Памятники письменности Востока. Т. 35).

История Железной империи / отв. ред. В. Е. Ларичев; пер. и коммент. Л. В. Тюрюминой. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. 356 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гумилёв Л. Н. В поисках вымышленного царства. М.: Товарищество «Клышников, Комаров и К&О»; Лорис, 1992. 319 с.

Пиков Г. Г. Буддизм в государстве киданей // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1980. № 1. Вып. 1. С. 149–155.

Пиков Г. Г. Елюй Апоки — первый кочевой император: социально-психологический портрет // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 1. С. 165–176.

Пиков Г. Г. Елюй Даши — социально-психологический портрет основателя государства Западное Ляо // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного

Китай: материалы IX международной научной конференции (г. Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г.): в 2 т. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. Т. 2. С. 90–94.

Пиков Г. Г. К вопросу о роли маньчжурских исторических текстов в изучении Восточной Азии в средние века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, № 4: Востоковедение. С. 67–72.

Пиков Г. Г. Кидани и Сибирь // Из прошлого Сибири: межвузовский сборник научных трудов: [в 4 вып.]. Новосибирск: НГУ, 1996. Вып. 2. Ч. 1. С. 5–13.

Пиков Г. Г. Киданьская элита в историческом контексте (907–1218). Новосибирск: Манускрипт, 2016. 506 с.

Пиков Г. Г. Памяти хана Кучлука (из истории становления монгольской империи) // Вопросы всеобщей истории и историографии: сб. науч. ст. памяти профессора А. В. Эдакова. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 171–216.

Тюрюмина Л. В. К истории создания маньчжурского перевода «Ляоши», «Цзиньши» и «Юаньши» // Этногенез народов Северной Азии: материалы конф. Новосибирск: [Б. и.], 1969. Вып. 1. С. 139–140.

Gabelentz H. Geschichte der Grossen Liao. St. Petersburg, Riga, Leipzig, 1877. 194 s.

Wittfogel K. A., Feng Chia Sheng. History of Chinese Society: Liao (907–1125) // Transactions of American Philosophical Society. Philadelphia, New York, American Philosophical Society, 1949. 752 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИВР РАН — Институт восточных рукописей Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия; gennadij-pikov@yandex.ru, <https://orcid.org/00000-0002-9818-0307>, Scopus Author ID: 57224185876.

Статья поступила в редакцию 02.09.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 17.03.2026.

THE KIDAN EMPEROR YELÜ ZHIGU (XINGZONG): A SOCIO-POLITICAL PORTRAIT (1015–1055)

GENNADY G. PIKOV

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

gennadij-pikov@yandex.ru, <https://orcid.org/00000-0002-9818-0307>

Abstract. This article is part of a series exploring the role of the rulers of the Liao Empire (907–1125) in its history. It concentrates on the reign of the seventh Liao emperor, Emperor Xingzong (1031–1055). Using medieval Khitan and Chinese historical texts, the article reconstructs his life and political career. Special focus is given to the empire's foreign policy under Xingzong, particularly Khitan-Chinese and Khitan-Tangut relations, as well as to domestic reforms. The examination of these sources shows that, despite East Asia's volatile geopolitical climate marked by the rise of the Song Empire and the emergence of Western Xia under Tangut rule, the emperor managed to adopt a balanced policy and maintain the empire's state-building efforts.

Keywords: Kidan, Liao Empire, Emperor Xingzong, Medieval China, Western Xia.

For citation: Pikov G. G. The Kidan Emperor Yelü Zhigu (Xingzong): A Socio-Political Portrait (1015–1055). *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 35–56. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-35-56

REFERENCES

- Gabelentz H. *Geschichte der Grossen Liao*. St. Petersburg, Riga, Leipzig, 1877. 194 s.
- Gumilev L. N. V poiskakh vymyshlennogo tsarstva [In Search of a Imaginary Kingdom]. Moscow, Tovarishchestvo «Klyshnikov, Komarov i K&O», Loris, 1992, 319 p. (In Russ.).
- Pikov G. G. Buddizm v gosudarstve kidaney [Buddhism in the Khitan State]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk [Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Social Sciences Series]*, 1980, no. 1, iss. 1, pp. 149–155. (In Russ.).
- Pikov G. G. Elyuy Apoki – pervyy kochevoy imperator: sotsial'no-psikhologicheskii portret [Yelü Abaoji – a Socio-psychological Portrait of the First Nomadic Emperor]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki [Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research]*, 2020, vol. 162, no. 1, pp. 165–176. (In Russ.).
- Pikov G. G. Elyuy Dashi – sotsial'no-psikhologicheskii portret osnovatelya gosudarstva Zapadnoye Lyao [Yelü Dashi – a Socio-psychological Portrait of the Founder of the Western Liao State]. In: *Drevniye kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya: materialy IX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (g. Ulan-Ude, 10–14 sentyabrya 2018 g.) [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: Proceedings of the 9th International Scientific Conference (Ulan-Ude, September 10–14, 2018)]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo BNTs SO RAN, 2018, vol. 2, pp. 90–94. (In Russ.).
- Pikov G. G. K voprosu o roli man'chzhurskikh istoricheskikh tekstov v izuchenii Vostochnoy Azii v sredniye veka [On the role of Manchu historical texts in the study of East Asia in the Middle Ages]. *Vestnik NSU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2009, vol. 8, no. 4: Oriental Studies, pp. 67–72. (In Russ.).

Pikov G. G. Kidani i Sibir' [The Khitans and Siberia]. In: Iz proshlogo Sibiri: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [From the Past of Siberia: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Novosibirsk, NGU, 1996, iss. 2, pt. 1, pp. 5–13. (In Russ.).

Pikov G. G. Kidan'skaya elita v istoricheskom kontekste (907–1218) [The Khitan Elite in a Historical Context (907–1218)]. Novosibirsk, Manuskript, 2016, 506 p. (In Russ.).

Pikov G. G. Pamyati khana Kuchluka (iz istorii stanovleniya mongol'skoi imperii) [In Memory of Khan Kuchlug (from the History of the Formation of the Mongol Empire)]. In: Voprosy vseobshchei istorii i istoriografii: sbornik nauchnykh statei pamyati professora A. V. Edakova [Questions of General History and Historiography: a Collection of Scientific Articles in Memory of Professor A. V. Edakov]. Novosibirsk, NSPU, 2006, pp. 171–216. (In Russ.).

Tyuryumina L. V. K istorii sozdaniya man'chzhurskogo perevoda «Lyaoshi», «Tszin'shi» i «Yuanshi» [On the History of the Creation of the Manchu Translation of “Liaoshi,” “Jinshi” and “Yuanshi”]. In: Etnogenez narodov Severnoy Azii: materialy konf. [Ethnogenesis of the Peoples of Northern Asia: Conference Materials]. Novosibirsk, 1969, iss. 1, pp. 139–140. (In Russ.).

Wittfogel K. A., Feng Chia Sheng. History of Chinese Society: Liao (907–1125) // Transactions of American Philosophical Society. Philadelphia, New York, American Philosophical Society, 1949. 752 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

GENNADY G. PIKOV, Doctor of Sciences (History, Culturology), Associate Professor, Head of the Section of General History of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; gennadij-pikov@yandex.ru, <https://orcid.org/00000-0002-9818-0307>, Scopus Author ID: 57224185876.

The article was submitted on 02.09.2025; approved after reviewing on 24.02.2026; accepted for publication on 17.03.2026.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЙНЕ И ОРУЖИИ В АЛТАЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КОРОЛЁВА

Фонд «Сибирский писатель», г. Новосибирск, Россия
e.v.koroleva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2198-2547>

Аннотация. Исследование посвящено представлениям о войне и вооружении, запечатленным в алтайских исторических преданиях. Даны определения ключевых понятий военного дела в контексте фольклорной традиции. Произведена интерпретация алтайских терминов вооружения с опорой на данные оружейведения и письменных источников. Выявлены свидетельства доступности огнестрельного оружия разного калибра для алтайцев в том числе после распада Джунгарского государства. Описана практика стрелковых дуэлей. Предпринята попытка уточнения сведений о месте и способе производства пороха на основе сравнения фольклорных, исторических и геологических данных. Предложена версия происхождения легенды о «непробиваемом доспехе». Представлено разнообразие фортификационных сооружений, адаптированных к горной местности. Обнаружены параллели в определении статуса военнообязанных в современной алтайской и средневековой тибетской традициях.

Ключевые слова: алтайские исторические предания, оружие, военное дело.

Благодарности: автор благодарит доктора исторических наук Л. А. Боброва за консультации и важные уточнения.

Для цитирования: Королёва Е. В. Представления о войне и оружии в алтайских исторических преданиях // *Universum Humanitarium*. 2026. № 1. С. 57–78. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-57-78

В отечественной историографии существуют различные точки зрения на применимость фольклорных текстов в исторических исследованиях. Основным камнем преткновения является спор о том, может ли фольклорный текст быть источником информации о реальном прошлом или только о представлениях о нем [Данилевский, 2024. С. 69]. Несмотря на то, что основоположник современной теории текста В. Я. Пропп считал, что «фольклор есть явление исторического порядка, а фольклористика есть историческая дисциплина» [Пропп, 1976. С. 28], большая часть фольклористических исследований осуществляется в рамках научной дисциплины филология, опирается на сравнительно-типологический метод и не ставит целью изучение исторических реалий, запечатленных в фольклорных текстах. В последние годы фольклористы все чаще обращаются к методологии и понятийному аппарату устной истории

(Social memory studies), сосредоточенной на осмыслении рамок культурной памяти и культурного ландшафта различных народов, социальных групп и слоев [Хальвбакс, 2025. С. 36–38; Ассман, 2004. С. 63]. Хорошим примером такого синтетического подхода может служить монография А. В. Исакова [2025].

Настоящее исследование опирается на методы устной истории, исторической фольклористики и исторической текстологии [Данилевский, 2024. С. 30], допускает принципиальную возможность исторических реконструкций с использованием фольклорного материала наряду с другими источниками и сосредоточено на извлечении информации об исторических реалиях с учетом стилистических и жанровых особенностей фольклора.

Военное дело в широком смысле играет системообразующую роль в культуре кочевников, что объясняет наличие большого количества упоминаний сражений и различного рода оружия в исторических преданиях алтайцев (*кеп-куучындар*, *озогы куучындар*). Целью исследования является изучение исторических преданий алтайцев на языке оригинала для выявления и корректной исторической интерпретации и, по возможности, датировки сведений о военном деле, фортификации и вооружении. Задачей исследования стал анализ фольклорных текстов с применением методов исторической текстологии с опорой на данные оружейноведения и археологии, представленные в работах Ю. С. Худякова, Л. А. Боброва, А. Ю. Борисенко, Ю. И. Ожередова, А. М. Пастухова. В качестве источника используется массив текстов алтайских исторических преданий и исторических песен из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», собраний Б. Я. Бедюрова, В. И. Вербицкого и Г. П. Потанина [Несказочная проза алтайцев, 2011; Озоги Түүжилер, 2011; Вербицкий, 1893; Потанин, 2005; Народные песни алтайцев, 2025]. Все эти тексты были записаны исследователями на территории Алтая в период с середины XIX по конец XX в. от коренных местных жителей на алтайском языке, как на северных, так и южных его диалектах. В решении использовать северо- и южноалтайские фольклорные тексты как образцы алтайской культурной памяти мы следуем за принципами, принятыми редколлегией серии «Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока» НИИ филологии СО РАН [Несказочная проза алтайцев, 2011]. Дополнительно используются песни, созданные поэтом-фронтовиком Янгой Тодошем Бедюровым [Бедюров, 2005] в XX в. на основе традиционных фольклорных клише и воспроизводящие классические формулы тюрко-монгольской воинской поэзии: присягу – *черт*, благословение – *алкыш*, проклятие – *каргыш* (подробнее об этом см.: [Королёва, 2016. С. 97–101]). Аналогичные песни можно найти в томе «Народные песни алтайцев», изданном НИИ филологии СО РАН [Народные песни алтайцев, 2025. С. 171, 174, 336–337, 384–385].

Большая часть опубликованных алтайских исторических преданий повествует об истории III Ойратской конфедерации (Джунгарского государства) XVII–XVIII вв. и описывают вооружение, фортификацию и сражения:

- джунгарского (ойратского) периода (1635–1745);
- ойратской гражданской войны, спровоцированной конфликтами из-за престолонаследия (1745–1755);

— Цинской интервенции (1754–1760-е годы).

Актуальность этого исторического периода для этнического самосознания алтайского народа связана с несколькими факторами. Во-первых, III Ойратская конфедерация стала последним автохтонным государственным образованием кочевников в истории Алтае-Саянской горной страны, после чего данная территория была поделена между двумя империями: Российской и Цинской [Моисеев, 1983. С. 90]. Во-вторых, этническая территория современных алтайцев определилась по итогам распада Джунгарского каганата, а этническая история во многом основана на консолидации и инкорпорации потомков тюрко- и монголоязычных ойратской, абинско-кумандинской, телеуто-теленгитской и саяно-теленгитской этнокультурных общностей ойратского периода в состав преимущественно тюркоязычного сообщества кочевников и охотников на территории, подконтрольной России [Шерстова, 2015. С. 145].

Н. Р. Ойноткинова и Е. Е. Ямаева относят исторические предания к фольклорному жанру сказочной прозы, который отражает «представления алтайцев об окружающем мире, природной и социальной деятельности» [Сказочная проза алтайцев, 2011. С. 19]. Произведения сказочной прозы не имеют канонической структуры повествования, их исполнение не ритуализировано, напротив, они пересказываются по случаю, в повседневном общении людьми разного возраста и социального статуса, как на алтайском, так и на русском языке. Согласно наблюдению К. В. Чистова, в сказочной прозе отсутствует «трансмиссия текстов», в основе данного жанра фольклора лежат «общие представления, а реальные тексты имеют как бы дочерний характер» [Чистов, 2003. С. 448–449]. Структура текста зависит от обстоятельств записи и от того, с какой целью ведется повествование [Абысова, Ойноткинова, 2024. С. 35].

В фокусе повествования исторических преданий находится не столько личность героя (или героев), сколько место действия и историческое значение описываемых событий для этноса. Произведения сказочной прозы описывают стиль жизни, социальные ритуалы, тип хозяйственной деятельности, одежду и предметы быта, характерные для ближайших предков современных алтайцев, обосновывая таким образом традиционный уклад. Исторические предания, как флаги на карте, фиксируют изменения границ этнической территории, а также причины таких изменений, отвечая на вопросы: «Кто мы? Откуда? Куда мы идем?»

Описание войн и сражений прошлого занимает важное место среди фольклорных сюжетов. В алтайской традиции запечатлены предметы вооружения и фортификации, в ряде случаев рассказчики поясняют место изготовления, конструктивные особенности, механизм действия. Исторические предания фиксируют слова и действия, которые сопровождают использование оружия. Будучи жанром народной литературы, предания содержат элементы художественного вымысла: так, например, в некоторых из них присутствуют собирательные образы исторических героев, архаические сюжеты и мотивы, необходимые для внесения оценочных суждений [Королёва, 2018; Королёва, 2024]. В отличие от других фольклорных жанров, например эпоса,

тексты исторических преданий не заключены в рамки типологического единообразного жанрово-композиционного построения [Неклюдов, 2015. С. 8], что дает определенные преимущества для исследователя. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Ранее алтайский эпос в качестве источника для изучения военного дела привлекал В. И. Соёнов. В своей публикации он следовал классической схеме описания вооружения (защитное и наступательное оружие, тактика боя), характерной для работ Ю. С. Худякова [Соёнов, 1994. С. 176–187]. Несомненным достоинством работы В. И. Соёнова является попытка систематизации и перевода терминов вооружения с опорой на методы оружейведения. В. И. Соёнов интерпретирует алтайские термины и, используя цитаты из эпоса, описывает такие предметы вооружения, как панцирь, нагрудник, шлем, лук, арбалет, ружье, стрелы с различными типами наконечников, сабли, ножи, секира, копье, булава, плетень. Далее он обращается к тактике боя и приводит характерную для эпоса последовательность: перестрелка, сабельный (или мечевой) и копейный бой, борьба без оружия. Проблема заключается в том, что сюжет эпоса строится на основе «канонизации содержания и поэтической системы» [Конунов, 2016. С. 104] и «эпической модели истории», когда «подлинные имена, реалии, топонимы накладываются на весьма устойчивые и гораздо более древние повествовательные структуры» [Неклюдов, 2015. С. 14–15]. В связи с этим отнесение эпического произведения к определенному историческому периоду условно и затруднено длительной историей его бытования в рамках живой, развивающейся традиции [Суразаков, 1985. С. 20]. Типологическое единообразие сюжета не позволяет датировать события эпоса с опорой на тип используемого вооружения несмотря на то, что часть эпических героев может иметь исторические прообразы. Эпические герои обитают вне времени в контексте традиции, превращаясь в носителей идеалов и ценностей своего народа. Невозможно реконструировать тактику боя на основе эпоса, поскольку «эпическая битва» подчинена клише. Основная цель описания боя в эпосе — демонстрация силы героя, поэтому фазы боя с применением разного оружия идут последовательно и завершаются рукопашным поединком с антагонистом. Согласно наблюдениям В. Я. Проппа, в силу «хронологической несовместимости» эпос избегает описания параллельных событий, в фокусе внимания всегда оказывается один действующий герой, поэтому в эпосе отсутствуют достоверные описания массовых сражений [Пропп, 1975. С. 92–94]. Описание оружия в эпосе следует каноническим образцам, нередко архаичным и гиперболизированным. Именно стилизация объясняет сохранение в алтайском эпосе медных наконечников стрел *jes* и медного панциря *күлер куяк* [Соёнов, 1994. С. 177, 179].

В отличие от эпоса в исторических преданиях отсутствует типологически единообразная структура повествования при наличии устойчивости сюжетов, которые фиксируются многократно, в различных вариантах, в исполнении разных рассказчиков. В преданиях есть точная географическая и нередко хронологическая привязка событий. Именно поэтому исторические предания при сопоставлении и взаимной верификации с письменными

и археологическими источниками дают ценный материал для исторических реконструкций. Полнота и сохранность алтайской традиции позволяет в отдельных случаях говорить о наличии различных линий передачи одного и того же сюжета [Королёва, 2024]. Исторические предания отражают актуальные для современных алтайцев представления об истории этноса в ареале его расселения.

В перспективе исторической интерпретации военных сюжетов алтайского фольклора представляется важным определить смысловое содержание концепта «война» и сопутствующих понятий, а также корректно интерпретировать алтайские термины вооружения. Понимание фольклорных текстов невозможно без систематизации и перевода алтайских военных терминов с привлечением данных из области археологии и оружейноведения, а также письменных исторических источников.

Рассмотрим детально сюжеты, мотивы и термины, связанные с войной и воинским искусством, присутствующие в алтайских исторических преданиях. Начнем со связанных семантически понятий: воин, война, ранение, смерть, плен, оккупация.

В. И. Соёнов совершенно точно характеризует войну как «неотъемлемую часть жизни» кочевника [Соёнов, 1994. С. 181]. Хозяйственный уклад кочевников требует большей площади земельных ресурсов в сравнении с земледельческим для обеспечения продовольствием равного количества людей, не является в полной мере экономически самодостаточным и зависим от торговых путей, позволяет заселять засушливые или гористые районы, где интенсивное земледелие невозможно. Это приводит к таким социальным явлениям, как мобильность, постоянные военные столкновения с целью охраны границ и угона скота соседей (*баранты*), тотальная мобилизация, где статус мужчины автоматически равняется статусу воина. Алтайские предания фиксируют эти особенности в пословице: *мөр болсо — өдөрис, мөр болбосо — өлөрис* (удача есть — будем с пастбищами, удачи нет — умрем) [Озогы Түўкилер, 2011. С. 165]. Судьба *баатыра* — участие в войне *жууда, жуу чакта*, для этого он и рождается на свет, как, например, герой *Көрөгөш* [Озогы Түўкилер, 2011. С. 288].

Эпитеты воина — это *курч улус* ‘острый народ’, *эрлер* ‘мужчины’, *алып-эрлер* ‘герои-мужчины’, *калпту кўлук* ‘смертоносный удалец’, *солоон-кезер черү* ‘подобный меткому Гэсэру солдат’ [Озогы Түўкилер, 2011. С. 160–161]. Имя собственное древнего эпического героя Гэсэра [Сун Гуйцзюань, 2010. С. 83] стало одним из эпитетов воина и богатыря в тюрко-монгольских языках (первая буква имени оглушается согласно алтайской фонетике), породив двойные величания наподобие *кезер-баатыр* ‘герой-богатырь’ [Озогы Түўкилер, 2011. С. 286]. Герой становится *черү* ‘солдатом’ после принятия *черт* ‘присяги’ [Озогы Түўкилер, 2011. С. 180], призыв (мобилизацию) обозначает глагол *черүлен-*. Традиционная формула присяги *черт* (рус. *шерть*) присутствует в творчестве поэта-фронтовика Янги Тодоша, в частности клятва на оружии: *ай оосту мылтык* ‘ружье с лунным дулом’ и *алмас миистү үлдү* ‘сабле с алмазным лезвием’ [Бедюров, 2005. С. 4; Королёва, 2016. С. 98–99]. Различные варианты формулы *шерти* у сибирских народов приведены в статье А. Ю. Конева

[Конев, 2006. С. 173–175]. Алтайская традиция различает ‘воина под присягой’ *черика*, который сражается во имя интересов государства, и ‘удальца’ *күлүка*, а также ‘богатыря’ *баатыра*, который сражается ради славы (в том числе спортивной), и ‘героя’ *алыпа*, который преследует интересы своей семьи, рода. Термин *түмен черү* ‘тыма (тысяча) воинов’ [Озогы Түўкилер, 2011. С. 171] отсылает к чингизидской системе комплектования армии, унаследованной и модифицированной III Джунгарской конфедерацией в результате реформ конца XVII – первой половины XVIII в. [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010. С. 188; Бобров, 2024. С. 462–464]. История этого государства от создания до распада запечатлена в алтайских исторических преданиях.

Богатырская статья, согласно традиции, наследуется по мужской линии, отсюда выражения: *баатыр бүдүмдү*, *иркит сөөктү* ‘богатырской стати’, ‘иркитского рода’ [Озогы Түўкилер, 2011. С. 281]. При этом «настоящий герой» рождается ранней весной в благое время [Озогы Түўкилер, 2011. С. 287], что означает канун полнолуния в фазе растущей луны *сын ару ай* ‘чистая луна’. Зрелый *баатыр* могуч и силен: *тар эшиктенг батпас, тай ат көдүрбес* – ‘в узкую дверь не войдет, конь трехлетка не снесет’ [Озогы Түўкилер, 2011. С. 199]. Традиционное этническое самоопределение алтайцев в преданиях: *кара башту, кайыш курлу* ‘черноголовые, с кожаными поясами’ [Озогы Түўкилер, 2011. С. 180; Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 336]. Фразеологизм получает объяснение, если вспомнить о двух кожаных поясах, на которых воины-кочевники носили саадачный набор¹ и холодное оружие [Бобров, Худяков, 2008. С. 75]. Эпитет «черноголовые» имеет параллели в ранних тибетских текстах VII–IX вв., где обозначает простых людей (не аристократов) в составе идентичного алтайскому выражения [Lewis Doney, 2024. P. 195]. Такое совпадение не единично и не случайно и свидетельствует о длительной истории кросс-культурного взаимодействия народов Тибета и Алтая [подробнее об этом см.: Королёва, 2025. С. 56–59].

По-алтайски *жуу* ‘война’, ‘бой, сражение’ [Алтайско-русский словарь, 2018. С. 213]. Исходный термин *жуу*, скорее всего, следует переводить как ‘сеча, рубка’, потому что есть однокоренной термин *жуу* ‘нутряное сало’, глагол *жууда* ‘сближаться’. В преданиях встречается определение *Улу жуу* ‘Великая война’ [Озогы Түўкилер, 2011. С. 209]. В современном алтайском языке существуют такие понятия, как *Төрөл жуу* ‘Отечественная война’, а также *кейдеги жуу* ‘воздушный бой’. ‘Сражаться вместе’ – *жуулаш* [Озогы Түўкилер, 2011. С. 172]. Сопутствующий термин *туттыр* ‘принуждать силой’, ‘схватить’, ‘быть пойманным’ [Озогы Түўкилер, 2011. С. 166; Алтайско-русский словарь, 2018. С. 712]. Воевать – значит *олтүр* ‘убивать’ или *олтүрил* ‘быть убитым’ [Озогы Түўкилер, 2011. С. 209]. Смерть в бою – это честь и для воина, и для его коня: *эр јакшызы јен јастанып јыгылган, ат јакшызы јал јастанып јыгылган* ‘мужья добрые, рукава подложив, пали, конья добрые, гривы подложив, пали’ [Озогы Түўкилер, 2011. С. 138; Народные песни алтайцев, 2025. С. 164]. Смерть наступает, когда рвется *кылданг чичке кызыл тын* ‘подобная волосу красная нить души’ [Озогы Түўкилер, 2011. С. 165; Бедюров, 2005. С. 53].

¹ Лук в налучье и колчан со стрелами.

Войну неизбежно сопровождают *шыра* ‘страдания’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 288] от последствий *уур шыркалаган* ‘тяжких ранений’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 210]. Но гораздо худшим бедствием, чем ранения и смерть, традиция считает *олжо* ‘плен’. Любопытно, что *олжочы* ‘оккупант’, а значит *олжолу чакта корогон* ‘тибель в век пленений’, возможны в случае захвата отеческой территории [Озогы Түүкилер, 2011. С. 207; Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 348; Народные песни алтайцев, 2025. С. 128, 174]. Место, куда угоняют пленников — *айланбастын жерине* ‘невозвратная земля’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 143]. Подобные выражения отсылают к практике насильственного переселения побежденных, характерной для государств кочевников Центральной Азии и унаследованной Цинским Китаем. Судьбы пленников-переселенцев различалась: они могли заселить пустующие кочевья сюзерена и стать *албаты* ‘подданными’, могли быть привлечены к трудовым повинностям внутри специализированных поселений или рекрутированы в армию захватчиков, стать личной гвардией его ханов и биев. Угон в плен алтайского юноши казаками с целью получить рекрута «теленгита» и побег из плена с помощью волшебного коня *аргымака*² описан в одноименном предании [Озогы Түүкилер, 2011. С. 154–157], а сама практика формирования таких подразделений — в монографии Л. А. Боброва и Ю. С. Худякова [Бобров, Худяков, 2008. С. 140]. Складывается впечатление, что традиционная форма проклятия, которую использует антагонист Эр-Чадак³ применительно к алтайским зайсанам, основана на идее «невозвратной земли». Он произносит: «Алды ары болзын, арказы бери болзын; Алтайына омор ойто качан да бурылбазын», что значит: ‘грудью назад повернетесь, спиной вперед повернетесь, на Алтай вы обратно не вернетесь’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 152; Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 346]. Алтайская традиция описывает жертвоприношения пленников захватчиками, как, например, в преданиях «Сөөктү Тайга» («Гора костей») и «Карагайла Чаптаганнынг жуулашканы» («Карагай и Чаптаган сражаются») [Озогы Түүкилер, 2011. С. 145–151; Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 240]. Таким образом, самое страшное следствие войны — это необходимость оставить землю происхождения, родину — *чыккан-өскөн жер* ‘землю, где рожден-взращен’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 207]. Оставленная земля пустеет, *коозолу журтын коскорткон* ‘замшелые юрты разрушаются’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 160], *барга (өлөн) бажы јум калар, баскан (өскөн) Алтай шын (ээн) калар* ‘вершки трав (зелени) стоят нетронуты, Алтай — безмолвный (осиротелый)’ [Бедуров, 2005. С. 21].

² *Аргымак* — конь, обладающий волшебными свойствами, например, способностью при необходимости распускать крылья и парить над горами, широко известный образ в тюрко-монгольской мифологии. При этом сам термин *аргымак* (*аргамак*), возможно, восходит к др. тюркскому глаголу *аргы/арга* — ‘резво бежать’ и др. уйгурскому *агы/аргы* — ‘лошадь’, в современном алтайском языке есть однокоренные существительное *арга* — ‘возможность, шанс’ и глагол *аргада* — ‘спасать’ [Алтайско-русский словарь, 2018. С. 80].

³ Эр-Чадак — зайсан алтайских урянхайцев, перешедший на службу Цинскому Китаю вслед за Амыр-Саной в 1754 г. [Пастухов, 2025. С. 211].

Рассмотрим предметы вооружения из алтайских исторических преданий, следуя схеме, представленной в работах Ю. С. Худякова и его учеников.

Оружие дистанционного боя

Лук неоднократно упоминается в алтайских исторических преданиях, наиболее популярная форма: *јети текпелү јаа* или *јети текпелү саадак* ‘с семью (роговыми) накладками лук’, способный достреливать с одной горы до другой. В предании о князе Ярынаке присутствует гипербола *јүс текпелү јаа* ‘лук с сотней вкладышей’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 133; Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 338, 376]. *Саадак* — это лук *јаа* в налуче и с колчаном стрел, то есть в полной экипировке. Существуют разночтения при переводе термина *текпе*: встречаются варианты ‘вкладыш’, ‘накладка’, ‘подставка’ или даже ‘зарубка’. В данном случае с учетом количества элементов *текпе* следует переводить как ‘накладка’. В иных случаях уместен перевод ‘вкладыш’, как в приведенном ниже примере: «На обоих концах лука были роговые клиновидные вкладыши с арочными вырезами для укрепления петель тетивы. Эти вкладыши вставлялись в специальные пазы, или раздвоенные вырезы на концах кибити и приклеивались к деревянной основе» [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010. С. 72]. Описание археологов коррелирует с историческими преданиями: «*Саадакла јуулашкан, аннын мүүзинен экен јети текпелү болгон*» — ‘с луком воевали, из маральего рога вырезанные семь вкладышей были’, — рассказывает Шонтой Кокпоев [Озогы Түүкилер, 2011. С. 133; Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 338]. Встречается вариант *темир јаа* ‘железный лук’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 251]. Известны традиции и *табыжы јок ок-јаа* ‘бесшумный лук’ [Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 320]. Добавочный термин *ок*⁴ (стрела) не случаен и обозначает тип лука, предназначенный для определенного типа стрел. Встречается вариант *ок-саадак* [Озогы Түүкилер, 2011. С. 146], а также *кастак-јаа*, лук с другим типом стрел *кастак* или *кастак-огы* ‘кастиковые стрелы’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 251]. Упоминается еще один тип стрел — *үч канатту соон* ‘трехкрылая стрела’, что может означать стрелу с наконечником, трехгранным в сечении [Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 236]. Наконечник стрелы — *јебе* [Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 376]. Полочка у лука, затвор у ружья называются одинаково — *чактырма*, натягивать лук — *тарт*, *тартын* [Алтайско-русский словарь, 2018. С. 787; Озогы Түүкилер, 2011. С. 251].

В предании о князе Ярынаке (Иренеке), записанном от С. Д. Куюкова, упоминается стрелковое состязание, которое затевают сары-сойоны (предки тувинцев) с целью оспорить право на земли на южном берегу Телецкого озера, занятые семьей героя. Датировать это состязание можно условно, с учетом описываемых обстоятельств и расположения спорной территории, периодом от распада Джунгарского государства в 1754 г. до вхождения алтайцев в русское подданство в 1765 г. Вызов на поединок звучит так: «*Јарынак алып үйде бе,*

⁴ Алтайский термин *ок* обозначает ‘заряд’, ‘то, чем стреляют’, применительно к луку это будет стрела, применительно к ружью — пуля, применительно к пушке — ядро [Алтайско-русский словарь, 2018. С. 499].

жаа-саадагы белен бе? Кайракан⁵ алып үйде бе, кастак-жаазы белен бе?» [Озогы Түүкилер, 2011. С. 250], что значит ‘Ярынак-герой дома ли, лук в колчане готов ли? Кайракан-герой дома ли, лук со стрелами кастак готов ли?’ Отзыв невестки героя звучит так: «*Кайракан үйде, кастак огы белен! Жарынак үйде, жаалу саадагы белен!*» [Озогы Түүкилер, 2011. С. 250–251], что значит ‘праотец дома, кастаковые стрелы готовы. Ярынак дома, с луком налуч и колчан готовы’. В ходе состязания Ярынак пробивает семь попон на лошади, стреляя через озеро, и тем самым побеждает. Перед решающим выстрелом он заговаривает свою одушевленную смертоносную стрелу *тынду-јада кастак* ‘душу отсекающую стрелу’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 251; Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 376]. Подвиг старика Ярынака удивителен, поскольку традиционный эпитет для стрелка — это смелый юноша *мерген солоон уул* [Озогы Түүкилер, 2011. С. 172], ведь для стрельбы из лука требуются физическая сила и выносливость.

Огнестрельное оружие применяется героями алтайских исторических преданий наряду с луками. Ружья используют персонажи, прототипы которых жили в XVII–XVIII вв.: сыновья Ойрот-Каана (правителя Джунгарии), противники в борьбе за престол Амыр-Санаа и Дабачы, казахский бий Кочкорбай, герои периода Цинской интервенции сыновья Солтона, Бюдюки, Эскинчек, Эрельдей и другие, что является следствием ойратской политики перевооружения Джунгарии [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010. С. 172–175]. Ружье именуется *көндөй мылтык* ‘дуплистое ружье’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 223; Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 352] или *ай оосту мылтык* ‘ружье с лунным дулом’ [Бедюров, 2005. С. 4], соответственно «мушкетер» — это *көндөй мылтыкту алып* ‘с дуплистым ружьем герой’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 159]. Ложе у ружья — *кындак* [Озогы Түүкилер, 2011. С. 184], приклад — *кыр* (крыло), встречаются богато украшенные (инкрустированные, резные) ложа — *сүрлү-чүмдү кындак* ‘красивое-нарядное ложе’ и ружья с тонкими прикладами — *чичке кырлу мылтыкты* ‘подобно волосу крылатые ружья’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 184, 190], такое ложе для ружья из красного рога марала изготавливает герой Боор в качестве подарка будущему тестю. Пуля — *ок*, заряжать дуплистые ружья порохом и пулями — *көндөй мылтык-тарып октойло* ‘дуплистое ружье порохом заряжать’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 165]. Иногда ружье героев преданий бывает *такаа куштын јумуртказындый темир окту* ‘с железной пулей с яйце курицы-птицы’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 223], что может характеризовать крупнокалиберные фитильные ружья местного производства [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010. С. 177]. Предания косвенно подтверждают данные о том, что организованное джунгарами оружейное производство не прекращалось на территории Алтая в период гражданской войны и интервенции в конце XVIII в., поскольку персонажам ружей хватает даже для вооружения женщин [Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 362]. В. И. Соёнов со ссылкой на С. С. Суразакова приводит случаи упоминания оружия *саадак мылтыгым* ‘саадачный набор с мультуком’,

⁵ *Кайракан* — алт. праотец, значимый предок, обладающий особыми талантами, которые наследуются потомками по мужской линии, отсюда *кайраканду каан* — государь, имеющий право на власть по рождению.

в которое можно зарядить *кастак огын* в эпосе «*Кёзүйке ла Байан*», записанном от Н. У. Улагашева. С точки зрения С. С. Суразакова речь идет об арбалете [Соёнов, 1994. С. 179]. В преданиях такое словосочетание не встречается, отметим, однако, что у данного фрагмента может быть и другая интерпретация. Термин *кастак* в данном случае несет функцию определения, а значит, подразумевается пуля (или стрела) *ок*, которая обладает признаками *кастак*, что может быть, например, способностью пробивать доспехи. Собственно ружье традиционно транспортировалось на перевязи, иногда в чехле для защиты от влаги, весь набор может быть назван *саадак*.

Алтайские предания упоминают не только *куй-таш тарылык* ‘пещерный каменный порох’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 132] или *көк тары* ‘сизый порох’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 166], но и способы, и предполагаемое место его изготовления. Так, бий Чаган-Нараттан во время битвы с Амыр-Саной трусливо скрывается в пещере на горе Тарлык (Пороховой, современное название Сарлык, Шебалинский район Республики Алтай). «Стены этой пещеры как бы потеют: эта отпоть селитряного свойства, она застывает и осыпается, цвет ее темно-серый. Говорят, что калмыки из этой осыпи, сделав порошок, варили его в воде с серой и углем и получали из этой смеси порох, прибавляя медвежью и сурковую желчь», — сообщает В. И. Вербицкий [Вербицкий, 2017. С. 122–123]. Скорее всего, таким образом добывали натриевый калий. Проблема заключается в том, что в окрестностях современного Сарлыка нет известковых отложений, подножие горы лесистое, влажное, а в таких условиях отложения селитры не формируются. Идеальным местом для такой пещеры является Талды-Дюргунское месторождение в 5 км от с. Чаган-Узун, где много известковых отложений, сухой климат, а пласты бурого угля содержат вкрапления серы [Светлова, 1998. С. 66]. Если сырье для пороха добывали в одной из пещер в районе Чаган-Узуна, то его даже не приходилось смешивать для варки, можно было брать готовый субстрат. Что касается желчи, то этот элемент относится к области магических практик, упоминается в разных преданиях и призван увеличить меткость и бронебойность выстрела ружья или лука [Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 356; Озогы Түүкилер, 2011. С. 168]. Уроженец Верхнего Уймона Прокопий Огнёв, допрошенный в рамках следственного дела о побеге в Беловодье в 1827–1828 гг., сообщал, что беглецы рассчитывали на приобретение пороха у «азиатских орд», которые его «сами выделяют» [Чистов, 2003. С. 446]. Таким образом, имеются свидетельства в пользу того, что автохтонное производство пороха сохранялось на Алтае вплоть до первой половины XIX в.

В выражении *байа камылдылу мылтыкак* — ‘огнестрельные с пороховыми рожками ружья’, — которым рассказчик С. С. Казагачев обозначил наличие огнестрельного оружия у героев [Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 362–363], присутствуют термины *камылды* — рожок для пороха и *байа*, восходящий к «монгольскому названию огнестрельного оружия *буу* (*buu*), который цинские составители „Сиюй тучжи“ передали как *бао*» [Бобров, Пастухов, 2021. С. 786]. Возможно, при записи предания произошла опечатка, оттого *буу* превратился в наречие *байа* (недавно) или же сам рассказчик произвольно интерпретировал архаизм.

Оружие ближнего боя

Холодное оружие в алтайских преданиях представлено *ўлдү* ‘саблей’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 180]. В тексте «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи», созданном маньчжурскими военными в качестве отчета об изучении Джунгарии в период с 1755 по 1782 г., «монгольский термин *илэду* (*илд*) уверенно соотносится с однолезвийными *дао* (*刀*)», который в китайской традиции обозначает однолезвийное длинноклинковое холодное оружие [Бобров, Пастухов, 2021. С. 775]. Исследование, предпринятое по указу императора Цяньлуна, в алтайской традиции *Эдьен-Каана*, относится к периоду Цинской интервенции, который подробно описан в фольклоре. Таким образом, логично учитывать этот источник при интерпретации терминов вооружения в преданиях, запечатлевших события позднее джунгарского периода (джунгарской гражданской войны, Цинской интервенции), и не переводить термин *ўлдү* как ‘меч’, что происходит довольно часто. *Кара (узун) кынду ўлдү* – это ‘слабоизогнутая сабля с гардой в виде перекрестья’, что отличало ее от подобных цинских сабель с дисковидной гардой, оснащенная черными (длинными) ножами. Саблей можно, ‘сурово смотря, резать’ – *кату көрүп кезелик* или, ‘навстречу надавливая, резать’ – *удура базып кезелик* [Бедюров, 2005. С. 7].

В. И. Соёнов переводит *ўлдү* как ‘сабля’, *кылыш* как ‘меч’, а словосочетание *кылыш ўлдү* – как ‘палаш’ [Соёнов, 1994. С. 180]. При этом автор не приводит примеров употребления последнего словосочетания из эпоса. Современный словарь приводит варианты перевода «меч, сабля, кинжал» равно для *ўлдү* и *кылыш* [Алтайско-русский словарь, 2018. С. 439, 761]. Поскольку в преданиях термин *кылыш* встречается в единичных случаях, без развернутых описаний внешнего вида оружия, то для корректной интерпретации недостаточно лексического материала. Можно лишь констатировать, что *кылыш*, как и *ўлдү*, – это, без сомнения, клинковое оружие. Парная метафора, описывающая поясной набор мужчины – *кылыш ўлдү курчанып* ‘с кинжалом и саблей подпоясан’ и поясной набор женщины – *кыгырык кайчы корчанып* ‘со скребком ножницами подпоясана’, скорее говорит о том, что *кылыш* и *ўлдү* – это два разных вида оружия [Озогы Түүкилер, 2011. С. 3]. Не стоит удивляться и тому, что в турецком издании книги Э. Челеби в качестве османского эквивалента термина «*üldi*» указано «*kılıç*» [Бобров, Пастухов, 2021. С. 776], в современном турецком языке *kılıç* – это любое длинноклинковое холодное оружие от средневекового европейского двуручного меча до османской сабли. *Кылыш* упоминается в алтайской военной песне в составе красивой парной метафоры: *йыда бажы йыш кеберлү, кылыш бажы тош кеберлү* ‘копий верхушки, подобные лесу, мечей острия, подобные льду’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 138]. Такая картина формируется в контексте космологической «последней войны» *калапту жууга* против «черных» *каралар*, что вполне может быть описанием одной из битв периода Цинской интервенции с использованием буддийской символики. Помимо острия (навершия) *бажы*, у сабель и копий есть рукоятки – *сабы* [Озогы Түүкилер, 2011. С. 190].

Копье *йыда* неоднократно встречается в алтайских исторических преданиях и песнях, а также в пословицах, например: *йыда была жүрекке сайыжат, ўлдү биле мойынына йыжыжат* ‘копьями сердца колют, саблями шеи рубят’

[Ойротско-русский словарь, 2005. С. 60]. «Составители „Сиюй тучжи“ сумели достаточно точно передать название ойратского колющего длиннодревкового оружия — „цзида“, а также привели размеры ойратских копий и пик: „длинные“ (около 3,8–4,1 м) и „короткие“ (от 3,2 м)» [Бобров, Пастухов, 2021. С. 776–777]. Детальное описание *йыда* получил Г. Н. Потанин от дёрбёта (ойрата) Сарисына в г. Улангом в составе сказания Ирин-Сайн (Ирин-Шайн), зафиксированного в трех вариантах (двух монгольских и одном алтайском):

«Под копейцем красной стосаженной пики был привязан ремень *кудур* (из кожи кабарги), на котором богатырь носил пику. Копейцо было из стали *шургу*, обруч на пике из стали *шурук*; из черной стали *хаджи*, то есть, два ножа под копейцом (чтобы неприятель не мог ухватиться рукой за пику). Пика была воткнута с правой стороны юрты за ее пояс; от пики до небес свет горел, вниз по земле было сияние» [Потанин, 2005. С. 434].

В алтайском эпосе секира *ай-малта* — это оружие антагонистов [Соёнов, 1994. С. 180]. В историческом предании, записанном от А. Чарас-Суйманаковой, топор *керки-малта* — это оружие людей из рода кергил Жес-Буки и его отца Ак-Кама, переселившихся в Кан-Ябоган из черневой тайги Аба-Жыш [Озогы Түүкилер, 2011. С. 218]. Предание повествует об инкорпорации переселенцев в состав алтайской этнической общности. Таким образом, в данном случае топор — это оружие чужое. В исторической песне о баатыре Канза присутствует парная метафора: *төбөлү малта курч эмтир, аймалта мизы курч эмтир* ‘бьющий по темени топор острый оказывается, топора лезвие острое оказывается’, однако в контексте песни применяется он как строительный инструмент, а не боевое оружие [Вербицкий, 2017. С. 170]. Иноэтничное происхождение боевого топора в алтайском фольклоре коррелирует с данными «Сиюй тучжи», где полусекира «аипалэту» (алт. ай-малта) упомянута как предмет вооружения «мусульманских племен» Восточного Туркестана и сопредельных территорий [Бобров, Пастухов, 2021. С. 791].

Защитное вооружение

Нательный доспех представлен в преданиях вариациями терминов: *көө куяк тон*, *көө тон*, *көө куяк* или просто *куяк* [Озогы Түүкилер, 2011. С. 140, 152; Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 356, 362, 366]. Рассказчики устойчиво переводят эти термины как ‘кольчуга’ или ‘кольчужная шуба’. В. И. Соёнов считает этот перевод не верным и утверждает, что эпический *куяк* — «это не кольчуга, а панцирь из спрессованной особенным способом кожи» [Соёнов, 1994. С. 177], подразумевая бригадину — «конструкцию защитного покрытия, при которой панцирные пластины крепятся к плотной органической (как правило, многослойной) основе с внутренней стороны» [Бобров, Ожередов, 2021. С. 207–208]. А вот мнение составителей «Сиюй тучжи» скорее поддерживает народную версию: «Хуякэ (呼雅克). Это кольчуга (кит. соцзыцзя 鎖子甲)». Созвучный термин *küü-e’kyo* встречается в тексте законодательного памятника XVIII в. «Халха Джирум» и обозначает кольчугу [Бобров, Пастухов, 2021. С. 785]. Именно в *көө куяк* одет Хар-баатар Аюша, чей конный портрет приведен в качестве иллюстрации [Бобров, Пастухов, 2021. С. 779]. Откуда же тогда

в определении доспеха появляется термин *тон* ‘шуба’? Ответ на этот вопрос кроется в способе ношения доспеха. Кольчугу *кёо куяк* одевали поверх стеганого панциря *олбок*, «который обозначался как *olboγ quyaγ*» в тексте «Сиюй тучжи» [Бобров, Пастухов, 2021. С. 785]. Реконструкция такого комплексного доспеха представлена в статье Л. А. Боброва и Ю. А. Филипповича [Бобров, Филиппович, 2012. С. 170]. Так, «шелковая вата», которая использовалась в качестве набивки при создании джунгарских стеганых доспехов *элэпакэ* (монг. *олбог*), с точки зрения составителей «Сиюй тучжи» [Бобров, Пастухов, 2021. С. 792], — это не что иное, как шерсть или козий пух. Таким образом, *кёо куяк тон* — это кольчуга, надетая поверх плотного, стеганого халата *олбок* или, в зависимости от ситуации, под него, отсюда и появляется «шуба» в аутентичном переводе. Учитывая широкое распространение кольчужных доспехов местного производства в джунгарской армии XVII–XVIII вв. [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010. С. 167, 169, 171], следует признать народную интерпретацию термина *кёо куяк* в алтайских исторических преданиях достоверной.

«Непробиваемый доспех» как особая привилегия знатного воина — пространенный мотив алтайских преданий и присутствует в описании стрелковых дуэлей с применением огнестрельного оружия неназванного русского казака и телеута Мылтык-ашха [Вербицкий, 2017. С. 121–122], героев времен джунгарской гражданской войны Түүкея и Ёскүс-Уула в междуречье Адаткана и Шииберти близ крепости Шибее под горой Кызыл-Таш [Озогы Түүкилер, 2011. С. 134, 135], алтайского баатыра Бюдюки и казахского бия Кочкорбая [Озогы Түүкилер, 2011. С. 141–142], ламы Боора и предводителя Цинской армии Эр-Чадака с участием Ак-Билека [Озогы Түүкилер, 2011. С. 174–175]. Пробить доспех *кёо тон* можно только с малого расстояния [Озогы Түүкилер, 2011. С. 174–175], когда приподнялся подол [Озогы Түүкилер, 2011. С. 146]. Нужно ухитриться попасть в передний вырез куяка, обычно закрытый лукой седла [Озогы Түүкилер, 2011. С. 133–134, 136, 141–142], стрелять в голову [Вербицкий, 2017. С. 121–122] или кисти рук, незащищенные доспехом [Озогы Түүкилер, 2011. С. 153]. Л. А. Бобров и Ю. С. Худяков полагают, что легенду о «непробиваемом доспехе» создали и поддерживали русские казаки, внушая соседним народам веру в силу русского оружия [Бобров, Худяков, 2008. С. 336]. В контексте алтайских преданий русское происхождение «непробиваемого доспеха» неочевидно, есть пример, когда рассказчик уточняет, что это дар Цинского императора [Озогы Түүкилер, 2011. С. 174]. С нашей точки зрения, данный фольклорный мотив носит интернациональный центральноазиатский характер и связан с периодом перехода к массовому использованию огнестрельного оружия. Людям потребовалось время, чтобы признать, что никакой доспех не является достаточной защитой от огневого поражения, при этом несовершенство оружия, обстоятельства выстрела или особенности экипировки иногда давали шанс на выживание после ранения, что, как мы знаем, происходит и сейчас, так сложился образ «непробиваемого доспеха» как элитарного признака. Отсюда алтайская метафора безоружности: *кызыл жылангаш чыгып келди* ‘красными-голыми вышли’ [Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 352], подразумевающая не только отсутствие наступательного оружия, но и каких-либо средств защиты.

Экипировка коня редко описывается в преданиях подробно, нет сведений о конских доспехах. Тем не менее представить алтайского воина без коня (ат) невозможно. Богатырский конь рождается вместе с героем и представляется его неотъемлемой частью, согласно фольклорной традиции качества коня тождественны качествам его наездника [Озогы Түүкилер, 2011. С. 283, 288]. *Јүс јаш јажан, јүгүрүк ат минзен* — ‘сто лет бы жить, на скакуне бы ездить’ [Ойротско-русский словарь, 2005. С. 59].

В контексте традиционного восприятия становятся понятны необычайно суровые наказания в джунгарском законе (*јан*), установленные за кражу оседланного коня или элементов его упряжи, что приравнивается к покушению на жизнь хозяина. Смягчение наказания по такому преступлению со стороны зайсана тёлёсов Кааки воспринимается рассказчиками как необычайная милость [Озогы Түүкилер, 2011. С. 204]. Инициация героя происходит в процессе объездки коня-трехлетки (*тай ат*), никогда не носившего узды — *нокто сукпаган су-эмдик* ‘недоуздок не знавшего, никогда необъезженного’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 143]. В преданиях нередко встречаются пословицы, подчеркивающие этот нерасторжимый союз. *Айгыры јок мал калды, айдаар керек, кааны јок јон калды, алар керек* — ‘без жеребца табун остался, без хана народ остался, собрать нужно’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 159]; *ат карыза — согумтык, эр карыза — өлүмтик* — ‘конь стареет — убивают, муж стареет — умирает’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 161].

Из свидетельств современников известно, что в XVII в. джунгарская армия, в составе которой воевали предки алтайцев, начинала атаку с массированного обстрела противника в пешем строю, после чего в бой вступала конница, но уже в XVIII в., по мере наращивания собственного ружейного производства, научилась использовать огнестрельное оружие в конном строю [Бобров, Худяков, 2008. С. 578, 597]. Движение в плотном конном строю тренировалось, в частности, в ходе командной конной игры *көк-бөрү*. При этом отдельные элементы конской амуниции, как, например, *күлер үзен* ‘медные стремена’, могли использоваться как орудие убийства [Озогы Туукилер, 2011. С. 170]. Разумеется, помимо кавалерийской атаки были известны и методы обороны от конницы. В предании Аргымак описано применение типичных орудий скотоводов для спешивания всадника *темир тегек, урук, чалма* ‘железные крюки, шесты с петлей, арканы’ [Озогы Туукилер, 2011. С. 157]. В поэзии Янги Тодоша наряду с архаичным мотивом отравления на пиру присутствует упоминание выкопанного земляного рва-ловушки для всадника — *колоско казып*, прикрытого корнями, валежником [Бедюров, 2005. С. 83].

Оборонительные сооружения

В алтайских исторических преданиях описаны крепости *шибее*, а также ловушки *тибү* и *ябак*. Термин *шибее* восходит к глаголу ‘укрепляться’ — *шибеелен/шибеелей* [Озогы Түүкилер, 2011. С. 172]. Для строительства укреплений, как правило, выбирали естественные возвышенности, останцы, *боомы* ‘прижимы’, ущелья, позволяющие не только укрыться от нападения, но и контролировать проходы, как, например, *Чуй-Бажында Төжу Тайга шибее* на вершине

горы *Јала Мөңкү Дай-Дере*, где состоялась дуэль братьев Боора и Ак-Билека с Эр-Чадаком [Озогы Түүкилер, 2011. С. 243; Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 356]. Вот как описывает начало Цинской интервенции 1750-х годов Айлдаш Анатов и Кюйлюк Майчиков в предании «Сыновья Солтона»: *Алтайдын аалга-туйук јерлине ышыктанып-шибееленип* — ‘на Алтае в укромных-глухих местах укрывались-укреплялись’ [Озогы Түүкилер, 2011. С. 160]. При этом буддийский монастырь, расположенный на открытой местности в Чуйской степи, также именуется крепостью — *Көк-өргө шибее* [Озогы Түүкилер, 2011. С. 275]. Это сооружение дало название современному селу Кокоря. Согласно археологическим данным, *шибее* близ с. Кокоря соответствовало следующему описанию: «В архитектурном плане джунгарские „шибэ“ обычно представляли собой квадрат или прямоугольник. Стены (высотой до двух и более метров) клались из обтесанных камней или сырцового кирпича. Иногда насыпались высокие земляные валы, обнесенные рвом. Углы крепости могли снабжаться небольшими башнями. Внутренняя площадь „шибэ“ обычно не застраивалась» [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010. С. 201].

Разницу между *шибее* и *тибү* раскрывает предание о родоначальнике рода (сөөк) *ак-кёбёк* Ярынаке, записанное от Бориса Теменова. Для строительства *шибее* люди Ярынака собирают камни, складывают каменные башни размером с копну, между ними каменный вал (стена) на 40 шагов, вход в крепость делают с тыловой стороны. Вполне возможно, что эта крепость упоминается в русских источниках как расположенная «за Телецким озером на Усть-Чулышману» [Моисеев, 1983. С. 76]. Для ловушки *тибү* на вершине г. Уйттю-Кайя укрепляют веревками поперечное бревно-катыш, сверху насыпают крупные камни, когда враг приближается, веревки перерубают, провоцируя искусственный обвал [Озогы Түүкилер, 2011. С. 243]. Аналогичное *тибү* с ремennыми креплениями описано в предании «Бегство Ойрот-Каана», записанном от А. К. Туймешева, представителя народа туба из рода *көл-чагат* [Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 342; Королёва, 2024. С. 37]. К тому же типу относятся ловушки Бюдегеша (сына Ярынака) в Чолушманской долине, предназначенные для русских казаков [Озогы Түүкилер, 2011. С. 267]. В предании, записанном от К. И. Кудирмекова и А. Туткушева в с. Кырлык, подобная ловушка, устроенная зайсанами и героями времен Цинской интервенции (Мола, Кульжукай и Тузагаш), названа *јабак*, судя по описанию, принцип устройства не отличается от *тибү*. Предание фиксирует обычай, когда зайсаны принуждают вдову обрезать веревки *ябака* [Озогы Түүкилер, 2011. С. 152; Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 346]. В. И. Соёнов обозначает ловушки, действующие по принципу искусственного обвала, термином *корым-баспак* [Соёнов, 1994. С. 183].

В имеющихся в нашем распоряжении записях преданий не встречаются детальные описания полевых сражений и полевых укреплений, в частности «верблюжьих вагенбургов» [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010. С. 195], однако есть тексты, демонстрирующие отношение к этим животным как к расходному материалу. Так, в предании «Кёшөө-Агаш» последний самопровозглашенный Ойрот-Каан Амыр-Санаа прибегает к поджогу верблюдов как к военной хитрости [Озогы Түүкилер, 2011. С. 137].

В заключение следует сделать некоторые выводы. Алтайские исторические предания характеризуют 'войну' *жуу* как закономерное историческое явление, а воинскую службу — как почетную обязанность любого мужчины. Алтайская традиция различает 'воина под присягой' *черика* и 'удальца' *күлүка*, 'силача' *алыпа* и 'богатыря' *баатыра*. Благодаря военным песням в народном бытовании до наших дней сохранилась формула присяги *черт 'шерт'*. Термин *түмен черүү* 'тысяча воинов' и аналогичные свидетельствуют о сохранении в народной памяти системы мобилизации монгольского типа. Традиционные алтайские этномаркирующие фразеологизмы *кара башту*, *кайыш курлу* 'черноголовые', 'с кожаными поясами' имеют средневековые тибетские параллели и подразумевают военнообязанных мужчин с холодным оружием и саадачным набором. Смерть в бою почетна, худшим бедствием считается *олжо 'плен'*, который приводит к опустению родной земли.

Оружейный комплекс, описанный в алтайских исторических преданиях, относится к позднему Средневековью и Новому времени. Дальнобойное оружие представлено луками *јаа* в саадачном наборе, а также фитильными ружьями *мултук*, достоверно описан один из возможных способов производства пороха. Данные исторических преданий в сочетании с письменными документами начала XIX в. подтверждают практику автохтонного производства пороха в том числе после распада Джунгарского государства. Упоминаются обстоятельства и ритуал стрелковых дуэлей таких исторических деятелей, как Боор и Ак-Билек (сыновья Солтона), Эрельдей, Эскинчек, Бүдүки, Кочкорбай, Ярынак. Перечень холодного оружия включает клинковое оружие *үлдү* и *кылыш*, копье *ыда*. Защитное вооружение представлено комплексом *көө куяк тон*, который включает кольчугу (*көө куяк*) и стеганный шерстью халат (*тон/олбок*). Зафиксирован фольклорный мотив «непробиваемый доспех». Фортификационные сооружения алтайских преданий адаптированы к особенностям гористой местности. Неоднократно упоминаются крепости (*шибе*), встречаются ловушки (*колоско казып*) для кавалерии, подробно описаны ловушки *јабак* и *тибү*, действующие по принципу искусственного обвала. Некоторые крепости исторических преданий упоминаются в письменных источниках XVIII в., например *шибе* Ярынака на берегу Телецкого озера, *Көк-өргө шибее* на территории современного Кош-Агачского района Республики Алтай.

Проанализированные фольклорные тексты содержат обширную информацию о том, как алтайцы в современный период этнической истории воспринимали концепты войны и воинской службы, а также демонстрируют значительное влияние фольклорной традиции на это восприятие. В отдельных случаях недостаток лексического материала не позволяет сделать однозначных выводов о том, как именно выглядело то или иное оружие. Тем не менее устная историческая традиция сохранила немало представлений о вооружении и фортификации джунгарского периода XVII–XVIII вв., что делает возможным использовать массив текстов алтайских исторических преданий в качестве источника для исторических реконструкций в области истории военного дела Южной Сибири на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Озогы Түүкилер (Алтайские легенды и предания ойротской и царской эпох) / сост. Б. Я. Бедюров. Горно-Алтайск: Алтан-Туу, 2011. 424 с. (на алт. яз.).

Народные песни алтайцев / сост. М. А. Демчинова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: СО РАН, 2025. 948 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 35).

Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абысова С. В., Ойноткинова Н. Р. Несказочная проза алтайцев: теоретические аспекты. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2024. 320 с.

Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Д. Чумакаев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. 936 с.

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica).

Бедюров Я. Т. Јаҥа Тодош јаҥары (Песни Янги Тодоша). Горно-Алтайск: Солоны, 2005. 191 с. (на алт. яз.).

Бобров Л. А. Джунгары — последняя кочевая империя // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики. М.: Академический проект; Парадигма, 2024. С. 445–487 с.

Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в позднее Средневековье и Новое время: учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2010. 288 с.

Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Уникальный центральноазиатский доспех из собрания Музея Алтайского горного округа // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Десятой международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 12–14 мая 2021 г.). СПб.: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2021. Т. 1. С. 197–208.

Бобров Л. А., Пастухов А. М. Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньъюй Сиюй тучжи» // Oriental Studies. 2021. Т. 14, № 4. С. 770–796.

Бобров Л. А., Филиппович Ю. А. Кольчатый панцирь покроя «жилет» из Кош-Агачского района Республики Алтай // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 5: Археология и этнография. С. 163–171.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Вербицкий В. И. Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого / под ред. А. А. Ивановского. М., 1893. 221 с.

- Данилевский И. Н. Историческая текстология: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 556 с.
- Данилин А. Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. 203 с.
- Исаков А. В. Фольклор и литература бурят о присоединении к России: исследование исторической памяти. Улан-Удэ: Издательство ИМБТ СО РАН, 2025. 212 с.
- Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 170–176.
- Конунов А. А. Поэтика и стиль вариантов эпоса «Алтай-Буучай» // Тюркология. 2016. № 5. С. 85–105.
- Королёва Е. В. «Зоны умолчания» алтайских исторических преданий: генезис и эволюция во времени // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 1 (35). С. 58–65.
- Королёва Е. В. Индивидуальное и традиционное в поэзии алтайца-фронтовика Янги Тодоша Бедюрова (1907–1961) // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 97–101.
- Королёва Е. В. К вопросу о ранних средневековых тюркских и тибетских параллелях в алтайских фольклорных текстах // III Сибирский форум фольклористов: тезисы докладов (16–20 июня 2025 г.). Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 2025. С. 56–59.
- Королёва Е. В. Образ Ойрот-Каана в исторических преданиях алтайцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31. № 2. С. 33–40.
- Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М.: Наука, 1983. 149 с.
- Неклюдов С. Ю. Эпос в мировой литературе // Шаги / Steps. 2015. № 1 (2). С. 7–22.
- Ойротско-русский словарь / сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тошакова. 2-е изд. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 316 с.
- Пастухов А. М. Священная воинственность: история войн империи Цин. Период Цяньлун 1735–1796 гг. М.: Г.В.Р.Т., 2025. 670 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1879–1880 гг. по поручению императорского Русского географического общества. Вып. IV. 2-е изд. (Репринт. изд. 1883 г.). Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 1025 с.
- Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976. 326 с.
- Светлова В. А. Месторождение Талдыдюргун — энергетическая база юга Республики Алтай // Минерально-сырьевая база Республики Алтай: состояние и перспективы развития: материалы регионального совещания. Горно-Алтайск: ГАГУ, РИО «Универ-Принт», 1998. С. 64–67.
- Соёнов В. И. Обзор вооружения и военной тактики кочевников Алтая в XIII–XVIII вв. по материалам героического эпоса // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, 1994. С. 176–187.
- Сун Гуйцзюань. Эпос «Гэсэриада» и его культурный герой // Вестник МГУКИ. 2010. № 2 (34). С. 81–85.
- Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. Москва: Наука, 1985. 242 с.
- Чистов К. В. Русская народная утопия. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. 540 с.

Шерстова Л. И. Этнокультурные общности Горного Алтая в XVII–XVIII вв.: этническая идентичность в историческом контексте // Вестник ТГУ. 2015. № 395. С. 142–146.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. СПб.: Питер, 2025. 352 с. (Мастера психологии).

Doney L. Non-Buddhist Superhuman Beings in Early Tibetan Religious Literature // *Buddhism in Central Asia III: Impacts of Non-Buddhist Influences, Doctrines* / ed. by L. Doney, C. Meinert, H. N. Sørensen, Y. Kasai. Leiden; Boston: Brill, 2024. P. 183–211. (Dynamics in the history of religions; Vol. 14).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КОРОЛЁВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, эксперт-консультант Фонда «Сибирский писатель», г. Новосибирск, Россия, e.v.koroleva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2198-2547>.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 30.04.2026.

IDEAS ABOUT WAR AND WEAPONS IN ALTAIAN HISTORICAL LEGENDS

ELENA V. KOROLEVA

Siberian Writer Foundation, Novosibirsk, Russia

e.v.koroleva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2198-2547>

Abstract. The research employs a comparative study methodology to explore ideas of war and weaponry depicted in Altai historical legends. It defines key military concepts within folklore tradition and interprets Altai terms for weapons by utilizing data from weapon science and written sources. The author provides evidence of the widespread availability of various calibers of firearms among the Altaians, including after the fall of the Dzungarian state. Furthermore, the article describes the practice of shooting duels. Through a comprehensive analysis of folklore, historical records, and geological data, the study clarifies the locations and methods related to gunpowder production. Additionally, a new hypothesis regarding the origin of the legend of the “impenetrable armor” is proposed, along with an examination of various fortifications adapted to mountainous terrain. The study also examines different fortifications designed for mountainous regions. Lastly, the study identifies parallels in the status of military personnel in both modern Altai and medieval Tibetan traditions.

Keywords: Altaian historical legends, weapons, military affairs.

Acknowledgments: The author expresses gratitude to Dr. L. A. Bobrov for his consultations and valuable clarifications.

For citation: Koroleva E. V. Ideas about War and Weapons in Altaian Historical Legends. *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 57–78. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-57-78

REFERENCES

- Abysova S. V., Oinotkinova N. R.* Neskazochnaya proza altaitsev: teoreticheskie aspekty [Non-fabulous Prose of the Altaians: Theoretical Aspects]. Gorno-Altaysk, NII altaistiki im. S. S. Surazakova, 2024, 320 p. (In Russ.).
- Altaisko-russkii slovar' [Altai-Russian dictionary] / ed. A. D. Chumakaev. Gorno-Altaysk, NII altaistiki im. S. S. Surazakova, 2018, 936 p. (In Russ.).
- Assmann J.* Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination] / trans. from Germ. by M. M. Sokol'skaya. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, 368 p. (Studia historica). (In Russ.).
- Beduyurov Ya. T.* Јаһга Todosh јаһары [The Songs of Janga Todosh]. Gorno-Altaysk, Solonҕy, 2005, 191 p. (in Alt.).
- Bobrov L. A.* Dzhungary – poslednyaya kochevaya imperiya [Dzungars – the Last Nomadic Empire]. In: Kochevyie imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoi dinamiki [Nomadic Empires of Eurasia: Features of Historical Dynamics]. Moscow, Akademicheskii proekt, Paradigma, 2024, pp. 445–487. (In Russ.).
- Bobrov L. A., Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S.* Vzaimodeistvie tyurkskikh i mongol'skikh narodov s russkimi v pozdnee Srednevekov'e i Novoye vremya: ucheb. posobie [Interaction of Turkic and Mongolian Peoples with Russians in the Late Middle Ages and Modern Times: Textbook]. Novosibirsk, NGU, 2010, 288 p. (In Russ.).
- Bobrov L. A., Filippovich Yu. A.* Kol'chatyi pantsir' pokroya «zhilet» iz Kosh-Agachskogo raiona Respubliki Altai [Annulate Armor of Cut "Waistcoat" from Kosh-Agach Area of Altai Republic]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 163–171. (In Russ.).
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S.* Vooruzheniie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Times (15th – the First Half of the 18th Century)]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2008, 776 p. (In Russ.).
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I.* Unikal'nyi tsentral'noaziatskii dospekhn iz sobraniya Muzeya Altaiskogo gornogo okruga [A Unique Central Asian Armor from the Collection of the Altai Mountain District Museum]. In: Voina i oruzhiye. Novye issledovaniya i materialy. Trudy Desyatoy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 12–14 maya 2021 g.) [War and Weapons. New Research and Materials. Proceedings of the Tenth International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, May 12–14, 2021)]. St. Petersburg, Voenno-istoricheskii muzei artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi, 2021, vol. 1, pp. 197–208. (In Russ.).
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M.* Vooruzheniye i znamenata oiratov Dzhungarii serediny XVIII v. po materialam «Tsindin Khuanyuy Siyuy tuchzhi» [Weapons and Banners of Dzungaria's Oirats, Mid-18th Century: A Case Study of *Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi*]. *Oriental Studies*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 770–796. (In Russ.).
- Chistov K. V.* Russkaya narodnaya utopiya [Russian Folk Utopia]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2003, 540 p. (In Russ.).
- Danilevskiy I. N.* Istoricheskaya tekstologiya: ucheb. posobie [Historical Textology: A Textbook]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2024, 556 p. (In Russ.).

Danilin A. G. Burkhanizm. Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya [Burkhanism. From the History of the National Liberation Movement]. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek, 1993, 203 p. (In Russ.).

Doney L. Non-Buddhist Superhuman Beings in Early Tibetan Religious Literature. In: Buddhism in Central Asia III: Impacts of Non-Buddhist Influences, Doctrines / ed. L. Doney, C. Meinert, H. H. Sørensen, Y. Kasai. Leiden; Boston, Brill, 2024, pp. 183–211. (Dynamics in the history of religions, vol. 14).

Halbwachs M. Sotsial'nye ramki pamyati [Social Frameworks of Memory]. St. Petersburg, Piter, 2025, 352 p. (In Russ.).

Isakov A. V. Fol'klor i literatura buryat o prisoedinenii k Rossii: issledovanie istoricheskoi pamyati. [Buryat Folklore and Literature on the Accession to Russia: A Study of Historical Memory]. Ulan-Ude, Izatel'stvo IMBT SO RAN, 2025, 212 p. (In Russ.).

Konev A. Yu. Shertoprivodnye zapisi i prislyagi sibirskikh «inozemtsev» kontsa XVI–XVII vv. [Records of Oath-taking (Shert) and Allegiance of Siberian Indigenous Peoples in the Late 16th and 17th Centuries]. *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*, 2006, no. 6, pp. 170–176. (In Russ.).

Konunov A. A. Poetika i stil' variantov eposa «Altay-Buuchay» [Poetics and Style of the Variants of the “Altai-Buuchay” Epic]. *Tyurkologiya*, 2016, no. 5, pp. 85–105. (In Russ.).

Koroleva E. V. Individual'noe i traditsionnoe v poezii altaitsa-frontovika Yangi Todosha Bedyurova (1907–1961) [Individual and Traditional in the Poetry of the Altai Veteran Yanga Todosh Bedyurov (1907–1961)]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2016, no. 1, pp. 97–101. (In Russ.).

Koroleva E. V. «Zony umolchaniya» altaiskikh istoricheskikh predanii: genezis i evolyutsiya vo vremeni [“Zones of Silence” of Altai Historical Legends: Genesis and Evolution in Time]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*, 2018, no. 1 (35), pp. 58–65. (In Russ.).

Koroleva E. V. K voprosu o rannikh srednevekovykh tyurkskikh i tibetskikh parallelyakh v altaiskikh fol'klornykh tekstakh [On the Issue of Early Medieval Turkic and Tibetan Parallels in Altai Folklore Texts]. In: III Sibirskiy forum fol'kloristov: tezisy dokladov (16–20 iyunya 2025 g.) [3rd Siberian Forum of Folklorists: Abstracts (June 16–20, 2025)]. Novosibirsk, IFL SO RAN, 2025, pp. 56–59. (In Russ.).

Koroleva E. V. Obraz Oirot-Kaana v istoricheskikh predaniyakh altaitsev [The Image of Oirot-Kaan in Altai Historical Legends]. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2024, vol. 31, no. 2, pp. 33–40. (In Russ.).

Moiseev V. A. Tsinskaya imperiya i narody Sayano-Altaya v XVIII v. [The Qing Empire and the Peoples of the Sayan-Altai in the 18th Century]. Moscow, Nauka, 1983, 149 p. (In Russ.).

Neklyudov S. Yu. Epos v mirovoi literature [Epic in World Literature]. *Shagi / Steps*, 2015, no. 1 (2), pp. 7–22. (In Russ.).

Oirotsko-russkii slovar' [Oirot-Russian Dictionary] / comp. N. A. Baskakov, T. M. Toshchakova. 2nd ed. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 2005, 316 p. (In Russ.).

Pastukhov A. M. Svyashchennaya voinstvennost': istoriya voin imperii Tsin. Period Tsyun'lyun 1735–1796 gg. [Sacred Militancy: A History of the Qing Empire Wars. The Qianlong Period, 1735–1796]. Moscow, G.V.R.T., 2025, 670 p. (In Russ.).

Potanin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii: Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879–1880 gg. po porucheniyu imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva

[Essays on Northwestern Mongolia: Results of a Journey Undertaken in 1879–1880 on Behalf of the Imperial Russian Geographical Society]. Iss. 4. 2nd ed. (Reprint. ed. 1883 g.). Gorno-Altai, Ak Chechek, 2005, 1025 p. (In Russ.).

Propp V. Ya. Fol'klor i deistvitel'nost': izbrannye stat'i [Folklore and Reality: Selected Articles]. Moscow, Nauka, 1976, 326 p. (In Russ.).

Sherstova L. I. Etnokul'turnye obshchnosti Gornogo Altaya v XVII–XVIII vv.: etnicheskaya identichnost' v istoricheskom kontekste [Ethnocultural Communities of Gorny Altai in the 17th–18th Centuries: Ethnic Identity in a Historical Context]. *Vestnik TSU*, 2015, no. 395, pp. 142–146. (In Russ.).

Soyonov V. I. Obzor vooruzheniya i voennoi taktiki kochevnikov Altaya v XIII–XVIII vv. po materialam geroicheskogo eposa [Overview of Armament and Military Tactics of Altai Nomads in the 13th–18th Centuries Based on Materials of the Heroic Epic]. In: *Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Gornogo Altaya* [Archaeological and Folklore Sources on the History of Gorny Altai]. Gorno-Altai, Gorno-Altaiiskii nauchno-issledovatel'skii institut istorii, yazyka i literatury, 1994, pp. 176–187. (In Russ.).

Sun Guijuan. Epos «Geseriada» i ego kul'turnyi geroi [The epic “Geseriada” and Its Cultural Hero]. *Vestnik MGUKI*, 2010, no. 2 (34), pp. 81–85. (In Russ.).

Surazakov S. S. Altaiskii geroicheskii epos [Altai Heroic Epic]. Moscow, Nauka, 1985, 242 p. (In Russ.).

Svetlova V. A. Mestorozhdenie Taldydyurgun – energeticheskaya baza yuga Respubliki Altai [The Taldydyurgun Deposit as the Energy Base of the South of the Altai Republic]. In: *Mineral'no-syr'evaya baza Respubliki Altai: sostoyanie i perspektivy razvitiya: materialy regional'nogo soveshchaniya* [Mineral Resources of the Altai Republic: Current State and Developmental Prospects: Proceedings of the Regional Meeting]. Gorno-Altai, GAGU, RIO «Univer-Print», 1998, pp. 64–67. (In Russ.).

Verbitskiy V. I. Altaiskie inorodtsy: sbornik etnograficheskikh statei i issledovaniy altaiskogo missionera, protoiereya V. I. Verbitskogo [Altai Indigenous Peoples: A Collection of Ethnographic Articles and Research by the Altai Missionary, Archpriest V. I. Verbitsky] / ed. A. A. Ivanovskiy. Moscow, 1893, 221 p. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ELENA V. KOROLEVA, Expert-consultant of the “Siberian Writer” Foundation, Novosibirsk, Russia, e.v.koroleva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2198-2547>.

The article was submitted on 30.04.2025; approved after reviewing on 24.02.2026; accepted for publication on 30.04.2026.

ИСТОРИЯ РОССИИ

РАЗГРОМ ГЕРМАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ЛЕТОМ 1914 ГОДА И ПРЕДЕЛЫ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

БОРИС ИВАНОВИЧ КОЛОНИЦКИЙ

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Россия
boris_i_kol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-170X>

КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ ГОДУНОВ

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Россия
kostyagodunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1253-3886>

КОНСТАНТИН АНДРЕЕВИЧ ТАРАСОВ

Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия
katarasov1917@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8350-8170>

Аннотация. В статье рассматривается разгром здания немецкого посольства — один из самых ярких, но недостаточно осмысленных эпизодов городского насилия в условиях начала Первой мировой войны. Реконструирован ход события и проанализирована риторика, которую использовали разные люди для его оценки. Показано, что существовали серьезные опасности, ограничивающие манипулирование патриотическим дискурсом. Представители власти осознавали, что полностью контролировать патриотическое возмущение невозможно. В сложной ситуации начинающейся мировой войны протест мог оборачиваться лояльностью, а лояльность — разрушительной агрессией.

Ключевые слова: Первая мировая война, патриотическая мобилизация, городское насилие.

Для цитирования: Колоницкий Б. И., Годунов К. В., Тарасов К. А. Разгром германского посольства в Санкт-Петербурге летом 1914 года и пределы патриотической мобилизации в начале Первой мировой войны // *Universum Humanitarium*. 2026. №1. С. 80–98. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-80-98

В историографии давно ведутся дискуссии о характере патриотической мобилизации в начале Первой мировой войны и о значении так называемого «духа 1914 года». Одни исследователи рассматривают вступление в войну как момент массового патриотического подъема и общественного единения [Ferro, 1973. Р. 8]. Другие, напротив, подчеркивают распространение тревоги, страха, растерянности и подавленности [Becker, 1977. Р. 259; Verhey, 2006].

В исследованиях по российской истории этот спор также занимает важное место. О. С. Поршнева полагает, что вступление России в войну «вызвало мощный подъем патриотических настроений, охвативший все общественные слои и регионы страны» [Поршнева, 2010. С. 185]. Другие исследователи – в первую очередь В. П. Булдаков, В. Б. Аксенов – поставили под сомнение утверждения о «священном единении» российского общества, описали такие эмоции, как страх, растерянность, беспокойство [Булдаков, 2014. С. 4–22; Аксенов, 2018. С. 232–252].

Представленный выше краткий обзор историографической ситуации делает актуальным изучение различных аспектов политической мобилизации. Данная статья обращается к проблеме соотношения патриотической мобилизации и политической лояльности в российском обществе в начале Первой мировой войны. В официальной и газетной риторике массовые манифестации нередко представлялись как выражение единения общества и власти, однако подобная интерпретация не исчерпывает всей сложности уличной политики лета 1914 г. Необходимо рассмотреть, каким образом патриотическое воодушевление формировалось, направлялось и ограничивалось, какие факторы способствовали его переходу в насильственные формы коллективного действия.

В этом отношении важно рассматривать не только идеологический язык патриотизма, но и городское пространство, в котором этот язык становился практикой. Современные исследования городской истории Первой мировой войны показывают, что улица в 1914 г. была не просто фоном событий, а важнейшим пространством коммуникации и коллективного действия. Э. Кронье отмечает, что улицы европейских столиц служили местом обмена новостями, обсуждения событий с фронта, распространения слухов и выражения коллективных эмоций [Cronier, 2007]. К. Морелон, изучая Прагу эпохи Первой мировой войны, подчеркивает, что городское пространство не было лишь декорацией. Движение солдат, толпы у объявлений, проводы на вокзалах и маршруты демонстраций позволяли увидеть настроения общества, не всегда совпадавшие с официальной риторикой [Morelon, 2024. Р. 25–39].

Тем не менее М. Корнуолл, рассматривая городские демонстрации, шествия и ритуалы лояльности в Австро-Венгрии, показывает, что патриотическое поведение на улицах могло отчасти задаваться властями: движение толп по определенным маршрутам, остановки у зданий, принадлежавших органам власти, участие оркестров, исполнение гимнов, публичное прославление монарха и союзников [Корнуолл, 2020. С. 75–76]. Поэтому уличные манифестации следует рассматривать не только как признак патриотического подъема, но и как практику мобилизации, в которой соединялись официальные ожидания, городская топография и поведение толпы.

В этом отношении разгром германского посольства в Санкт-Петербурге представляет особый интерес [Румянцев, 2016; Аксенов, 2020. С. 103–108]. Он позволяет сформулировать проблему управляемости патриотическим дискурсом и определить, какую роль в развитии событий играли пресса, слухи, действия властей, маршруты городских манифестаций и символическое

значение самого объекта нападения. Анализ этого эпизода важен не только для реконструкции резонансного случая городского насилия начала войны, но и для понимания того, как современники различали допустимые и недопустимые формы патриотического поведения.

Реконструкция событий затруднена тем, что свидетельства очевидцев, полицейские документы и газетные репортажи содержали разные, даже противоречивые версии произошедшего, но именно эта противоречивость представляет исследовательский интерес. Она позволяет изучать не только сам ход погрома, но и способы его объяснения современниками: одни видели в участниках «хулиганов» и нарушителей порядка, другие — людей, движимых искренним патриотическим чувством. Анализ разгрома германского посольства помогает уточнить представление о патриотической мобилизации 1914 г. Ее следует рассматривать как нестабильное взаимодействие политической коммуникации и городского пространства.

Манифестации солидарности с Сербией в центре столицы начались вечером 12 (25) июля 1914 г., когда истек срок ультиматума, предъявленного Австро-Венгрией¹. В ожидании вечерних газет у конторы «Вечернего времени» на углу Невского проспекта и Садовой улицы собралась толпа, которая пришла в движение после получения вести о разрыве дипломатических отношений между странами. Конфликт на Балканах задевал интересы Российской империи и, как многие полагали, побуждал ее вступить за Сербию.

В последующие дни редакции газет становились основными точками мобилизации толпы. Тревожные известия, поступавшие по мере развития Июльского кризиса, привлекали большое общественное внимание, а угол Невского и Садовой, где вывешивались вечерние телеграммы, не раз становился отправной точкой шествий, сопровождавшихся просербскими и антиавстрийскими выкриками².

Маршруты этих манифестаций имели определенную логику. Обычно целью их движения было сербское посольство на Фурштатдтской улице. Кроме того, практически с первых дней манифестанты стремились прорваться к посольству Австро-Венгрии на Сергиевской улице (ныне улица Чайковского), чтобы перед ним выразить свой протест. Такие попытки пресекались усиленными нарядами полиции³.

Еще одной точкой притяжения манифестаций стало посольство Германии на Исаакиевской площади⁴, несмотря на то, что империя Гогенцоллернов в тот момент напрямую не участвовала в конфликте. Вероятно, здесь сказалось

¹ Патриотические манифестации в Петербурге // Колокол (Санкт-Петербург). 1914. 15 июля.

² Манифестации // Новое время (Санкт-Петербург). 1914. 14 июля; II-ий. Патриотические манифестации // Петербургский листок. 1914. 15 июля, 16 июля, 17 июля, 18 июля.

³ В австрийском посольстве // Газета-копейка (Санкт-Петербург). 1914. 14 июля; Патриотические манифестации в Петербурге // Колокол. 1914. 15 июля.

⁴ Вчерашние манифестации в Петербурге // Петербургский листок. 1914. 14 июля; Манифестация в Петербурге // Газета-копейка. 1914. 15 июля.

влияние прессы, освещавшей Июльский кризис. Многие газеты после предъявления австрийского ультиматума 10 (23) июля утверждали, что вопрос о войне и мире зависел только от Германии, которая одна способна повлиять на своего союзника и принудить его к уступкам Сербии [Котов, 2014. С. 530].

Впоследствии пристав 1-го участка Адмиралтейской части сообщал о действиях полиции в эти дни: «Эти манифестации имели сначала совершенно мирный характер. Тем не менее полиции приходилось быть все время на ногах, на улицах, на случай насильственных действий со стороны черни по отношению зданий, занимаемых посольствами воюющих с Россией государств, и торговых заведений, принадлежащих неприятельским поданным»⁵.

В ночь на 17 (30) июля толпам даже удалось прорвать цепь конных городских и с криками «Долой Германию!» добежать по Морской улице до гостиницы «Астория», расположенной напротив дипломатической миссии Германии. Конные городские с трудом сдерживали натиск толпы. Только после прибытия новых нарядов полиции толпу смогли удалить с площади⁶.

Уже следующей ночью Исаакиевская площадь поочередно подвергалась «атакам» с нескольких сторон. Первый прорыв полицейского ограждения произошел на Вознесенском проспекте. Конные городские не могли сдержать толпу, лишь направляя движение возбужденных людей к Казанской улице, куда удалось оттеснить часть манифестантов. Другая часть была остановлена дополнительными нарядами конной полиции и жандармов только у здания Государственного Совета, вблизи германского посольства. Завязалась стычка вокруг попытки отнять флаг с надписью: «Долой немцев!», лишь после долгих переговоров его удалось убрать⁷.

Неожиданно для сил правопорядка большая толпа показалась со стороны Васильевского острова и направилась по временному Дворцовому мосту в центр города. Полицейские наряды, ограждавшие посольство со стороны центральных улиц, бросились туда и едва успели рассеять манифестантов и повернуть их вспять. Вскоре выяснилось, что от Гороховой улицы к посольству спешит новая толпа в количестве около восьми тысяч человек. Конные городские галопом вернулись и не без труда преградили этой толпе дальнейший путь к германскому посольству⁸.

Таким образом, к моменту объявления Германией войны России утром 19 июля (1 августа) атмосфера вокруг немецкого дипломатического представительства уже была сильно наэлектризована. Той же ночью манифестанты предприняли несколько попыток прорваться с разных сторон на Исаакиевскую

⁵ Рапорт пристава 1 участка Петроградской столичной полиции Адмиралтейской части в канцелярию Петроградского градоначальника, делопроизводство Совещательного присутствия. 20 марта 1915 // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 270. Л. 49 об.

⁶ Манифестации // Речь (Санкт-Петербург). 1914. 17 июля.

⁷ Манифестации в Петербурге // День (Санкт-Петербург). 1914. 18 июля; Манифестации // Речь. 1914. 18 июля.

⁸ Манифестации в Петербурге // День. 1914. 18 июля.

площадь, которые с трудом были предотвращены полицией⁹. Патриотические манифестации продолжались в следующие дни, лишь увеличиваясь в размерах. Толпы на Невском проспекте были особенно взбудоражены 22 июля (4 августа), когда появились новости о том, что в Германии русские туристы и дипломаты подвергаются насилию, а поезд с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, возвращавшейся в Россию, не был пропущен через Берлин. Пресса осуждала «наглость германцев»¹⁰. Сообщалось, что русские дипломаты, покидавшие Германию, оскорблялись толпами. Это описывалось как «Немецкое хулиганство»¹¹.

Как и в прежние дни, местом скопления толпы стала контора «Вечернего времени» на углу Невского проспекта и Садовой улицы. Начался стихийный митинг, антигерманские речи толпа встречала криками «Долой австрийцев! Долой немцев!»¹². Около девяти часов вечера возбужденные люди начали погром «немецких» торговых заведений. На углу Невского проспекта и Садовой улицы было разгромлено кафе «Рейтерн» (кафе Рейтерна), которое и манифестанты, и часть корреспондентов ошибочно считали принадлежащим «немцу»¹³. Основная часть манифестантов тем временем двинулась в сторону германского посольства, по дороге учинив разгром еще нескольких заведений с немецкими названиями¹⁴.

Здание германского посольства, к этому времени уже покинутое немецким дипломатическим персоналом, охранялось усиленными нарядами жандармов, конной и пешей полицией. Полицейский пристав, находившийся на площади, сообщал, что в его распоряжении имеется взвод жандармов, восемь конных и 20 пеших городских, при двух офицерах. Пристав при появлении толпы вывел свои силы для охраны посольства, первоначально конная полиция энергично рассеивала толпу [Румянцев, 2016. С. 70]. Но манифестанты с национальными флагами в руках всё прибывали на площадь, где вскоре собралась многотысячная толпа¹⁵.

Сил правоохранительных органов оказалось недостаточно, и полицейские, смятые толпой, отступили к посольству, не применяя оружия. Многие пришедшие на площадь

⁹ После объявления войны // День. 1914. 20 июля; А. П-ий. После объявления войны // Петербургский листок. 1914. 20 июля; У германского посольства // Газета-копейка. 1914. 20 июля.

¹⁰ Петербургский курьер. 1914. 22 июля; Голос Руси (Санкт-Петербург). 1914. 22, 23 июля.

¹¹ Немецкое хулиганство // Русское слово (Москва). 1914. 24 июля.

¹² В толпе // Вечернее время (Санкт-Петербург). 1914. 22 июля.

¹³ Разгром Германского посольства // Газета-копейка. 1914. 23 июля; Манифестации // Земщина (Санкт-Петербург). 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Колокол. 1914. 23 июля; Эксцессы // День. 1914. 23 июля; Н. В. Столичные заметки // Русское знамя (Санкт-Петербург). 24 июля.

¹⁴ Эксцессы // День. 1914. 23 июля; Н. В. Столичные заметки // Русское знамя. 1914. 24 июля; Разгром германского посольства // Петербургский листок. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля.

¹⁵ Разгром германского посольства // Речь. 1914. № 194. 23 июля; Разгром германского посольства // Колокол. 1914. 23 июля.

заранее готовились к штурму здания посольства, они имели при себе топоры, молотки, ломы, рашпили и другие инструменты¹⁶. Наличие этих инструментов у части манифестантов свидетельствует о том, что среди них было немало мастеровых. Толпа, по словам полицейского офицера, состояла преимущественно из «рабочих низшего класса и малолетних»¹⁷.

В здание посольства полетели булыжники, вывороченные из мостовой. Раздавались крики: «Надо отомстить за оскорбление, нанесенное русскому народу недопущением немцами нашей императрицы следовать в Россию и за временное задержание великого князя Константина Константиновича», «Немцы бросали камни в наше посольство еще до объявления войны!». Полицейским и жандармам удавалось сдерживать толпу в течение двадцати минут, но потом она проникла в здание¹⁸.

На крыше посольства показалось несколько десятков молодых людей с российскими национальными флагами в руках, площадь приветствовала их криками «ура». С флагштока был сорван золоченый германский орел, вместо него был водружен российский флаг. Люди, находившиеся на крыше, обвязали веревками и стали раскачивать находившиеся там медные статуи Диоскуров¹⁹. Полые внутри статуи были вскоре повержены. Одну из них даже удалось столкнуть вниз и дотащить до канала, другая зацепилась за карниз и повисла²⁰. Вид нагих фигур был нетерпим, они воспринимались многими участниками событий как символы оскорбления национального достоинства.

Погромщики проникли и во внутренние помещения здания. Из посольства торжественно, под одобряющие крики толпы, были вынесены хранившиеся там портреты членов российской императорской семьи, которые манифестанты почтительно установили на памятнике императору Николаю I. Затем толпа с пением гимна торжественно понесла эти портреты по городским улицам²¹. Подобная церемония должна была легитимировать действия погромщиков, которые тем самым представляли себя патриотами и монархистами.

Между тем начался разгром здания. Из окон на мостовую полетели мебель, куски материи, занавески, чехлы от мебели, документы, листы бумаги,

¹⁶ Рапорт пристава 2-го участка Адмиралтейской части Санкт-Петербургскому градоначальнику, 23 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22–22а.

¹⁷ Рапорт пристава 2-го участка Адмиралтейской части Санкт-Петербургскому градоначальнику, 23 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22.

¹⁸ Разгром германского посольства // Петербургский листок. 1914. 23 июля; Рапорт пристава 2-го участка Адмиралтейской части Санкт-Петербургскому градоначальнику, 23 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22.

¹⁹ Рапорт пристава 2-го участка Адмиралтейской части Санкт-Петербургскому градоначальнику, 23 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22–22а; Разгром германского посольства // Петербургский листок. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Колокол. 1914. 23 июля.

²⁰ Обзор печати // Петербургский курьер. 1914. 24 июля; Разгром германского посольства // Петербургский листок. 1914. 23 июля.

²¹ Разгром германского посольства // Петербургский листок. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Новое время. 1914. 23 июля.

посуда, картины и предметы искусства. Оскорблениям подвергся дорогой парадный портрет Вильгельма II, германские флаги. Внизу все это поджигалось манифестантами, бросалось в костры, разведенные на площади. Здание посольства озарили языки пламени. Кто-то стал поджигать в окнах посольства занавески, клубы дыма окутали здание. Были по тревоге вызваны несколько пожарных частей, которые приступили к тушению пожара и костров на площади²². Символическое насилие приобретало явные черты карнавала.

В разгар погрома посольства на площадь прибыл на автомобиле новый градоначальник Санкт-Петербурга генерал-майор князь А. Н. Оболенский. Только что назначенный на эту важнейшую должность, он буквально накануне, 21 июля (3 августа) приехал в столицу²³. Градоначальника сопровождали полицмейстеры и дополнительные большие наряды конной полиции и жандармерии. Многотысячная толпа беспрепятственно пропустила отряд градоначальника к зданию, но решительно отказывалась разойтись. Ее удалось лишь немного оттеснить от здания посольства, бросание камней с улицы прекратилось. Полиция, введенная в здание, стала освобождать его от дебоширов, хотя их аресты в это время не проводились. Можно предположить, что погромщиков было слишком много, а сил у полиции для арестов было недостаточно²⁴.

Тем временем появились сообщения о том, что толпа манифестантов двинулась к зданию посольства Австро-Венгрии на Сергиевской улице. Значительные силы полиции были переброшены с Исаакиевской площади туда, спешно покинул площадь и градоначальник со своей свитой. Полиции во главе с градоначальником, который привел подкрепление, удалось отстоять здание австрийской миссии. Группы манифестантов оттуда вернулись на Невский проспект²⁵.

Жандармский генерал А. И. Спиридович оставил в воспоминаниях яркое описание событий, происходивших на площади в эти часы: «Было уже темно, когда я вошел в один из ресторанов и едва успел сесть, как кто-то вбежал с криком — громят немецкое посольство. Я поспешил туда. По Морской бежал народ, скакали извозчики, неслись автомобили. Громадная толпа с царским портретом впереди шла к посольству. Слышались ругательства, угрозы по адресу Германии, императора Вильгельма» [Спиридович, 2004. С. 3–4].

²² Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля.

²³ Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля. С. 3; Петербургским градоначальником назначается рязанский губернатор князь А. Н. Оболенский // Экстренное приложение к газете «Голос Руси» (Санкт-Петербург). 1914. 20 июля (2 августа); Новый градоначальник С.-Петербурга // Голос Руси. 1914. 21 июля (3 августа).

²⁴ Разгром германского посольства // Новое время. 1914. 23 июля; Разгром Германского посольства // Газета-копейка. 1914. 23 июля; Разгром здания германского посольства // Петербургский курьер. 1914. 23 июля; Эксцессы // День. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля; Рапорт пристава 2-го участка Адмиралтейской части Санкт-Петербургскому градоначальнику, 23 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22а.

²⁵ Разгром Германского посольства // Газета-копейка. 1914. 23 июля.

Многие любопытствующие, не желавшие пропустить яркое событие, нанимали повозки и автомобили или использовали собственный транспорт, чтобы поглазеть на картину разгрома. Мы не знаем, сколько этих состоятельных зевак присоединилось к погромщикам, но наряду с ними на площадь выдвигались организованно и новые манифестанты, которые явно желали участвовать в штурме здания.

После полуночи новая тысячная толпа манифестантов, видя незначительность оставшихся полицейских сил, вновь подошла к зданию германского посольства (по сведениям «Речи», это произошло несколько позже, около часа ночи). В толпе передавались разные слухи, продолжали говорить о том, что немцы разгромили в Берлине здание русского посольства, и что в ответ на это в Петербурге разгромили здание германского посольства, в котором якобы после нашли оружие, в том числе и пулемет. Возбуждение собравшихся росло²⁶.

Манифестанты, среди которых было немало женщин, разбили два огромных окна, проникли через них в здание и учинили новый, более масштабный погром. Двери тоже были разбиты, все новые и новые группы погромщиков проникали в здание. Несколько десятков громил продолжили разрушение скульптурной композиции на крыше посольства, они уверенно орудовали специально прихваченными для этого инструментами, что, по мнению полицейского офицера, свидетельствовало о наличии какого-то плана в действиях погромщиков. В здании были разбиты оставшиеся стекла, поломаны мебель и утварь. В погребах была уничтожена коллекция редких вин, принадлежавших немецкому послу.

Полицейский пристав, не имевший достаточно сил для противостояния погромщикам, срочно вновь запросил помощи у генерала Оболенского. Лишь после возвращения около часа ночи на площадь усиленных нарядов полиции и жандармов, предводительствуемых градоначальником, начались аресты громил. Погромщики, находившиеся внутри здания, на этот раз пытались отбиваться, швыряя камни и тяжелые предметы. Полиция заняла здание и энергично рассеивала толпу, площадь была очищена, по сведениям «Речи», это произошло около трех часов ночи²⁷.

Поведение полиции, по мнению Спиридовича, не казалось соответствующим моменту: «Рядом на тротуаре стоял городской. Кругом меня все галдело. Галдела интеллигенция. А из окон посольства все летели, летели разные предметы. Раздававшиеся при этом треск и грохот вызывали ура. Чем сильнее был треск, тем громче было ура и улюлюканье. Полиция только просила не ходить на тротуар перед посольством. Эскадрон стоял наготове» [Спиридович, 2004. С. 4–5]. Интересно упоминание «интеллигенции» при описании состава толпы.

По словам Спиридовича, полиция бездействовала, но вдруг пронеслась весть, что на чердаке громилы нашли труп убитого человека. В группе начальства

²⁶ Эксцессы // День. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля; Рапорт пристава 2-го участка Адмиралтейской части Санкт-Петербургскому градоначальнику, 23 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22а.

²⁷ Там же.

заволновались, у эскадрона жандармов послышалась команда. Публику просили расходиться, но никто не слушался стражей порядка. Появилась пожарная машина, в толпу направили струю воды, и все с хохотом стали разбегаться [Спиридович, 2004. С. 5].

Погром уже заканчивался, когда поздно ночью 22 июля (4 августа) к зданию германского посольства прибыли министр внутренних дел Н. А. Маклаков, градоначальник князь А. Н. Оболенский и представители высшей судебной власти. Вице-директору Департамента полиции К. Д. Кафафову, прибывшему на площадь вместе с Маклаковым, запомнилось, что вообще «никаких особых беспорядков не было». Он явно преуменьшал масштаб событий, говоря о «кучке молодежи», проникшей в здание. Министр внутренних дел поначалу волновался, что разгром посольства будет иметь непоправимые последствия на международном уровне. Итальянский посол, по словам мемуариста, уверил Маклакова, что «ничего особенного не произошло» и что, по его сведениям, немцы в Берлине сами разгромили российское посольство [Кафаров, 2005. С. 89]. Если верить этим свидетельствам, бездействие властей может объясняться не только нехваткой сил, но также растерянностью и нежеланием подавлять «патриотическое настроение» горожан.

Сообщение для прессы, представленное властями, должно было успокоить общественное мнение: «Произведено строжайшее расследование»²⁸. Это суждение оказалось преждевременным.

Большинство крупных газет в той или иной форме осудило — с большей или меньшей степенью искренности — разгром германского посольства. Неудивительно, что периодические издания разной ориентации объясняли действия погромщиков, используя тему «хулиганства» [Колоницкий, Годунов, Тарасов, 2024]. «Вечернее время» писало, что «интеллигентная толпа» оттеснила полицию и кидала камни в посольство. Однако на штурм здания пошли прежде всего «обычные спутники манифестаций — подростки и хулиганы»²⁹. Речь шла о допустимых границах насилия, его своеобразной стратификации: если кидание камней «интеллигентной толпой» редакция с оговорками готова была принять, то дальнейший погром посольства «подростками» и «хулиганами» не вызывал одобрения.

В другой заметке корреспондент той же газеты писал: «Мы убеждены, что эта толпа не имеет ничего общего с теми манифестантами, которые в эти последние дни проявили столько бодрых и прекрасных чувств»³⁰. «Патриотически настроенный народ не должен обращаться в толпу хулиганов», — заявляла националистическая газета «Голос Руси»³¹. И в данном случае этот термин должен был деполитизировать и криминализировать ситуацию. Основная ответственность за эксцессы возлагалась не на политические

²⁸ К разгрому германского посольства // Речь. 1914. 24 июля.

²⁹ К разгрому германского посольства // Вечернее время. 1914. 23 июля.

³⁰ К обществу // Вечернее время. 1914. 23 июля.

³¹ Прискорбное событие // Голос Руси. 1914. 23 июля (5 августа).

группы националистов и националистические издания, создавшие в предшествующие дни благоприятные условия для погрома, а на анонимных «хулиганов», на преступников и маргиналов, действия которых осуждались. Газеты стремились перенести ответственность за разгром на представителей низших слоев общества, маркированных понятием «хулиганы», ассоциирующимся с городскими окраинами.

Вместе с тем в оценке погрома существовали разные оттенки. Некоторые издания, хотя и не оправдывали действия погромщиков, но в большей степени уделяли внимание объяснению тех мотивов, которыми они руководствовались. Так, черносотенная газета «Земщина» осуждала толпы, громившие немецкие торговые заведения: «К ночи манифестации приняли необузданный вид, получив окраску хулиганства. <...> Такие „манифестации“ сулят нам впереди только анархию и не отражают глубокого, искреннего патриотического настроения. Несомненно, здесь большую роль сыграли провокаторы, эксплуатировавшие народное чувство»³². Действия людей, превративших патриотическую манифестацию в погром, осуждались, но ответственность за это возлагалась на неких провокаторов и хулиганов, использовавших благородное негодование патриотов в преступных целях.

Наряду с этим «Земщина» указывала на обстоятельства, которые якобы ставили под вопрос приверженность немецких дипломатов международному праву, что хотя и не оправдывало погром, но возлагало на представителей Германии ответственность за нагнетание атмосферы насилия в России, обвиняя их в действиях, несовместимых со статусом дипломатов. Газета писала: «По распространившимся в С.-Петербурге упорным слухам, при осмотре здания бывшего Германского посольства после разгрома его манифестантами, на чердаках и в подвале найдены сундуки, наполненные громадным количеством возмутительных прокламаций, призывающих русских рабочих к забастовкам и революции на случай мобилизации. Кроме того, обнаружен и значительный запас оружия. Эти слухи, подтверждающие давно существовавшее и высказывавшееся убеждение, что во главе недавней забастовки готовились именно в прикрытом посольскою экстерриториальностью здании считавшейся дружественною державы, несомненно имеют под собою почву»³³.

Такого рода слухи — а даже эта правая газета считала их слухами — если и не оправдывали действия погромщиков, то объясняли, рационализировали их, допускали их правдоподобность, придавая им некоторый патриотический смысл. Разгром здания якобы дал возможность поднять завесу тайны над коварными планами врага, который вел бесчестную подрывную работу против России руками своих дипломатов. В какой-то степени оправдывали погромщиков и расхожие слухи о том, что в здании германского посольства был обнаружен радиотелеграф, помещавшийся в штандарте на крыше здания [Врангель, 2001. С. 25].

³² Манифестации // Земщина (Санкт-Петербург). 1914. 23 июля.

³³ Вести и слухи // Земщина. 1914. 26 июля.

Погром германского посольства в некоторых текстах противопоставлялся патриотическим манифестациям предшествующих дней. Знаменитая манифестация 20 июля (2 августа) на Дворцовой площади рассматривались как позитивный символ единения общества и царя, а события 22 июля (4 августа) демонстрировали, какую опасность может представлять выходящий из-под контроля основных политических акторов патриотизм, основанный на ненависти к внутреннему и внешнему врагу [Аксенов, 2020. С. 109]. «Речь» отмечала, что все депутаты Государственной думы едины в своем осуждении разгрома посольства и погромов немецких торговых заведений. Корреспондент издания конституционно-демократической партии даже сочувственно цитировал националиста В. Г. Ветчинина: «Насколько первые манифестации были желательны, как выражение чувств и настроений народных масс, настолько нежелательны такие эксцессы, которые имели место вчера. Печать совершенно права, когда она осуждает подобные стихийные проявления протеста»³⁴.

В то же время некоторые современники видели явную связь между погромом и патриотическими манифестациями предшествующих дней и отчасти возлагали ответственность за происшедшее на полицию. Городской голова столицы граф И. И. Толстой записал в дневнике: «Ночью был в Петербурге безобразный скандал: толпа в несколько десятков тысяч человек смела охрану германского посольства, оставленного его жителями <...> и разгромила все здание, выбросив картины, вещи, мебель и стащив с крыши две декоративные статуи. Это последствие допускавшихся все эти дни патриотических манифестаций, принявших несомненно хулиганский вид» [Толстой, 2010. С. 526].

Некоторые же современники вообще считали разгром посольства враждебной державы должным проявлением патриотизма. О настроениях самих погромщиков позволяет судить свидетельство писателя В. В. Розанова, который ранее с восторгом описывал патриотические манифестации. Он вспоминал, что после разгрома здания посольства, около полуночи, несколько сотен торжествующих погромщиков явилось в редакцию газеты «Новое время», известной своей антинемецкой позицией. Явившиеся доставили в редакцию «трофеи» — портреты царя и царицы из немецкой миссии. Можно предположить, что люди, громившие здание германского посольства, предполагали найти среди сотрудников консервативной газеты одобрение. По всей видимости, публикации этого издания они воспринимали как призыв к насильственным действиям. И у некоторых авторов «Нового времени» они действительно нашли если не полную поддержку, то понимание: «Народ не может вести себя, как общество; народ чувствует все непосредственное, живое, горячее; он прямее нас и лучше нас. Но он совершает иногда грубые поступки, которые отнюдь не есть гнусные (избави Боже подумать!) и хулиганские». Разгром посольства был «поступком „в затмении“, но отнюдь не на худой моральной почве и даже не на худой морально-бытовой почве». Действия погромщиков писатель считал доказательством глубинного патриотизма

³⁴ Запрещение манифестаций // Речь. 1914. 24 июля.

«прекрасных людей», ощущавших себя Миниными и Пожарскими [Розанов, 1915. С. 1, 15]. Для автора описанное им особое настроение служило доказательством глубинного и подлинного патриотизма народа, который ощутил ситуацию лучше «рафинированных интеллектуалов». Симптоматично, что Розанов решительно отказывался от определения «хулиганские» для оценки насильственных действий погромщиков.

По всей видимости, Розанов не был одинок в своем отношении к погромщикам. Есть и другие свидетельства того, что разгром посольства приветствовался частью общественного мнения. Так, во время одного представления в столичном театре на экране было показано нетронутое здание немецкого посольства — таким, каким оно было до разгрома. Картина вызвала недоумение публики, встретившей ее шиканьем и свистом. Затем ненавистное здание мигом исчезло, и на экране появилась новая картина с надписью: «То же здание после разгрома». Корреспондент «Нового времени» описал реакцию зрителей так: «Радостное „а-а-а!“ так и пошло по залу, и снимок был встречен громом рукоплесканий»³⁵. Автор заметки, похоже, и сам разделял чувства публики.

Некоторые бытовые инциденты также позволяют судить о том, что разгром посольства вызывал неоднозначную реакцию жителей столицы. В ресторане, носившем еще недавно название «Вена», в паре минут ходьбы от Исаакиевской площади, группа студентов-технологов оживленно обсуждала прошедший накануне разгром здания германского посольства. Один из студентов громко выразил негодование по поводу этого события, заявив, что в толпе участвовали исключительно «хулиганы». Замечание это вызвало негодование сидевшего за соседним столом чиновника в военной форме, оправдывавшего поступок манифестантов. Начался спор, страсти разгорелись, и в конце концов чиновник назвал студента «австрийским шпионом». Студент воспринял это как оскорбление и собирался драться, но товарищи его удержали. По требованию публики студент был удален из ресторана³⁶. Показательно использование участниками конфликта слов «хулиганы» и «шпион», а также их возмущенная реакция. Можно предположить, что симпатии посетителей ресторана были на стороне военного чиновника и, возможно, тех погромщиков, которых он оправдывал. Мы не знаем, что думали об этом служащие ресторана, но один из его поваров, 24-летний молодой человек, находился в это время под арестом за участие в разгроме посольства³⁷.

В какой степени события в столице Российской империи были уникальными?

В различных странах толпы людей предпринимали попытки атаковать дипломатические представительства враждебных стран. Не только в России чрезмерный патриотический энтузиазм бросал вызов способности государств поддерживать общественный порядок, «этнофобский „патриотизм“ наблюдался во всех воюющих странах» [Булдаков, Леонтьева, 2015.

³⁵ Патриотический спектакль в Малом театре // Новое время. 1914. 17 августа.

³⁶ Дикие выходки // День. 1914. 24 июля.

³⁷ Протокол показаний // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 188. Л. 138.

С. 282]. Читателям петербургских газет было об этом известно. В то самое время, когда в Санкт-Петербурге погромщики напали на здание немецкой миссии, в Лондоне враждебно настроенная толпа собралась у германского посольства, которое уже было покинуто дипломатами. Возбужденные жители британской столицы свистели, швыряли в здание камни и разбивали окна. Полиции стоило много трудов восстановить порядок. Неделий раньше в Германии, в Штутгарте, во время социалистических демонстраций произошли столкновения с полицией. И там ситуация обострилась ночью, положение в городе представлялось критическим. Квартал, в котором находились иностранные миссии, даже охранялся войсками. На площади перед дворцом в полицейских бросали камни³⁸. Однако ситуация в столице Российской империи все же существенно отличалась от конфликтов в столицах Англии и Вюртемберга. В Санкт-Петербурге полиции не удалось предотвратить погром дипломатической миссии, что не могло не повлиять на репутацию империи.

Разгром посольства был явно на руку германской пропаганде, которая получила лишний и весомый повод для обличения «российского варварства» — излюбленная тема немецкой пропаганды в годы Первой мировой войны. «Речь» справедливо отмечала: «Разгром помещения германского посольства в дипломатических кругах произвел крайне тяжелое впечатление». Посольство Соединенных Штатов Америки, которое после начала военных действий приняло на себя охрану германских подданных и германского имущества в России, выразило протест российскому правительству. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов официально выразил американскому поверенному свои сожаления по поводу происшествия³⁹. Он заявил, что «лично возмущен всем происшедшим, но может оправдать случившееся только тем, что по имеющимся в министерстве сведениям, немцы гораздо раньше нанесли оскорбление представителям России в Германии», и пообещал, что «в дальнейшем ничего подобного допущено не будет»⁴⁰.

Изучение разгрома германского посольства показывает, что патриотическая мобилизация в начале Первой мировой войны была не только ресурсом власти, но и источником серьезной опасности. Государство стремилось использовать патриотический подъем как доказательство единения общества перед лицом внешнего врага, однако оказалось не способно полностью контролировать формы, которые принимало это чувство.

Современный исследователь Эрик Лор справедливо заметил, что «с самого начала войны государство столкнулось с определенной дилеммой. Оно желало поощрить патриотические манифестации и выражения воинственного энтузиазма, но при этом так же необходимо было поддерживать порядок»

³⁸ Энтузиазм в Англии // Петербургский курьер. 1914. 24 июля; Антинемецкие демонстрации в Англии // Там же; Социалистическая демонстрация // Голос Руси. 1914. 17 (30) июля.

³⁹ Протест против разгрома германского посольства // Петербургский курьер. 1914. 24 июля; К разгрому германского посольства // Речь. 1914. 24 июля.

⁴⁰ Протест против погрома // Московский листок. 1914. 24 июля.

[Лор, 2012. С. 23]. В сложной ситуации начинающейся мировой войны лояльность могла оборачиваться протестом, а патриотические чувства — вызывать разрушительную агрессию.

Этот случай позволяет понять пределы и опасности манипулирования патриотическим дискурсом. Одним из ключевых механизмов радикализации стала пресса. Газеты не просто информировали о развитии Июльского кризиса, но и эмоционально интерпретировали события, формируя образ Германии как главного виновника войны и источника угрозы. Сообщения о насилии над русскими в Германии, оскорблениях дипломатов усиливали ощущение национального унижения.

В результате толпа воспринимала свои действия как возмездие, одобряемое в контексте патриотического дискурса. И после разгрома некоторые газеты рационализировали насилие, придавая ему видимость необходимости. Пересказ слухов о найденном оружии, прокламациях или средствах связи превращали погромщиков в глазах части общества не в преступников, а в людей, раскрывших вражеский заговор.

Важную роль сыграла и позиция властей. Патриотические манифестации допускались, пока они укладывались в рамки лояльного выражения чувств: шествия, гимны, флаги, демонстрация поддержки Сербии, царя и армии. Однако именно это допущение создавало пространство для дальнейшей эскалации. Власти допускали относительную свободу шествий, пытаясь при этом провести границу между «правильным» патриотизмом и недопустимым насилием. На практике эта граница оказалась неустойчивой, участники манифестаций постоянно проверяли пределы допустимого.

Общественная мобилизация развивалась как стихийный, но не полностью случайный процесс. Центрами притяжения становились редакции газет, места вывешивания телеграмм, посольства Сербии, Австро-Венгрии и Германии. Толпа двигалась по городу, ориентируясь на символические точки конфликта. Поэтому насилие оказалось направлено именно на германское посольство. Оно воспринималось не просто как здание дипломатической миссии, а как зримый символ врага в центре столицы. Разрушение здания, сбрасывание германского орла и статуй Диоскуров, установка российского флага и уничтожение портретов превращали погром в политический ритуал. Толпа очищала городское пространство от знаков врага и одновременно демонстрировала верность России и монархии.

Исследование антинемецкого погрома позволяет уточнить подход к изучению патриотической мобилизации в 1914 г. Важно учитывать механизмы, через которые патриотическое чувство превращалось в действие, взаимодействие официальных ожиданий лояльности, газетной риторики, слухов, эмоциональных реакций горожан, социального состава толпы и символической топографии столицы. Особое значение имел вопрос контроля. Власть могла поощрять патриотические манифестации, но не могла заранее определить их содержание, маршруты и пределы допустимого действия. Именно поэтому изучение подобных эпизодов позволяет увидеть не только степень поддержки войны, но и внутреннюю неустойчивость лояльности государству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Врангель Н. Н. Дни скорби: Дневник 1914–1915 гг. / сост. и комм. А. А. Мурашева. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 2001. 319 с.

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин: Слово, 1924. 399 с.

Кафафов К. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 79–95.

Реден Н. Сквозь ад русской революции: воспоминания гардемарина, 1914–1919 / [пер. с англ. Л. А. Игоревского]. М.: Центрполиграф, 2006. 287 с.

Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Петроград, 1915. 236 с.

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. 719 с.

Толстой И. И. Дневник: в 2 т. Т. II. 1910–1916 гг. / [сост. Б. В. Ананьич]. СПб.: Лики России, 2010. 950 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенов В. Б. «Патриотизм-1914»: от историографических противоречий к поиску психологической структуры // Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 232–252. DOI 10.31754/2409-6105-2018-3

Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.

Булдаков В. П. Август 1914-го: природа «патриотических» настроений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 4. С. 4–22.

Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.

Колоницкий Б. И., Годунов К. В., Тарасов К. А. Революция или хулиганство? Уличное насилие в Петербурге в июле 1914 года в интерпретациях современников // Новое литературное обозрение. 2024. № 5 (189). С. 154–169.

Корнуолл М. Гражданский патриотизм и боевой дух в Австро-Венгрии военного времени: методы оценки // Культуры патриотизма в период Первой мировой войны / под ред. К. А. Тарасова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 69–92.

Котов Б. С. Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 710 с.

Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.

Поршнева О. С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–199.

Румянцев А. Г. Разгром германского посольства в июле 1914 года — мифы и реальность // Петербургские военно-исторические чтения: межвузовская научная конференция (20 марта 2015 г.): сб. науч. ст. / отв. ред. А. Б. Николаев. СПб.: РГТУ им. А. И. Герцена, 2016. С. 67–77.

Becker J.-J. 1914: comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977. 641 p.

Cronier E. The Street // Capital Cities at War: Paris, London, Berlin, 1914–1919. Vol. 2: A Cultural History / ed. by J. Winter, J.-L. Robert. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. P. 57–104.

Ferro M. The Great War, 1914–1918. London, 1973. 267 p.

Morelon C. Streetscapes of War and Revolution: Prague, 1914–1920. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 340 p.

Verhey J. The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 284 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КОЛОНИЦКИЙ БОРИС ИВАНОВИЧ, доктор исторических наук, профессор, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, boris_i_kol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-170X>, Scopus Author ID: 25625139000, WoS ResearcherID: E-7279-2015, SPIN-код автора: 6397-3997.

ГОДУНОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ, кандидат исторических наук, исследователь Европейского университета в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Россия, kostyagodunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1253-3886>, SPIN-код автора: 1424-0263.

ТАРАСОВ КОНСТАНТИН АНДРЕЕВИЧ, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия, katarasov1917@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8350-8170>, SPIN-код автора: 8023-3312.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.

THE DESTRUCTION OF THE GERMAN EMBASSY IN SAINT PETERSBURG IN THE SUMMER OF 1914 AND THE LIMITS OF PATRIOTIC MOBILIZATION AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

BORIS I. KOLONITSKII

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

boris_i_kol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-170X>

KONSTANTIN V. GODUNOV

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

kostyagodunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1253-3886>

KONSTANTIN A. TARASOV

Independent Researcher, Saint Petersburg, Russia

katarasov1917@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8350-8170>

Abstract. The article examines the destruction of the German Embassy building, a notably conspicuous yet understudied episode of urban violence at the outset of the First World War. It reconstructs the sequence of events and analyzes the rhetoric employed by various contemporary actors to interpret and assess the incident. The findings demonstrate that significant risks constrained attempts to manipulate patriotic discourse, as authorities recognized that patriotic outrage could not be entirely controlled. Within the complex context of the nascent global conflict, protest could evolve into expressions of loyalty, while displays of loyalty had the potential to transform into destructive acts of aggression.

Keywords: First World War, patriotic mobilization, urban violence.

For citation: Kolonitskii B. I., Godunov K. V., Tarasov K. A. The Destruction of the German Embassy in Saint Petersburg in the Summer of 1914 and the Limits of Patriotic Mobilization at the Beginning of the First World War. *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 80–98. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-80-98

REFERENCES

Aksenov V. B. «Patriotizm-1914»: ot istoriograficheskikh protivorechii k poisku psikhologicheskoi struktury [“Patriotism-1914”: From Historiographical Controversy to the Search for a Psychological Structure]. *Historical Expertise*, 2018, no. 3, pp. 232–252. (In Russ.). DOI: 10.31754/2409-6105-2018-3

Aksenov V. B. Slukhi, obrazy, emotsii: massovye nastroyeniya rossiyan v gody voiny i revolyutsii, 1914–1918 [Rumors, Images, Emotions: Mass Moods of Russians during the War and Revolution, 1914–1918]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 992 p. (In Russ.).

Becker J.-J. 1914: comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977, 641 p.

Buldakov V. P. Avgust 1914-go: priroda «patrioticheskikh» nastroenii [August 1914: The Nature of “Patriotic” Tempers]. *Vestnik of Tver State University. Series: History*, 2014, no. 4, pp. 4–22. (In Russ.).

Buldakov V. P., Leont'eva T. G. Voina, porodivshaya revolyutsiyu: Rossiya, 1914–1917 gg. [The War That Spawned the Revolution: Russia, 1914–1917]. Moscow, Novyi khronograf, 2015, 720 p. (In Russ.).

Cornwall M. Grazhdanskii patriotizm i boevoi dukh v Avstro-Vengrii voennogo vremeni: metody otsenki [Civil Patriotism and Morale in Wartime Austria-Hungary: Methods of Assessment]. In: *Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny* [Cultures of Patriotism during the First World War] / ed. K. A. Tarasov. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020, pp. 69–92. (In Russ.).

Cronier E. The Street. In: *Capital Cities at War: Paris, London, Berlin, 1914–1919. Vol. 2: A Cultural History* / ed. by J. Winter, J.-L. Robert. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2007, pp. 57–104.

Ferro M. The Great War, 1914–1918. London, 1973, 267 p.

Kolonitskiy B. I., Godunov K. V., Tarasov K. A. Revolyutsiya ili khuliganstvo? Ulichnoe nasilie v Peterburge v iyule 1914 goda v interpretatsiyakh sovremennikov [Revolution or Hooliganism? Contemporaries' Interpretations of St. Petersburg Street Violence in July 1914]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2024, no. 5 (189), pp. 154–169. (In Russ.).

Kotov B. S. Obrazy Germanii i Avstro-Vengrii v rossiiskoi presse nakanune Pervoi mirovoi voiny. 1912–1914 gg. [Images of Germany and Austria-Hungary in the Russian Press on the Eve of the First World War. 1912–1914]. Diss. Cand. Hist. Sci. Moscow, 2014, 710 p. (In Russ.).

Lor E. Russkii natsionalizm i Rossiiskaya imperiya: kampaniya protiv «vrazheskikh poddannyykh» v gody Pervoi mirovoi voiny [Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during the First World War]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 304 p. (In Russ.).

Morelon C. Streetscapes of War and Revolution: Prague, 1914–1920. Cambridge, Cambridge University Press, 2024, 340 p.

Porshneva O. S. «Nastroenie 1914 goda» v Rossii kak fenomen istorii i istoriografii [“The Mood of 1914” in Russia as a Historic and Historiographic Phenomenon]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2010, no. 2, pp. 185–199. (In Russ.).

Rumyantsev A. G. Razгром германского посольства в июле 1914 года — мифы и реальность [The Destruction of the German Embassy in July 1914 — Myths and Reality]. *Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya: mezhvuzovskaya nauchnaya konferentsiya* (20 marta 2015 g.) [St. Petersburg Military-Historical Readings: Interuniversity Scientific Conference (March 20, 2015)] / ed. A. B. Nikolaev. St. Petersburg, RGGU im. A. I. Gertsena, 2016, pp. 67–77. (In Russ.).

Verhey J. The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, 284 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

BORIS I. KOLONITSKII, Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the European University at St. Petersburg, Leading Research Fellow at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, boris_i_kol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-170X>, Scopus Author ID: 25625139000, WoS ResearcherID: E-7279-2015, SPIN-code: 6397-3997.

KONSTANTIN V. GODUNOV, Candidate of Sciences (History), Researcher of the European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, kostyagodunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1253-3886>, SPIN-code: 1424-0263.

KONSTANTIN A. TARASOV, Candidate of Sciences (History), Independent Researcher, St. Petersburg, Russia, katarasov1917@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8350-8170>, SPIN-code: 8023-3312.

The article was submitted on 30.04.2026; approved after reviewing on 22.05.2026; accepted for publication on 25.05.2026.

«ИЩУ ПРАВДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ НА ПОЧВЕ ФАКТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ»: БОРЬБА Н. П. ПЕТРОВА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ (1929–1931)

АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА КОЖАЕВА

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

a.kozhaeva18@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2745-1365>

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструировать персональную стратегию борьбы Николая Петровича Петрова за восстановление в избирательных правах, которых он был лишен в 1926 г. На основе материалов личного дела Н. П. Петрова проанализировано восприятие «лишенцем» социально-правовой дискриминации. В ходе исследования сделан вывод, что «лишенец» не только не отрицал свою прошлую деятельность, ставшую основанием для дискриминации, но стремился переосмыслить ее в духе борьбы за интересы трудящихся. В ходатайствах, адресованных в различные инстанции, Н. П. Петров использовал приемы политической мимикрии: ссылаясь на авторитетных лидеров, использовал лексику пропаганды и вписывал свою биографию в жизнь постреволюционного социума. Особое место в аргументации автора занимало обращение к чувствам членов избирательных комиссий и критика бюрократического аппарата.

Ключевые слова: «лишенцы», социально-правовая дискриминация, маргинальность, письма во власть, Томск, Якутская область, Иркутская губерния, СССР.

Для цитирования: Кожеева А. А. «Ищу правды и справедливости на почве фактов исторического значения»: борьба Н. П. Петрова за восстановление в избирательных правах (1929–1931) // *Universum Humanitarium*. 2026. № 1. С. 99–121. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-99-121

10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом советов была принята Конституция РСФСР, нормативно оформившая результаты первых государственных преобразований советской власти. Основным законом определил принципы общественного устройства и государственного управления, исходя из большевистской идеологии. Отдельные положения Конституции привели к созданию принципиально новой системы социальной иерархии, предполагающей разделение общества на две группы: «трудящиеся» и «нетрудящиеся». К первой в соответствии с 64-й статьей относились все граждане, которые добывали «средства к жизни производительным и общественно полезным

трудом» [Конституции и конституционные акты, 1940. С. 28]. В следующей статье Конституции были перечислены категории лиц, которые не относились к «трудящимся» и по этой причине подлежали лишению избирательных прав¹.

Дискриминационная политика советского государства в электоральной сфере с самого начала ее реализации рассматривалась советскими историками и правоведами через призму «классового подхода», в рамках которого лишение избирательных прав части населения трактовалось как закономерный и необходимый этап строительства социализма. При этом категории «лишенцев» изучались фрагментарно, а их образ наделялся исключительно негативными чертами [Владимирский, 1921; Гурвич, 1923; Бродович, 1925; Морозов, 1960; Филимонов, 1960; Ким, 1965; Ивницкий, 1972; и др.]. С начала 1990-х годов в связи с отказом от прежней марксистской трактовки и появлением возможности работать с ранее засекреченными архивными документами проблематика «лишенчества» стала предметом специальных исследований². Постсоветские историки реконструировали нормативно-правовые основы и механизмы реализации этой политики [Саламатова, 2002, 2018; Валуев, 2012; и др.], а также проанализировали положение отдельных категорий «лишенцев» [Москаленская, 2013; Килин, 2018, 2021; Петин, 2023]. Значимый вклад в историографию указанной проблематики внесли иностранные авторы [Kimerling, 1982; Moine, 2001; Alexopoulos, 2003]. Однако, несмотря на детальное изучение институциональных основ кампании по лишению избирательных прав, все еще ощущается недостаток исследований, посвященных реконструкции персонального опыта граждан, исключенных из избирательной системы советского государства. Обращение к анализу личных дел «лишенцев» позволит выявить индивидуальные стратегии борьбы граждан за восстановление в правах и варианты взаимодействия дискриминированных с властью.

С методологической точки зрения для анализа этого взаимодействия представляется необходимым учитывать концепцию социального доминирования, предложенную современными американскими исследователями социальной психологии Ф. Пратто, Д. Сиданиусом и др. В соответствии с ней превосходство одной социальной группы над другой обуславливается содержанием легитимирующих мифов: патерналистским (гегемония необходима для контроля за меньшинством), взаимовыгодным (в доминировании

¹ Законодательно закреплялось семь категорий лиц, лишенных избирательных прав: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором [Конституции и конституционные акты, 1940. С. 29].

² См. подробнее: [Кожеева, 2024].

нуждаются и господствующие, и угнетаемые группы) или сакральным (реге-мония оправдывается какой-либо сакральной идеей) [Pratto, Sidanius, Livin, 2006. Р. 275–276]. Каждая категория мифов, как по отдельности, так и в совокупности с другими, используется властью или социумом для оправдания того, что неравенство справедливо, законно, естественно и не противоречит нормам морали [Pratto, Sidanius, Livin, 2006. Р. 276]. Привилегированное положение одной группы через механизмы позитивной дискриминации автоматически приводит к ущемлению прав прочих. Данная концепция позволяет интерпретировать кампанию по лишению избирательных прав части после-революционного советского социума как результат одновременного действия патерналистского мифа, требовавшего очистки общества от «чуждых» групп населения, и сакральной идеи, возвышающей группу «трудящихся» над «нетрудящимся» населением.

Методы осуществления и идеологический подтекст кампании «лишенчества», продолжавшейся с 1918 по 1936 г., трансформировались государством в соответствии с его собственными целями. Первоначально различные ограничения в жизни «лишенцев» объяснялись необходимостью борьбы с пережитками дореволюционного строя или так называемыми «бывшими»: «эксплуататорами», жандармами, чиновниками, торговцами и пр. Однако с середины 1920-х годов к «лишенцам» стали чаще относить представителей постреволюционного социума: членов семей «лишенцев», чье положение определялось не личными поступками, а родством с главой семьи, «новых» «эксплуататоров» и торговцев, не занимавшихся такого рода деятельностью до революции, однако вынужденные обратиться к ней в советское время и пр. Дискриминация врагов в советской идеологической системе приобретала форму нормативного ресентимента. Власть, управляя образом врага в общественном сознании, предлагала психологическую компенсацию трудящемуся населению, терпящему после революции различные тяготы. Неудовлетворенность населения вследствие повседневных проблем (безработица, низкий уровень жизни) компенсировалась чувством превосходства над «нетрудящимися» категориями граждан, у которых жизнь оказывалась еще труднее, а несовершенства советской политической системы объяснялись постоянным наличием «врагов», тормозящим развитие страны. Таким образом, государство было заинтересованно в постоянном пополнении списка «лишенцев» и введении для них различных ограничений.

Для соблюдения действующего законодательства и создания видимости социальной справедливости с 1922 г. партийно-советское руководство предусмотрело процедуру апелляций и восстановления в избирательных правах тех, кто необоснованно подвергся ограничениям. Первоначально указанная процедура носила упрощенный характер [Саламатова, 2018. С. 111–118]. Обстоятельно и подробно порядок восстановления в правах впервые был прописан в Инструкции о выборах в советы, принятой президиумом ЦИК СССР 28 сентября 1926 г. В соответствии с ней человек, желавший избавиться от дискриминационного статуса, мог подать ходатайство о восстановлении в избирательных правах в местный совет (сельский, районный или городской),

который формулировал свое заключение и передавал документы в соответствующую избирательную комиссию [СУ РСФСР, 1926. С. 891–892].

Ходатайства «лишенцев»³ — комплексный источник, выполняющий одновременно документальную и нарративную функции. С одной стороны, они создавались с конкретной делопроизводственной целью — инициировать процедуру восстановления в избирательных правах. С другой — данные источники содержат подробные описания биографий «лишенцев» и обладают всеми признаками, присущими эго-документам: субъективность, ретроспективность, экспрессивность и пр. В отношении «лишенца», подавшего ходатайство, формировалось личное дело. При отказе в восстановлении заявитель имел право подать в ту же или вышестоящие комиссии повторную апелляцию, которая после рассмотрения также подшивалась в его личное дело.

Личные дела «лишенцев» хранятся в фонде Всероссийской центральной избирательной комиссии (А-5248), отложившемся в Государственном архиве Российской Федерации, а также в фондах сельских, городских, районных, областных, окружных и краевых советов большинства региональных архивов России. В процессе многократных проверок и уточнений документы могли оставаться в одной из инстанций, не возвращаясь по месту жительства «лишенца». По своему составу личное дело «лишенца» представляет группу различных документальных источников, которые собирались как самими «лишенцами», так и избирательными комиссиями разных уровней. В соответствии с избирательной инструкцией 1926 г. для восстановления в правах «лишенцы» должны были не только прекратить прежнюю деятельность, но не менее пяти лет заниматься общественно полезным трудом, а также доказать лояльность советской власти [СУ РСФСР, 1926. С. 891–892]. В связи с этим в ходатайствах «лишенцы» описывали свой профессиональный опыт, который, по их мнению, мог стать основанием к восстановлению, нередко подтверждая собственные аргументы документальными свидетельствами: справками с мест работы, трудовыми списками и пр. Избирательная комиссия, рассматривавшая дело, также могла приобщать к нему те или иные документы. Поэтому в личных делах нередко встречаются справки от «свидетелей» (односельчан или соседей) с характеристикой «лишенца».

Таким образом, в федеральном и региональных архивах России хранятся сотни тысяч личных дел «лишенцев», содержащих сведения о судьбах представителей самых разных социальных, национальных и профессиональных групп советского населения. Главное, что объединяет авторов ходатайств — стремление добиться восстановления в правах. В связи с обозначенным контекстом представляется важным выяснить, как сами «лишенцы» понимали

³ Термин «ходатайство» является собирательным названием для различных видов однотипных документов: заявлений, жалоб, автобиографий и ходатайств «лишенцев». Авторы ходатайств сами определяли название своего документа, и это наименование никак не влияло на его содержание, поэтому для удобства в настоящей статье используется обобщенный термин.

В Сибирскую Краевую комиссию по делам от
избирательного законодательства.
г. Николай Петрович Петров, жител
г. Томск пр. Водного д. 88 кв. 2?
Заявление.

Я получил уведомление, что постановлением Томской Окружной
Комиссии от 12.5.30 мне в просьбе о восстановлении в избира-
тельных правах отказано и что я остаюсь в списках лишнен-
цев. Такой просбы я не подавал, и в списках лишненцев не
составлял. Составили же на меня карточки, как на лишненца по
единоличному расторжению пом. Начальника Удм. Отдела М.
Догосва считаю незаконным. (приложение №1)

В связи с делом мое избир. пр. Неполнота получено и мне было
написано жител в комиссию в городе 10 мая.

Судя по составу членов комиссии допущено под председа-
тельством Догосва (он же допущен к делу) в заключение,
что заявление объединенное Н. Комиссии т. Догосва и вторичной
и потому подаю заявление о разрешении вопроса: заслуживаю
ли я внесения имен в списки лишненцев? Но давлением
до т. Догосва не удалось мне возвратиться с резолюцией:
принять за основу от 16.5. (заявление с фотографией прилагаю).

Прошу принять во внимание, что за 12 лет со дня издания
конституции ни одна организация имени избирательных
прав не имела, как состоявшего сотрудником Советской
власти и члена его же служащих в 1918. подать прошение
имени Н. Комиссии утратившим трудоспособность
ко введению труда, а следовательно и к участию в выборах
и общегосударственной деятельности.

Все документы своей полевой службе при Варшавском
наполеон трудного народа я с полнотой откровенности
предложил революционной власти еще в 1924. при удачном
о познании мне социального обеспечения, и последнее мне
присуждено было комиссией Томск. Уд. Отдела в составе членов Ч.

Илл. 1. Заявление
Н. П. Петрова
в Сибирскую краевую
избирательную
комиссию от 20 мая
1930 г.

Источник: ГАО. Ф. Р-430.
Оп. 3. Д. 2401. Л. 2

Fig. 1. N. P. Petrov's
petition to the
Siberian Krai Election
Commission, dated May
20, 1930

Source: State Archive of
Tomsk Oblast. Collection
R-430. Inventory 3. File 2401.
Sheet 2

свой дискриминационный статус и какие стратегии использовали для интеграции в раннесоветский социум.

В огромном массиве архивных документов особое внимание привлекает личное дело Николая Петровича Петрова, который был лишен избирательных прав в 1926 г. как бывший служащий полиции и тюремных ведомств⁴. С января 1929-го по май 1931 г., находясь в г. Томске, Н. П. Петров написал восемь

⁴ Категория «к» в 16-й статье Инструкции о выборах в советы 1926 г. [СУ РСФСР. 1926. С. 891].

ходатайств о восстановлении в избирательных правах⁵, каждое из которых представляет собой многостраничный нарратив, направленный на доказательство своей лояльности к советской власти (илл. 1). На момент написания первого заявления Николаю Петровичу было 72 года. Его личное дело, хранящееся в Государственном архиве Томской области⁶, состоит из 190 листов, что является нетипичным: как правило, личные дела «лишенцев» не превышают 20–30 листов.

Цель настоящей статьи заключается в реконструкции стратегии борьбы Н. П. Петрова как представителя «бывших» за восстановление в избирательных правах. Несмотря на то, что судьба одного человека не может объяснить все сложности создания и функционирования института «лишенчества», личное дело Н. П. Петрова дает возможность проанализировать эмоциональное восприятие автором своего дискриминационного положения. Информационная насыщенность источника позволяет детально проследить динамику аргументации заявителя и используемые им тактики, направленные на достижение положительного результата. Обращение к персональному делу позволит выявить, в какой мере ходатайства о восстановлении в правах отражают стратегии адаптации «лишенца» к условиям социально-правовой дискриминации. Под стратегией в рамках настоящего исследования понимается система аргументации, направленная на убеждение членов избирательных комиссий.

Написанные в разное время и в разные инстанции, ходатайства Н. П. Петрова имеют схожую структуру. Сопоставление текстов позволяет выделить в них следующие тематические блоки:

- информация о лишении избирательных прав (описание условий и официальной причины включения в списки «лишенцев», а также их авторская оценка);
- биографические сведения, относящиеся ко времени до лишения избирательных прав (социальное происхождение автора, описание полученного образования, объяснения причин занятия прошлой деятельностью, описание трудового опыта и стажа);
- сведения о заслугах автора перед советской властью и советским социумом;
- элементы советских идеологических конструкторов (ссылка на авторитеты, памятные события для советского общества);

⁵ Перечень ходатайств Н. П. Петрова по хронологии: Ходатайство в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 28–36; Заявление в Сибирский краевой исполнительный комитет Советов от 29 сентября 1929 г. // Там же. Л. 14; Заявление в Президиум ВЦИК от 12 октября 1929 г. // Там же. Л. 164–166; Заявление в Сибирский краевой исполнительный комитет Советов от 16 ноября 1929 г. // Там же. Л. 8–9, 11; Ходатайство Н. П. Петрова во Всероссийскую центральную избирательную комиссию от 22 января 1930 г. // Там же. Л. 17–19; Заявление прокурору Сибирского края от 14 апреля 1930 г. // Там же. Л. 12; Заявление в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 20 мая 1930 г. // Там же. Л. 2, 6; Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 168–178.

⁶ ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401.

- характеристика жизни в настоящем (описание правовых ограничений, жалобы на процесс разбирательства дела и пр.).

Предложенная группировка тематических блоков представляет собой исследовательскую конструкцию, направленную на систематизацию разрозненных высказываний Н. П. Петрова. В текстах автора указанные блоки могли располагаться в ином порядке, однако информация, приведенная автором, в каждом из тематических блоков должна была по-своему убедить адресата в несправедливости лишения его избирательных прав.

При этом семь из восьми ходатайств Н. П. Петрова начинались с главной для их автора проблемы — обстоятельств лишения его избирательных прав. Описание причин дискриминации являлось распространенной практикой «лишенцев», желающих оспорить правомерность решений избирательных комиссий. Неординарность ситуации Н. П. Петрова заключалась в том, что к ограничению в правах, по всей видимости, привела бюрократическая процедура оформления полагавшейся ему пенсии по утрате трудоспособности. В ходе проверки поданных документов выявились сведения о дореволюционной службе Николая Петровича, которые стали основанием не только для отказа в пенсионном обеспечении, но и для лишения его избирательных прав. Причем узнал он о своем новом статусе с нарушением процессуальных норм: «Я получил извещение, что постановлением Томской Окружной Комиссии⁷ от 12 V с[его] г[ода] № 9 мне в просьбе о восстановлении в избирательных правах отказано и что я оставлен в списках лишенцев. Такой просьбы я не подавал и в списках лишенцев не состоял»⁸. Автор отмечал, что извещение об отказе в восстановлении было первым документом, который он получил по поводу своей дискриминации. Решение о лишении прав стало для него неожиданностью: «я на старости лет за службу по полиции у крестьян и рабочих бездоказательно лишен своего трудового куска хлеба, бездумно и признан лишенцем»⁹.

Н. П. Петров не соглашался с основаниями для лишения его избирательных прав по ряду причин. Прежде всего, он считал незаконным применение к нему норм избирательной инструкции 1926 г.: «закон [19]26 г. о лишении прав гражданства к делу[,] возникшему в [19]24 г. неприменим, а я жаловался на отказ в пенсии именно в [19]24 г., когда закона [19]26 г. не существовало»¹⁰. Делая акцент на том, что закон не должен иметь обратной силы, автор в то же время указывал: «закон не мог иметь применения к делу[,] возникшему в 1924 г., когда не существовало даже понятия о лишенцах»¹¹. Последнее

⁷ Здесь и далее в цитатах сохранена орфография и пунктуация Н. П. Петрова. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

⁸ Заявление в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 20 мая 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 2.

⁹ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 175 об.

¹⁰ Ходатайство Н. П. Петрова во Всероссийскую центральную избирательную комиссию от 22 января 1930 г. // Там же. Л. 18 об.

¹¹ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 173.

утверждение выглядит, на первый взгляд, странно: из ходатайств Н. П. Петрова известно, что ко времени их составления он имел многолетний юридический стаж, а значит, должен был знать, что практика лишения избирательных прав существовала со времени принятия Конституции РСФСР 1918 г. Скорее всего приведенная цитата являлась намеренным риторическим преувеличением.

Таблица 1

Table 1

ЧИСЛО И ПРОЦЕНТ «ЛИШЕНЦЕВ» В РСФСР (1922–1931)*
NUMBER AND PERCENTAGE OF LISHENTSY (DISENFRANCHISED
CITIZENS) IN THE RSFSR (1922–1931)

Избирательная кампания¹²	Число «лишенцев», чел.	Процент «лишенцев» от числа совершеннолетних граждан, %
1922–1923 гг.	данные отсутствуют	1,4
1923–1924 гг.	данные отсутствуют	1,4
1924–1925 гг.	541 000	1,3
1925–1926 гг.	631 097	1,4
1926–1927 гг.	1 902 703	3,9
1928–1929 гг.	2 433 390	4,5
1929–1930 гг.	данные отсутствуют	3,9
1930–1931 гг.	1 936 638	3,3

* Составлено по: [Выборы в советы, 1926; Выборы в советы, 1928; Итоги выборов, 1929. Вып. I; Итоги выборов, 1929. Вып. II; Выборы в городские советы, 1930; О перевыборах советов, 1931].

До начала 1926 г. доля «лишенцев» среди совершеннолетних граждан РСФСР не превышала 1,5 % (табл. 1). Значительное ужесточение избирательного законодательства и связанное с ним увеличение числа «лишенцев» стали реакцией высшего партийно-советского руководства на наметившуюся в 1925 г. тенденцию к ослаблению позиций коммунистов в советах разных уровней. Вероятно, говоря об отсутствии «понятия о лишенцах», Н. П. Петров имел в виду то, что до 1926 г. кампания по лишению прав не носила массового характера и редко приводила к реальным ограничениям. Для автора, который до этого служил в советских учреждениях, такая внезапная радикализация в практике реализации указанной нормы представлялась недопустимой

¹² Сводная электоральная статистика составлялась не по календарным годам, а по избирательным кампаниям и охватывала обычно период с осени одного года до весны следующего. Поэтому статистика в таблице приведена не за конкретный год, а по избирательным кампаниям. Кроме того, на основе данных, представленных в сборниках, невозможно установить сведения об абсолютном числе «лишенцев» в избирательных кампаниях 1922–1923 гг., 1923–1924 гг., 1929–1930 гг., поэтому в таблице приведены только проценты, указанные составителями сборников. В таблице отсутствует статистика избирательной кампании осени 1927 г. — весны 1928 г., так как в указанный период выборы / перевыборы не проводились.

и воспринималась как нарушение закона. Он настаивал на том, что лишение его избирательных прав стало результатом произвола конкретных лиц и учреждений: начальника административного отдела г. Томска «товарища Рогачева»¹³, городской и окружной избирательных комиссий¹⁴.

Центральное место в стратегии Николая Петровича занимало описание собственной биографии до лишения его избирательных прав. Обращение к фактам прошлого было обусловлено несогласием автора с оценкой его до-революционной деятельности как преступной и стремлением показать свою приверженность советским идеалам.

Н. П. Петров родился в 1857 г. В своих ходатайствах он писал, что, являясь сыном канцелярского служащего, с самого рождения был связан с рабоче-крестьянским населением страны: «по происхождению я сын канцелярского служащего из податного сословия, значит из пролетарского»¹⁵. После смерти отца, будучи двухлетним ребенком, Н. П. Петров вместе с братьями остался на попечении матери. Вспоминая этот период своей жизни, он делал акцент на том, что «все испытывали нищету, голод и холод»¹⁶. Описание тяжелого детства присутствует в его ходатайствах неслучайно. Лишение избирательных прав части советского населения с позиции идеологии объяснялось необходимостью борьбы с различного рода «эксплуататорами», считавшимися пережитками сословной структуры. После издания Конституции РСФСР 1918 г. отдельные ее положения разъяснялись населению в специально подготовленных брошюрах. В одном из таких изданий большевик Н. П. Глебов-Авиллов объяснял отсутствие всеобщего избирательного права интересами всех трудящихся: «Рабочие и крестьяне взяли власть не для того, чтобы делить ее с буржуями и кулаками» [Глебов-Авиллов, 1918. С. 11]. Действуя в этой логике, «лишенцы» в своих ходатайствах старались по возможности сослаться на пролетарское происхождение, чтобы убедить адресата в своей «классовой близости» новому режиму. Так и Петров, сообщая про «свое происхождение из трудовой среды пролетарского типа»¹⁷, пытался доказать, что несмотря на отдельные эпизоды в его биографии, по социальному происхождению он не может являться выходцем из «чуждых» групп населения, а значит, как представитель трудового народа, не должен подвергаться ограничениям.

Дальнейшее развитие образа «человека из народа» в ходатайствах происходило за счет упоминания о получении образования в Иркутской военной прогимназии¹⁸ и через описание начального этапа трудовой деятельности. «По несправедливым царским законам, дети канцеляр[ских] служит[елей]

¹³ Инициалы Рогачева не указаны в ходатайствах.

¹⁴ Заявление в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 20 мая 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 2.

¹⁵ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 174.

¹⁶ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // Там же. Л. 35 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 174.

считались податного сословия и потому мне пришлось служить более 8 лет, тогда как мои сверстники, из дворянских детей, имели за это время по 2 чина. Значит я эксплуатировался за счет их повышения», — убеждал Н. П. Петров Президиум ВЦИК¹⁹. Свою карьеру он начал в конце 1870-х годов в Иркутском губернском суде, где работал «без жалования» для того, чтобы, как выходцу из податного сословия, претендовать на получение чинов по службе. Спустя 4,5 года он перешел в земскую полицию на должность секретаря и только там, наконец, начал продвижение по службе.

В 1880-х годах Н. П. Петров служил земским заседателем в Иркутской губернии, сочетая функции судебного следователя и мирового посредника. К 1890-м годам его деятельность была сосредоточена в тюремном ведомстве — он стал помощником иркутского губернского тюремного инспектора. Это подтверждается информацией из «Адрес-календаря личного состава служащих в учреждениях г. Иркутска» за 1897 г., в котором Н. П. Петров в чине титулярного советника упоминался в качестве помощника губернского тюремного инспектора, статского советника А. П. Сипягина²⁰ [Адрес-календарь, 1897. С. 68]. В 1904 г. Николай Петрович был назначен Витимским горным исправником, в его задачи входило выполнение административно-полицейских функций и осуществление надзора за соблюдением порядка на золотых приисках²¹. Накануне революционных событий 1917 г. Н. П. Петров состоял советником в областном управлении Якутской области и имел высокий гражданский чин статского советника (5-й класс в Табели о рангах) [Адрес-календарь, 1916. С. 1307].

В своих ходатайствах Н. П. Петров использовал тактику переакцентирования, обращая внимание адресатов на то, что, даже являясь служащим полицейских и тюремных учреждений, он осуществлял свою деятельность на пользу рабочих и крестьян. Вместо покаяния или отрицания своего прошлого заявитель утверждал, что на протяжении всей своей карьеры являлся союзником эксплуатируемых классов. Для доказательства своей позиции он привел ряд конкретных примеров.

Так, Николай Петрович писал, что в 1880-х годах, управляя в качестве земского заседателя участком с населением численностью 44 тыс. чел., он «по личной инициативе заменил подушную подать, платимую по ревизским сказкам за умерших — раскладкою по признакам доходности т. е. по количеству обрабатываемой земли и по наличности скота», чем вызвал недовольство «деревенских кулаков и мироедов»²². Этот поступок интерпретировался

¹⁹ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 35 об.

²⁰ Александр Петрович Сипягин известен тем, что, являясь тюремным инспектором в Александровском центре, внедрил новшество в систему содержания каторжан. Вместо жестокого обращения с заключенными им предлагали выгодную работу, доход от которой шел на улучшение быта заключенных, а также частично выплачивался при освобождении [См.: Сипягин, 1898; Попов, 1989].

²¹ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 31 об.

²² Там же. Л. 34 об.

Петровым как принятие им стороны неимущего крестьянства. Далее Петров делал акцент на том, что его инициативы постоянно встречали сопротивление чиновников. В частности, резкой критике подвергся в его ходатайствах генерал-губернатор Восточной Сибири А. П. Игнатьев, который выступал против гуманного обращения с крестьянами²³.

Тюремного инспектора А. П. Сипягина Н. П. Петров, напротив, характеризовал как «человека честного, гуманного и твердо преследовавшего идею охраны человеческих прав»²⁴. Описывая его службу, заявитель делал акцент на том, что полностью разделял идеи начальника и помогал в их реализации. Для доказательства близких отношений с инспектором и общности их взглядов с ним Н. П. Петров приложил к одному из своих ходатайств экземпляр книги Сипягина «Несколько слов о настоящем и будущем уголовной ссылки и тюрьмы» с дарственной надписью: «На добрую память многоуважаемому дорогому товарищу и сотруднику от автора. 26/IV 98 г.» (илл. 2).

Важнейшим аргументом, который приводил Н. П. Петров в качестве доказательства своей лояльности советскому режиму, являлись события 1912 г. на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в районе г. Бодайбо, известные как «Ленский расстрел». Несмотря на то, что сам Петров не был участником этих событий, он писал, что был свидетелем назревавшего конфликта задолго до случившегося. Автор утверждал, что еще в 1900 г. открыто критиковал горных исправников за то, что они, получая огромные деньги от золотопромышленников, не защищали интересы рабочих: «я обличал Горных Исправников из любимцев и ставленников Генерал-Губернатора в том, что они, получая от капиталистов по 35 и 40 тысяч [рублей] жалования, смотря по угодливости, являются послушными рабами капитала и как агенты правительства ровно ничего не значат»²⁵.

Свое назначение Витимским горным исправником в 1904 г. Н. П. Петров объяснял собственным «стремление[м] ухватить за руку убийц и вырвать оружие, чтобы устранить осуществление намеченного тогда злодеяния»²⁶. Вскоре после этого на приисках началась забастовка рабочих, являвшаяся, по его мнению, «генеральной репетицией» событий 1912 г. Николай Петрович акцентировал внимание комиссий на том, что оказался «в обстановке полного одиночества в окружении враждебно настроенных приисковых промышленников»²⁷, которые желали подавить забастовку силой. Он утверждал, что смог предотвратить кровопролитие, запретив страже открывать огонь по бастующим: «Накануне состоялось совещание, сопровождавшееся травлею и нападением на меня. Окруж[ной] инж[енер] Левицкий предлагает передать распоряжение стражей ему Левицкому, сказавшись больным, о чем

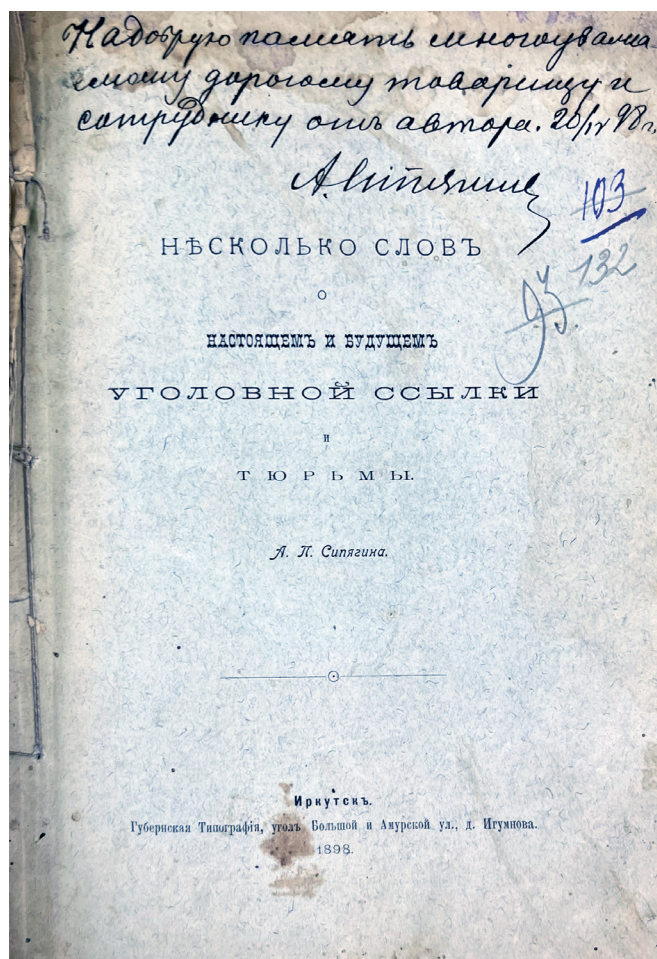
²³ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 174 об.

²⁴ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // Там же. Л. 35.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 30 об.

²⁷ Там же. Л. 31 об.

**Илл. 2. Обложка книги
А. П. Сипягина «Несколько
слов о настоящем и будущем
уголовной ссылки и тюрьмы»
из личного дела Н. П. Петрова**

Источник: ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д.
2401. Л. 132

**Fig. 2. The cover of
A. P. Sipyagin's book "A Few
Words on the Present and
Future of Criminal Exile and
Prison" from the personal file of
N. P. Petrov**

Source: State Archive of Tomsk Oblast.
Collection R-430. Inventory 3. File 2401.
Sheet 132

даже сформулировал постановление, но я спокойно возразил, что не собираюсь оставлять свой пост в критическую минуту и что за отказ от работ нельзя стрелять в людей»²⁸. Этот эпизод из своей жизни автор называет «фактом исторического значения»²⁹, полагая, что трагедия 1912 г. стала возможной только потому, что на его месте оказались люди, которые находились под полным влиянием золотопромышленников.

В 1912 г. Н. П. Петров начал службу в тюремных учреждениях Якутской области. Стремясь документально подтвердить свой личный вклад в улучшение организации труда заключенных, автор приложил к одному из своих ходатайств фотографию, датированную 28 октября 1913 г. (илл. 3). На оборотной стороне имеется недатированная надпись, вероятно, сделанная самим Петровым: «Опыт применения коллективного труда с употреблением

²⁸ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 32.

²⁹ Там же.

Илл. 3. Заключенные Якутской тюрьмы на сельскохозяйственных работах. 28 октября 1913 г.

Источник: ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 188

Fig. 3. Prisoners of the Yakutsk Prison at agricultural works. October 28, 1913

Source: State Archive of Tomsk Oblast. Collection R-430. Inventory 3. File 2401. Sheet 188

сель[ско]хозяйств[енных] машин, при оплате наравне с заработком показал удивительные результаты еще небывалой продукции. Затраты 700 руб. за короткий срок оправданы 6000 рублями [дохода], при наличии 12 лошадей с пользованием машинами и сеянным хлебом, а также фуражем революции 1917 года»³⁰.

Н. П. Петров указывал, что «за службу в отдаленном Якутском крае»³¹ был удостоен ордена Святого Владимира четвертой степени, а в 1917 г. — произведен в чин действительного статского советника (4-й класс в Табели о рангах)³². Получение высших гражданских чинов, которые советская власть рассматривала как «клеймо» прошлого, автор считал доказательством своих заслуг, которые должны цениться в новом обществе: «Далее мне вменяется

³⁰ Вероятно, Н. П. Петров имел в виду, что организованная им система труда заключенных оказалась настолько эффективной, что запасы зерна и кормов для лошадей («фураж») продолжали использоваться и в 1917 г.

³¹ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 177 об.

³² Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // Там же. Л. 35 об.

вину получение мною уже в глубокой старости высшего чина Д. С. С.³³ Между тем по современным понятиям я являюсь лишь выдающимся выдвиженцем из трудовой среды и именно пролетарского типа неимущих людей и всегда существовавших только своим личным трудом»³⁴.

После установления советской власти Н. П. Петров не прекратил трудовую деятельность: с 1918 г. он исполнял обязанности секретаря Ленского совета народных судей, затем последовательно занимал должности секретаря народного суда в г. Олёкминске, секретаря олекминского окружного прокурора, делопроизводителя окружного исполкома по заведыванию земским судом и секретаря олёкминского горсовета³⁵. Необходимо отметить, что Петров не противопоставлял период советской службы своей дореволюционной карьере. Напротив, для него оба этапа являлись частями единого, непрерывного трудового процесса.

К 1924 г. Н. П. Петров, по его собственным словам, потерял «трудоспособности ко всякому труду»³⁶ и ушел на пенсию, получив право на социальное обеспечение по 2-му разряду. В данном случае Петров вероятно ссылается на декрет СНК РСФСР от 8 декабря 1921 г. «О социальном обеспечении инвалидов», статья 2 которого устанавливала шесть категорий инвалидности, служивших основанием для назначения гражданам социальных выплат. Ко второй относились «инвалиды, неспособные ни к какому труду, дающему заработок, но не нуждающиеся в постоянном уходе» [СУ РСФСР, 1944. С. 1092], что вполне соотносится с описанием, приведенным в ходатайствах. Однако обозначенную пенсию Николаю Петровичу получить не удалось, так как в 1926 г. он получил отказ в связи с лишением его избирательных прав. Описание жизни и деятельности Петрова за 1924–1931 гг. в его ходатайствах отсутствует. Вероятно, из-за состояния здоровья в эти годы он проживал на попечении своей дочери — Надежды Николаевны³⁷.

Приведенные Николаем Петровичем в ходатайствах автобиографические сведения позволяют утверждать, что его стратегия включала в себя отрицание преступного характера своих действий в прошлом и попытку переосмыслить свою биографию в духе новой идеологии. Однако автор не надеялся только на оправдание дореволюционного прошлого, но и обращался к собственным заслугам перед социалистическим государством. Он сообщал, что на службу при советской власти был принят с первых дней ее возникновения, тем самым желая показать, что изначально новая власть не видела в нем классового врага, а напротив, использовала его профессиональные компетенции для решения собственных задач. Для доказательства лояльности он

³³ Действительного статского советника.

³⁴ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 35 об.

³⁵ Заявление в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 20 мая 1930 г. // Там же. Л. 2 об.

³⁶ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 177 об.

³⁷ Там же. Л. 178.

также приводил сведения о том, что «находился в [профессиональном] союзе служащих и уплачивал членские взносы»³⁸, а также апеллировал к личным утратам: «На советской службе сошли в могилу мои сын красноармеец и дочь»³⁹ [—] активная работница, преподавательница школы»⁴⁰. Н. П. Петров намеренно делал акцент на том, что потерял детей в процессе их самоотверженного труда на благо советского государства и что его связь с последним закреплена не только собственной службой, но и семейной трагедией. Он считал, что как престарелый родитель, потерявший двоих детей, может рассчитывать на ответную заботу со стороны государства: «за службы которых я с женой вправе пользоваться пенсией»⁴¹.

Используя тактику демонстрации лояльности, Н. П. Петров намеренно использовал в своих ходатайствах элементы советских идеологических конструкций. Его ходатайства отсылали адресатов к значимым для новой власти событиям: «Сегодня день смерти В. И. Ленина»⁴², «Сегодня 17 Апреля — день расстрела Ленских рабочих»⁴³. Нередко он апеллировал к авторитетным личностям. Например, упоминал, что пенсия была назначена ему по ходатайству бывшего комиссара Якутской области и видного большевика Г. И. Петровского⁴⁴.

Для того, чтобы подчеркнуть принадлежность к новому обществу, автор демонстрировал свою политическую грамотность. К таким случаям можно отнести цитирование стихов Д. Бедного, посвященных памяти ленских событий 1912 г.: «А солнце вечное блесит / О братья проклят, проклят будет, / Кто этот страшный день забудет. / Кто эту кровь простит»⁴⁵. Примером демонстрации политической эрудиции можно также считать упоминание авторитетных на момент написания ходатайств представителей высшего партийного руководства: «или являлся врагом, допустим, А. И. Рыкова, который тогда только родился или был еще в младенческом возрасте[?]»⁴⁶; «Невольно вспоминаются мысли т. Бухарина...»⁴⁷, «устаами тов. Сталина»⁴⁸. Более того, Н. П. Петров с явной поддержкой действий центральной власти ссылался

³⁸ Заявление прокурору Сибирского края от 14 апреля 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 12.

³⁹ По сведениям, полученным из ходатайств, у Н. П. Петрова было трое детей. Сын и дочь, имена которых он не называет, погибли по неизвестным причинам до 1929 г. Надежда, еще одна дочь Н. П. Петрова, проживала вместе с отцом.

⁴⁰ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 178.

⁴¹ Там же.

⁴² Ходатайство Н. П. Петрова во Всероссийскую центральную избирательную комиссию от 22 января 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 19 об.

⁴³ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 168.

⁴⁴ Заявление Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 12 октября 1929 г. // Там же. Л. 168.

⁴⁵ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 168.

⁴⁶ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // Там же. Л. 35 об.

⁴⁷ Там же. Л. 30.

⁴⁸ Там же. Л. 29.

на «Шахтинский процесс» 1928 г., считая, что из-за этого его дело долго рассматривают в Москве: «В то время был нарушен шахтинский вредительский заговор горных инженеров и момент требовал особой осторожности к так называемому чуждому элементу»⁴⁹. Советское государство наделялось исключительно позитивными характеристиками, а сам Петров стремился подчеркнуть личную сопричастность актуальным политическим идеям: «мои достижения власти в строительстве социализма, по 5[-]летке и коллективизации <...> я всю жизнь, будучи политически неграмотным, а чутьем идейно вел борьбу с капиталистами и эксплуататорами»⁵⁰; «я не большевик, но если все мои действия и борьба с кулаками согласуются с деятельностью большевиков, то значит я большевик»⁵¹.

Использование речевых практик подражания официальному советскому дискурсу не являлось случайным. Язык «лишенцев» в ходатайствах претерпевал изменения под воздействием усвоения ими тех нормативных установок, которые транслировались «сверху» в директивах, инструкциях, постановлениях, периодических изданиях и пр. [Кожеева, 2022. С. 32]. В случае Петрова это проявилось наиболее ярко, так как использование им лексики советской пропаганды, а также элементов политической культуры являлось попыткой подтвердить лояльность и вписать свою идентичность в постреволюционный социум.

В 1924 г. Н. П. Петров переехал в г. Томск для лечения, где проживал до переезда в п. Самусьский Затон (ныне — п. Самусь Томской области) в 1931 г. Автор эмоционально описывал бедственное положение, в котором он оказался, став «лишенцем». Потерю пенсии он считал гораздо более тяжелым последствием электоральной дискриминации, чем невозможность принимать участие в выборах, так как Петров и не собирался далее пользоваться избирательными правами «ввиду дряхлости и беспомощности, как потерявший слух и зрение»⁵². Ссылаясь на ухудшающееся с каждым днем здоровье, «подорванное 25-летней службой в суровых климатических условиях северной окраины Якутской республики»⁵³, он писал, что социальные выплаты являются единственной возможностью прокормить его семью, состоявшую из нетрудоспособной жены и дочери Надежды, которая после развода осталась одна с ребенком.

Однако стремление Н. П. Петрова восстановиться в избирательных правах не ограничивалось исключительно материальной мотивацией. Оно имело также моральное значение: «неужели недостаточно всех этих лишений чтобы хотя перед смертью получить помилование за мнимое преступление

⁴⁹ Ходатайство Н. П. Петрова во Всероссийскую центральную избирательную комиссию от 22 января 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 18.

⁵⁰ Заявление в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 20 мая 1930 г. // Там же. Л. 6.

⁵¹ Там же. Л. 6 об.

⁵² Заявление прокурору Сибирского края от 14 апреля 1930 г. // Там же. Л. 12.

⁵³ Заявление в Президиум ВЦИК от 12 октября 1929 г. // Там же. Л. 164.

и умереть неопороченным в качестве честного труженика и исправного гражданина своей родины»⁵⁴. Упоминание плохого здоровья, тяжелого положение в семье, ссылка на возраст — эмоционально окрашенные аргументы, нацеленные на то, чтобы повлиять на чувства членов комиссий, получивших его ходатайства. Автор стремился внести в строгие юридические критерии гуманный аспект и позволить увидеть за «бывшим тюремщиком» человека, искупившего свое дореволюционное прошлое.

В процессе написания ходатайств Николая Петровича беспокоили здоровье и тяжелое экономическое положение, а также бюрократическая волокита, сопровождавшая разбирательство его дела. Автор считал незаконным как само решение о лишении его избирательных прав, так и процедуру рассмотрения его документов: «Далее во всех инстанциях по существу дело мое не рассматривали и законных оснований к отказу ни одна организация не указала, сопровождая свои отказы „по отсутствию оснований к пересмотру дела“»⁵⁵. Особый акцент автор делал на том, что такое стало возможным в г. Томске — «университетском городе, где сосредоточены выдающиеся звезды науки»⁵⁶. Действительно, делопроизводство избирательных комиссий являлось хаотичным, поскольку в их решениях не всегда содержались обоснования для принятия того или иного решения. Кроме того, нередким являлась задержка с ответом или его отсутствие.

Последнее ходатайство было написано Николаем Петровичем в мае 1931 г., далее о его судьбе ничего не известно. В личном деле нет сведений о его восстановлении в избирательных правах. Объясняться это может несколькими версиями. Первая заключается в том, что автор мог быть восстановлен в избирательных правах и поэтому прекратил подачу ходатайств, но решение о его восстановлении было утеряно в делопроизводственном процессе. Вторая версия состоит в том, что Н. П. Петров не получил положительного решения, но перестал ходатайствовать по субъективным или объективным причинам. Возможно, это было вызвано разочарованием работой избирательных комиссий и потерей веры в достижение цели. Не исключено также, принимая во внимание возраст и состояние здоровья Петрова, что разбирательство дела могло быть прервано в связи с его смертью.

В контексте рассмотренного нами дела принципиальным является вопрос о правомерности лишения Н. П. Петрова избирательных прав. С точки зрения действующего в то время законодательства формальных оснований для применения к нему ограничений было достаточно: дореволюционная служба в тюремных и полицейских учреждениях, высокий чин. Однако, если выйти за рамки нормативных предписаний, возникает вопрос, насколько оправданным и справедливым было лишение избирательных прав человека, который после

⁵⁴ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 178.

⁵⁵ Заявление в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 20 мая 1930 г. // Там же. Л. 2 об.

⁵⁶ Там же. Л. 6 об.

революции не занимался антисоветской деятельностью, а напротив, служил новому государству. Формальный классовый подход не позволил учесть ни трудовой стаж Н. П. Петрова, ни его возраст, ни состояние здоровья. Восстановление в правах по этим основаниям было фактически невозможным.

В условиях отсутствия четких юридических шаблонов и стандартов автор ходатайств сами определяли стратегии, с помощью которых надеялись добиться восстановления в избирательных правах. Стратегия Н. П. Петрова отличалась относительной стабильностью и оставалась неизменной на протяжении всего периода подачи ходатайств, то есть с января 1929 г. по май 1931 г. Во всех обращениях автор использовал постоянный набор аргументов, меняя лишь способ их репрезентации и расставляя необходимые риторические акценты. С одной стороны, такое постоянство может объясняться незначительным хронологическим разрывом между подачей первого и последнего обращений: у автора не возникло объективных причин кардинально перестраивать свою стратегию. С другой — неизменность его аргументации могла быть обусловлена убежденностью заявителя в действенности приводимых аргументов.

И хотя мы не можем оценить эффективность стратегии Н. П. Петрова, его ходатайства являются ярким примером того, как «лишенцы» пытались адаптироваться к новым социально-политическим реалиям и как воспринимали процесс взаимодействия с властью для восстановления в избирательных правах. Сложным и, по мнению автора настоящей статьи, неразрешимым остается вопрос установления искренности Н. П. Петрова: действительно ли он разделял идеалы советского государства или же приводил эти аргументы только для того, чтобы добиться своей цели. Однако этот факт не умаляет значимости изученного примера борьбы за восстановление в избирательных правах. Описанный случай выходит за рамки изучения персональной судьбы, позволяя увидеть, как нормы советского законодательства реализовывались на практике и меняли повседневную жизнь людей, получивших дискриминационный статус «лишенца».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Адрес-календарь личного состава служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях города Иркутска на 1897–98 год: с приложениями. Иркутск, 1897. 305 с.

Адрес-календарь: общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1916 г. Ч. 1–2. Петроград, 1916. 1400 с.

Выборы в советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М.: Власть советов, 1928. 96 с.

Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 году (предварительные итоги). Ч. 1. Горсоветы, сельсоветы, волсезьезды, волисполкомы и ревиз. комиссии. М.: НКВД, 1926. 255 с.

Глебов-Авилов Н. П. Наш основной закон: разъяснение Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М: Изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Ком. Советов Р. С. Кр. и К. Депутатов, 1918. 40 с.

Итоги выборов в советы РСФСР в 1929 г. Вып. I: Выборы в сельские, волостные и районные органы власти. М.: Власть советов, 1930. 401 с.

Итоги выборов в советы РСФСР в 1929 г. Вып. II: Выборы в городские советы. М.: Власть советов, 1930. 104 с.

Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937): сб. документов / под общ. ред. акад. А. Я. Вышинского. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.

О перевыборах советов в 1931 г. М.: Центризбирком ЦИК СССР, 1931. 103 с.

Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР за 1921 г. М.: Народный комиссариат юстиции, 1944. С. 1092.

Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР за 1926 г. Отдел первый. № 35–92. М.: [Б. и.], 1926. 1026 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бродович С. М. Советское избирательное право. Л.: Гос. изд-во, 1925. 132 с.

Валуев Д. В. Лицензы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск: Маджента, 2012. 155 с.

Владимирский М. Ф. Организация советской власти на местах. М.: Гос. изд-во, 1921. 146 с.

Гурвич Г. С. История Советской Конституции. М.: Социалистическая академия, 1923. 216 с.

Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М.: Наука, 1972. 360 с.

Килин А. П. Автобиографические сведения в структуре личного дела гражданина, возбуждавшего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 70–77. DOI: 10.17223/15617793/433/9

Килин А. П. Книготорговец Василий Иванович Лагуткин (1883–1933): реконструкция биографии «лишенца» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 53–69.

Кожеева А. А. Подходы и методы к изучению дискриминационной кампании «лишенчества» (1918–1936) в трудах советских и российских историков и правоведов // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 130–138. DOI:10.17223/19988613/90/14

Кожеева А. А. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 29–38. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-6-2

Морозов Л. Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М.: ВПШ и АОН, 1960. 103 с.

Москаленская Д. Н. Тактики поведения священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в борьбе за восстановление в правах (середина 1920-х – середина 1930-х годов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 8: История. С. 134–138.

Петин Д. И. К вопросу о социальной адаптации бывших белых офицеров и чиновников белых армий в Омске в 1920-е гг. // Омские социально-гуманитарные чтения — 2023: материалы XVI Международной научно-практической конференции (Омск, 22–24 марта 2023 г.). Омск, 2023. С. 105–110.

Попов И. И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. 384 с.

Саламатова М. С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). 2-е изд. Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 340 с.

Саламатова М. С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х — 1936 гг.: На материалах Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 292 с.

Сипягин А. П. Несколько слов о настоящем и будущем уголовной ссылки и тюрьмы. СПб., 1898. 36 с.

Филимонов В. Г. Первая советская Конституция. М.: Госюриздат, 1960. 77 с.

Alexopoulos G. Stalin's outcasts: aliens, citizens, and the Soviet state. New York: Cornell University Press, 2003. 243 p.

Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 // Russian Review. 1982. Vol. 41, no. 1. P. 24–46.

Moine N. Peut-on être pauvre sans être un prolétaire? La privation de droits civiques dans un quartier de Moscou au tournant des années 1920–1930 // Le Mouvement Social. 2001. Num. 196. P. 89–114.

Pratto F., Sidanius J., Levin S. Social Dominance Theory and the Dynamics of Intergroup Relations: Taking Stock and Looking Forward // *European Review of Social Psychology*. 2006. No. 17. P. 271–320.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет.

ГАТО — Государственный архив Томской области (г. Томск).

СНК РСФСР — Совет народных комиссаров РСФСР.

СУ РСФСР — Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КОЖАЕВА АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА, ассистент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия, a.kozhaeva18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2745-1365>, WoS ResearcherID: JJE-7957-2023, SPIN-код автора: 1962-3228.

Статья поступила в редакцию 06.05.2026; одобрена после рецензирования 02.06.2026; принята к публикации 05.06.2026.

“SEEKING TRUTH AND JUSTICE ON THE GROUND OF FACTS OF HISTORICAL SIGNIFICANCE”: N. P. PETROV’S STRUGGLE FOR THE RESTORATION OF VOTING RIGHTS (1929–1931)

ALBINA A. KOZHAIEVA

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

a.kozhaeva18@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2745-1365>

Abstract. This paper reconstructs the personal strategy of Nikolai Petrovich Petrov’s struggle to restore his voting rights, which he was deprived of in 1926 due to his pre-revolutionary service in police and penal institutions. Through the case study, the article analyzes the emotional perception of socio-legal discrimination experienced by a “lishenets” (a disenfranchised individual). The research concludes that Petrov not only did not deny his past activities — which served as the basis for his disenfranchisement — but sought to reinterpret them within the context of advocating for the interests of the working people. In an effort to demonstrate loyalty and facilitate the restoration of his rights, Petrov employed political mimicry strategies: he referenced authoritative figures, utilized propaganda terminology, and integrated his biography into the broader narrative of post-revolutionary societal transformation. A significant aspect of Petrov’s argumentation involves appealing to the sentiments of the electoral commission members and critiquing the bureaucratic apparatus.

Keywords: “lishentsy”, socio-legal discrimination, marginality, N. P. Petrov, letters to authorities, Tomsk, Yakutsk Oblast, Irkutsk Governorate, USSR.

For citation: Kozhaieva A. A. “Seeking Truth and Justice on the Ground of Facts of Historical Significance”: N. P. Petrov’s Struggle for the Restoration of Voting Rights (1929–1931). *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 99–121. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-99-121

REFERENCES

Alexopoulos G. *Stalin’s Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State*. New York, Cornell University Press, 2003, 243 p.

Brodovich S. M. *Sovetskoe izbiratel’noe parvo [Soviet Electoral Law]*. Saint Petersburg, Gos. izd-vo, 1925, 132 p. (In Russ.).

Filimonov V. G. *Pervaya sovetskaya Konstitutsiya [The First Soviet Constitution]*. Moscow, Gosyurizdat, 1960, 77 p. (In Russ.).

Gurvich G. S. *Istoriya Sovetskoi Konstitutsii [History of the Soviet Constitution]*. Moscow, Sotsialisticheskaya akademiya, 1923, 216 p.

Ivnitskiy N. A. *Klassovaya bor’ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa [Class Struggle in the Countryside and the Liquidation of the Kulaks as a Class]*. Moscow, Nauka, 1972, 360 p. (In Russ.).

Kilin A. P. *Avtobiograficheskie svedeniya v strukture lichnogo dela grazhdanina, vzbudivshego khodataistvo o vosstanovlenii v izbiratel’nykh pravakh, lishennykh za zanyatie torgovlei*

[Autobiographical Data in the Personal Record of a Citizen Who Has Applied for the Restoration of Electoral Rights Deprived for Trading]. *Tomsk State University Journal*, 2018, no. 433, pp. 70–77. (In Russ.). DOI 10.17223/15617793/433/9

Kilin A. P. Knigotorgovets Vasilii Ivanovich Lagutkin (1883–1933): rekonstruktsiya biografii «lishentsa» [Bookseller V. I. Lagutkin (1883–1933): A Lishenets' Biography Reconstruction]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2021, vol. 23, no. 3, pp. 53–69. (In Russ.).

Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936. *Russian Review*, 1982, vol. 41, no. 1, pp. 24–46.

Kozhaeva A. A. Podkhody i metody k izucheniyu diskriminatsionnoi kampanii «lishenchestva» (1918–1936) v trudakh sovetskikh i rossiiskikh istorikov i pravovedov [Approaches and Methods for Studying the Discrimination Campaign of Deprivation of Voting Rights (1918–1936) in the Researches of Soviet and Russian Historians and Legal Scholars]. *Tomsk State University Journal of History*, 2024, no. 90, pp. 130–138. (In Russ.). DOI 10.17223/19988613/90/14

Kozhaeva A. A. Rechevye praktiki podrazhaniya ofitsial'nomu sovetskomu diskursu v pis'makh «lishentsev» vo vlast' (1918–1936 gody) (na materialakh Zapadnoi Sibiri) [Speech Practices of Imitating Official Soviet Discourse in the Petitions of the Deprived to Power (1918–1936) (Based on the Materials of Western Siberia)]. *Historical Courier*, 2022, no. 6 (26), pp. 29–38. (In Russ.). DOI 10.31518/2618-9100-2022-6-2

Moine N. Peut-on être pauvre sans être un prolétaire? La privation de droits civiques dans un quartier de Moscou au tournant des années 1920–1930. *Le Mouvement Social*, 2001, num. 196, pp. 89–114.

Morozov L. F. Reshayushchii etap bor'by s nehpanskoi burzhuaziei (1926–1929 gg.) [The Decisive Stage of the Struggle Against the Nepman Bourgeoisie (1926–1929)]. Moscow, VPSH i AON, 1960, 103 p. (In Russ.).

Moskalenskaya D. N. Taktiki povedeniya svyashchenno- i tserkovnosluzhitelei-«lishentsev» Zapadnoi Sibiri v bor'be za vosstanovlenie v pravakh (seredina 1920-kh – seredina 1930-kh godov) [Behavior Tactics of the Clergymen-“Lishentsy” in the Struggle for Restoration of Voting Rights in West Siberia (the Middle of 1920s – 1930s)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 8: History, pp. 134–138. (In Russ.).

Petin D. I. K voprosu o sotsial'noi adaptatsii byvshikh belykh ofitserov i chinovnikov belykh armii v Omske v 1920-e gg. [On the Issue of Social Adaptation of Former White Officers and Officials of the White Armies in Omsk in the 1920s]. In: Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya – 2023: Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Omsk, 22–24 marta 2023 g.) [Omsk Social and Humanitarian Readings – 2023: Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference (Omsk, March 22–24, 2023)], Omsk, 2023, pp. 105–110. (In Russ.).

Popov I. I. Zabytye irkutskie stranitsy: zapiski redaktora [Forgotten Irkutsk Pages: Notes of an Editor]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 384 p. (In Russ.).

Pratto F., Sidanius J., Levin S. Social Dominance Theory and the Dynamics of Intergroup Relations: Taking Stock and Looking Forward. *European Review of Social Psychology*, 2006, no. 17, pp. 271–320.

Salamatova M. S. Lishenie izbiratel'nykh prav kak forma sotsial'no-politicheskoi diskriminatsii v seredine 1920-kh – 1936 gg.: Na materialakh Zapadnoi Sibiri [Deprivation of Voting Rights in the middle 1920s – 1936 gg.: On the materials of Western Siberia]

as a Form of Social and Political Discrimination in the Mid-1920s – 1936: Based on Materials from Western Siberia]. Diss. Cand. Hist. Sci. Novosibirsk, 2002, 292 p. (In Russ.).

Salamatova M. S. Vybory v Sovetskoj Rossii: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii (1918–1936 gg.) [Elections in Soviet Russia: Legislation and Practice of Implementation (1918–1936)]. 2nd ed. Novosibirsk, NGUEU, 2018, 340 p. (In Russ.).

Sipyagin A. P. Neskol'ko slov o nastoyashchem i budushchem ugolovnoi ssylki i tyur'my [A Few Words about the Present and Future of Criminal Exile and Prison]. Saint Petersburg, 1898, 36 p. (In Russ.).

Valuev D. V. Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnoshenii (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoj gubernii i Zapadnoj oblasti) [Disfranchised People in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on Materials from the Smolensk Governorate and the Western Oblast)]. Smolensk, Madzhenta, 2012, 155 p. (In Russ.).

Vladimirskiy M. F. Organizatsiya sovetskoi vlasti na mestakh [Organization of Soviet Power on the Ground]. Moscow, Gos. izdatel'stvo, 1921, 146 p. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALBINA A. KOZHAEVA, Assistant of the Section of History, Culture and Arts of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, a.kozhaeva18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2745-1365>, WoS ResearcherID: JJE-7957-2023, SPIN-code: 1962-3228.

The article was submitted on 06.05.2026; approved after reviewing on 02.06.2026; accepted for publication on 05.06.2026.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Бурят-Монгол. После объединения только первые две административные единицы - Аз.Обл.Сиббири и Приб. губ. имели оформление партийные организации. По национальному составу первая-сибирская/30% бурят и 70% русских/ и вторая исключительно русских.

После объединения/по данным на 15/II-34 г./бурят-монгол. организация состоит :

Националь- ность	Всего членов и кандидатов.	% отноше- ние.	Населе- ния.	% отношение контингента к населению
Русских	1198	81,5	219638	0,54.
Буряты	195	13,3	228754	0,08.
Прочие	76	5,2	-	-
ВСЕГО	1469	100%	448292	0,32

Отсюда можно сделать один основной вывод, о недостаточности и не-
точности в организации Бурят-Монгол. Они по отношению ко всему бу-
рят-монгольскому населению составляют . . . %/ процентов. Процент
крайне низкий .

Если же эту общую цифру разбить на ее составные части - по на-

«ОЧЕНЬ ПРОШУ... НЕ СМЕШИВАТЬ МЕНЯ С ЭТИМИ ПРЕДАТЕЛЯМИ [И] ДВУРУШНИКАМИ». ПИСЬМА В. Н. КУЗНЕЦОВА В ЦК ВКП(б) (НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1930 ГОДА)

ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА МОРОЗОВА

*Институт истории Сибирского отделения Российской
академии наук, г. Новосибирск, Россия*

mti137@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0002-8601-1290>

Аннотация. Публикация посвящена второму секретарю Сибирского краевого комитета ВКП(б) В. Н. Кузнецову, за участие в так называемом заговоре против Р. И. Эйхе в августе 1930 г. снятому с должности и отозванному в Москву. В научный оборот впервые вводятся три письма, в ноябре — декабре 1930 г. направленные В. Н. Кузнецовым в высшие партийные инстанции. Автор писем преследовал цель отмежеваться от новых обвинений — о якобы причастности его к «право-левацкому блоку Сырцова — Ломинадзе» — и восстановить утраченное доверие ЦК ВКП(б). Публикуемые документы и реконструированная на основе широкого круга источников биография В. Н. Кузнецова являются наглядной иллюстрацией возможностей и пределов политической адаптации человека в условиях свертыwania внутрипартийной демократии и повсеместного усиления государственного контроля.

Ключевые слова: Сибирская партийная организация, Сибкрайком ВКП(б), В. Н. Кузнецов, Р. И. Эйхе, В. Ю. Егер, В. А. Каврайский, И. С. Нусинов, кадровая политика, письма во власть.

Сведения о финансировании: публикация подготовлена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX — начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

Для цитирования: Морозова Т. И. «Очень прошу... не смешивать меня с этими предателями [и] двурушниками». Письма В. Н. Кузнецова в ЦК ВКП(б) (ноябрь — декабрь 1930 года) // *Universum Humanitarium*. 2026. № 1. С. 123–158. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-123-158

«Предатели», «двурушники», «оппортунисты» — обличительные термины, которыми изобиловала периодическая печать СССР начала 1930-х годов. Советские газеты без стеснения награждали этими эпитетами представителей внутрипартийной оппозиции. Однако наличие оппозиционных взглядов вовсе не являлось обязательным условием причисления к категории предателей и двурушников. Нередко эта участь постигала и тех коммунистов, которые долгие годы считались последовательными сторонниками генеральной линии партии. Одним из них оказался бывший второй

секретарь Сибирского краевого комитета ВКП(б), большевик с июня 1917 г. Василий Николаевич Кузнецов.

Несмотря на то, что В. Н. Кузнецов занимал высокую должность, входившую в номенклатуру Центрального комитета партии, его жизненный путь никогда не становился предметом специального изучения. Все, что до сих пор было известно исследователям о жизни этого человека, сводилось, по сути, к двум кратким биографическим справкам [Морозова, 2013. С. 69–70; Папков, 2021. С. 289]. Упоминания об отдельных эпизодах его политической деятельности встречаются в исследованиях, посвященных Сибирской партийной организации и/или Сибирскому краевому комитету РКП(б) — ВКП(б) [Мошетов, 1978; Демидов, 1994; Морозова, 2015; и др.]. Более полно реконструировать биографию В. Н. Кузнецова позволяют документы, выявленные в Государственном архиве Новосибирской области, Российском государственном архиве новейшей истории и Российском государственном архиве социально-политической истории.

Василий Николаевич родился в марте 1896 г. в бедной крестьянской семье в дер. Макарино Новоторжского уезда Тверской губернии. После окончания сельской школы в 12 лет был отправлен отцом на заработки в Санкт-Петербург. Проработав два с половиной года грузчиком в мебельной мастерской, в 1911 г. переехал в Москву, где трудился чернорабочим на местных фабриках и торговых складах. В августе 1915 г. В. Н. Кузнецов был призван на военную службу и в качестве рядового отправлен на фронт. В мае 1917 г. получил ранение, попал в немецкий плен и был увезен в г. Арис в Восточной Пруссии. Именно там в июне 1917 г., как позднее утверждал В. Н. Кузнецов в автобиографии, он вступил в РСДРП(б) и даже вел пропаганду среди пленных. Бежал из лагеря в октябре 1918 г., вернулся на родину и уже через 10 дней Новоторжским уездным комитетом РКП(б) был командирован для прохождения высших инструкторско-агитаторских курсов в Москву¹.

После окончания обучения В. Н. Кузнецов почти сразу оказался на руководящей партийной работе: с декабря 1919-го по июль 1921 г. являлся секретарем коммунистической ячейки на Кувшиновской писчебумажной фабрике, с ноября 1921-го по март 1923 г. — ответственным секретарем Новоторжского, а с марта 1923-го по октябрь 1925 г. — Ржевского уездных комитетов РКП(б)². В ноябре 1923 г. в рамках обязательного внутрипартийного учета Ржевский уком дал В. Н. Кузнецову исключительно положительную характеристику, в которой говорилось о таких качествах, как умение проявлять инициативу, подбирать работников и руководить ими, «хорошая марксистская подготовка» и политическая устойчивость. Кроме того, в документе говорилось: «В проведении принятых решений настойчив. Тактичен. Проявил себя как хороший администратор и организатор. Хороший агитатор и лектор. Дисциплинированный и выдержанный партиец»³.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 9267. Л. 3, 11–11 об.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2842. Л. 74 об.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 9267. Л. 12.

Перечисленные качества и успешный опыт практической работы обусловили дальнейшее продвижение по партийной лестнице: осенью 1925 г. В. Н. Кузнецов получил назначение на пост заведующего организационным отделом Тверского губкома РКП(б). Однако по неизвестным причинам взаимоотношения с секретарем губкома И. П. Носовым не сложились. Уже 4 марта 1926 г. В. Н. Кузнецов официально обратился в бюро губкома с просьбой освободить его от занимаемой должности и позволить выехать из губернии⁴. К заявлению прилагалось совместное письмо В. Н. Кузнецова и И. П. Носова, в котором они заверяли коллег в том, что «искренне стремились достигнуть нормальных взаимоотношений», но добиться этого не смогли. Свидетельством этого авторы письма считали «излишнюю официальность», «подозрительность друг к другу», необходимость умалчивать о своих разногласиях по тому или иному вопросу, чтобы предотвратить возможный раскол в организации⁵.

Просьба В. Н. Кузнецова была удовлетворена, благодаря чему в мае 1926 г. он оказался в Сибири. Судя по всему, изначально ЦК ВКП(б) командировал его в Красноярск, вероятно, на должность секретаря окружкома. Однако находившийся там с рабочим визитом секретарь Сибирского краевого комитета ВКП(б) С. И. Сырцов на закрытом заседании Красноярского окружкома выразил свое несогласие с этим кадровым решением под предлогом того, что в руководстве красноярской партийной организацией уже есть работник из Твери и назначение В. Н. Кузнецова может вызвать слухи о «землячестве»⁶. В тот же день, 12 мая, бюро Сибкрайкома приняло решение утвердить секретарем Красноярского окружкома одного из своих ответственных инструкторов — В. Ю. Егера⁷. Что касается В. Н. Кузнецова, то в соответствии с постановлением бюро Сибкрайкома от 15 мая 1926 г. он возглавил Барабинский окружной комитет ВКП(б)⁸.

С 10 по 14 марта 1927 г. в г. Каинске состоялась Барабинская окружная партийная конференция. Вновь избранный на ее заключительном заседании окружной комитет ВКП(б) в тот же день переизбрал В. Н. Кузнецова своим секретарем⁹. В этом качестве Василий Николаевич был делегирован на Третью Сибирскую краевую партийную конференцию, проходившую в Новосибирске с 25 по 30 марта. Там он впервые был избран членом Сибирского краевого комитета ВКП(б) [Третья Сибирская, 1927. С. 294]. Это избрание не только накладывало на В. Н. Кузнецова обязательства участвовать в заседаниях пленума Сибкрайкома, но и знаменовало собой его вхождение в состав краевой партийной элиты Сибири.

В апреле 1927 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) утвердило решение об избрании В. Н. Кузнецова секретарем Барабинского окружкома¹⁰. Однако всего четыре

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 9267. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 14–14 об.

⁶ Там же. Л. 16.

⁷ ГАО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 8. Л. 87.

⁸ Там же. Л. 101.

⁹ ГАО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1944. Л. 87.

¹⁰ ГАО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 14. Л. 13.

месяца спустя ситуация изменилась. В конце августа – начале сентября краевой комитет инициировал ряд кадровых перемещений, в том числе рекомендовал направить В. Н. Кузнецова на пост секретаря Барнаульского окружкома ВКП(б)¹¹. 9 сентября сначала бюро, а затем пленум Барнаульского окружного комитета были вынуждены согласиться с решением вышестоящего органа¹², благодаря чему с 1 октября Василий Николаевич все-таки вступил в должность.

При этом амбиции В. Н. Кузнецова явно выходили за пределы окружной работы. Так, будучи в декабре 1927 г. делегатом XV Всесоюзного партийного съезда от Барнаульской партийной организации, он взял на себя смелость выступить в прениях по докладу В. М. Молотова «О работе в деревне», защищая интересы всего Сибирского края в целом. Согласившись с утверждением докладчика о том, что наиболее острая классовая борьба в деревне происходит в Сибири, В. Н. Кузнецов упрекнул центральные органы власти в том, что они «не уделяют достаточно внимания и не оказывают достаточной помощи в работе», которую ведет Сибирская партийная организация в деревне, и фактически потребовал увеличения размеров финансирования, выделяемого на создание фондов бедноты в Сибири [XV съезд, 1928. С. 1169–1170].

Краевое партийное руководство сумело оценить смелость, решительность и другие личностные качества В. Н. Кузнецова. 20 июля 1928 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) приняло решение кооптировать его в свой состав и назначить заведующим организационно-распределительным отделом Сибкрайкома¹³. Желая сохранить ценного работника, 31 июля бюро Барнаульского окружкома ВКП(б) постановило «настоятельно просить бюро крайкома пересмотреть свое решение»¹⁴, однако ходатайство было отклонено.

В первую декаду сентября 1928 г. В. Н. Кузнецов переехал в Новосибирск и приступил к своим новым обязанностям. Из 102 заседаний бюро Сибкрайкома ВКП(б), состоявшихся с 11 сентября 1928-го по 25 января 1930 г., он принял участие в 80, выступив как минимум по 264 вопросам¹⁵. Все кадровые перестановки, произведенные Сибкрайкомом в указанный отрезок времени, были осуществлены с ведома и согласия заведующего организационно-распределительным отделом.

Практическую работу В. Н. Кузнецов успешно сочетал с работой теоретической. В конце декабря 1928 г. в политико-экономическом журнале Сибкрайкома ВКП(б) «На ленинском пути» была опубликована его статья, посвященная регулированию численности и состава коммунистической партии [Кузнецов, 1928]. Еще полгода спустя в типографии Сибкрайсоюза тиражом три тысячи экземпляров была напечатана брошюра В. Н. Кузнецова «Вопросы партийного руководства и роль ячейки», позволяющая составить

¹¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 14. Л. 200.

¹² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1891. Л. 389, 627.

¹³ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 28. Л. 10.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 319. Л. 26.

¹⁵ Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 28, 33, 34, 38, 39, 40, 41.

Илл. 1. Р. И. Эйхе и В. Н. Кузнецов на XVI Всесоюзной конференции ВКП(б) (фрагмент группового снимка делегатов конференции от Сибирской партийной организации, показанного на врезке), Москва, 27 апреля 1929 г.

Источник: ГАО. Ф. П-11796. Оп. 1. Д. 30. Л. 2

Fig. 1. R. I. Eikhe and V. N. Kuznetsov at the 16th All-Union Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (detail of a group photograph of the conference delegates from the Siberian party organization, shown in the inset), Moscow, April 27, 1929

Source: State Archive of Novosibirsk Oblast. Collection P-11796. Inventory 1. File 30. Sheet 2

представление о взглядах автора на проблемы и перспективы партийного строительства в СССР. Важное место в брошюре занимал тезис о зависимости качества партийного руководства от умения «ориентироваться в обстановке», «исходя из этой обстановки, поставить для разрешения конкретную, главную задачу» и «найти методы [ее] разрешения» [Кузнецов, 1929а. С. 3, 33].

Формированию взглядов и методов работы В. Н. Кузнецова, по всей видимости, способствовало регулярное участие в партийных съездах и конференциях разных уровней. В апреле 1929 г. В. Н. Кузнецов впервые был делегирован на Всесоюзную партийную конференцию в качестве представителя Сибкрайкома ВКП(б) (илл. 1).

Вскоре после этой конференции первый секретарь Сибкрайкома ВКП(б) С. И. Сырцов был решением Политбюро ЦК утвержден на пост председателя Совнаркома РСФСР. Вместо С. И. Сырцова 23 мая 1929 г. Политбюро ЦК рекомендовало избрать на освободившуюся должность председателя Сибкрайисполкома Советов Р. И. Эйхе¹⁶. Рекомендация была реализована на ближайшем пленуме Сибкрайкома ВКП(б), проходившем в Новосибирске с 1 по 3 июня 1929 г. Это заседание краевого комитета стало последним, участие

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 741. Л. 2.

Илл. 2. Пленум Сибирского краевого комитета ВКП(б) (в первом ряду слева направо: седьмой — Р. И. Эйхе, восьмой — С. И. Сырцов, девятый — В. Н. Кузнецов), Новосибирск, 1–3 июня 1929 г.

Источник: ГАНО. Ф.П-11796. Оп. 1. Д. 21. Л. 4

Fig. 2. Plenary Session of the Siberian Krai Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (front row, left to right: seventh — R. I. Eikhe, eighth — S. I. Syrtsov, ninth — V. N. Kuznetsov), Novosibirsk, June 1–3, 1929

Source: State Archive of Novosibirsk Oblast. Collection P-11796. Inventory 1. File 21. Sheet 4

в котором принимали С. И. Сырцов, Р. И. Эйхе и В. Н. Кузнецов одновременно (илл. 2).

Занимаемая В. Н. Кузнецовым должность заведующего организационно-распределительным отделом — важнейшим структурным подразделением партийного комитета — не только позволяла представлять Сибкрайком на Всесоюзной партийной конференции или сидеть на пленуме по левую руку от С. И. Сырцова, но и давала реальные преференции. Так, в октябре 1929 г., когда в связи с проведением хлебозаготовительной кампании первый секретарь Сибкрайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе и второй секретарь Р. Я. Кисис выехали на места, руководство краевым комитетом было временно поручено В. Н. Кузнецову как следующему по внутрипартийной иерархии¹⁷.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 40. Л. 22.

Успешно справившись с возложенными на него обязанностями, Василий Николаевич обеспечил себе возможности для дальнейшего карьерного роста. 30 января 1930 г. на закрытом объединенном заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б) и президиума Сибирской краевой контрольной комиссии было принято решение рекомендовать его вторым секретарем Сибкрайкома в связи с отзывом занимавшего эту должность Р. Я. Кисиса в распоряжение ЦК ВКП(б)¹⁸. 20 февраля это решение было утверждено Оргбюро, 25 февраля — Политбюро ЦК¹⁹.

Повышение по должности пришлось на трудное для Сибирского краевого комитета время. Дело в том, что 2 февраля 1930 г. при участии Р. И. Эйхе и В. Н. Кузнецова бюро Сибкрайкома приняло постановление «О мерах к выполнению решения ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и ликвидации кулачества как класса», фактически пересматривавшее намеченные высшим партийным руководством сроки проведения кампании. На момент принятия данного постановления актуальной считалась директива ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. о необходимости в основном закончить коллективизацию зерновых районов СССР «осенью 1931 г. или, во всяком случае, весной 1932 г.» [Постановление ЦК, 1984. С. 73], тогда как бюро Сибкрайкома требовало от Сибирской партийной организации проявить стремление «к полному вовлечению в колхозное строительство основных масс батрачества, бедноты и середняков уже в течение весенней сельскохозяйственной кампании 1930 года» [Постановление бюро, 2009. С. 205]. Поэтому, когда месяц спустя в газете «Правда» была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», возлагавшая ответственность за перегибы в коллективизации на местных работников, краевое партийное руководство Сибири было вынуждено отвечать за свое постановление.

Первый секретарь Сибкрайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе, являвшийся главным инициатором и последовательным сторонником ускорения темпов коллективизации в Сибири, по всей видимости, тяжело воспринял выдвинутые И. В. Сталиным обвинения. В конце марта членам бюро краевого комитета стало известно о серьезной болезни первого секретаря. Поставленное в известность об этом Политбюро ЦК 30 марта приняло решение командировать в Сибирь секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича, по официальной версии — на помощь Р. И. Эйхе, который «лежит в постели ввиду операции гнойного аппендицита» [Стенограммы заседаний, 2007. С. 352]. Вечером того же дня в ЦК поступила шифротелеграмма от заведующего отделом агитации и массовых кампаний Сибкрайкома ВКП(б) В. А. Каврайского, адресованная лично И. В. Сталину: «Операция Эйхе прошла благополучно»²⁰. В результате по стечению обстоятельств Р. И. Эйхе перестал присутствовать на заседаниях бюро Сибкрайкома как раз с 1 апреля 1930 г., когда в повестку дня был впервые поставлен принципиальный вопрос «о перегибах и искривлениях

¹⁸ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 41. Л. 96.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 512. Л. 48, 49.

²⁰ Там же. Л. 56.

при коллективизации» [Морозова, 2014. С. 143]. Вся ответственность за произошедшее легла на замещавшего его второго секретаря.

В. Н. Кузнецову пришлось не только подписывать протокол заседания бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 10 апреля, на котором принималось решение об отмене принятого 2 февраля постановления²¹, но и публично выступать с признанием ошибок. На состоявшемся 16 апреля в Омске межокружном партийном совещании в присутствии Л. М. Кагановича В. Н. Кузнецов сделал пространный доклад, в ходе которого заявил, что решение Сибкрайкома о необходимости вовлечения основных масс крестьянства в колхозное строительство в ходе кампании 1930 г. действительно «толкало окружные к[омитет]ы партии к усиленному темпу коллективизации»²². Несмотря на то, что В. Н. Кузнецов считал виновниками перегибов местных работников, «в погоне за голыми процентами» нарушивших главный принцип коллективизации — принцип «добровольности колхозного движения»²³, упрекнуть его в малодушии нельзя. С достоинством и решительностью В. Н. Кузнецов заявлял: «Центральный комитет резко выступает против перегибов и бичует партийные организации за ошибки, но отсюда не значит, что мы должны опускать руки. Допустить растерянность партийной организации было бы самым злейшим врагом для нашей работы. Ни растерянности, ни элементов паникерства не должно быть в наших рядах. Мы должны справиться с задачами, которые стоят перед нами и ликвидировать ошибки, которые мы сделали. <...> Надо добиться такого положения, чтобы каждый большевик понял, где он наделал ошибки, какие результаты могли получиться, что надо предпринять, чтобы эти ошибки устранить»²⁴.

Невозможно доподлинно установить, намекал ли таким образом В. Н. Кузнецов на внезапно заболевшего Р. И. Эйхе. Однако есть основания полагать, что действия (или, вернее, бездействие) первого секретаря Сибкрайкома, совсем недавно являвшегося главным инициатором ускорения темпов коллективизации, выглядели для некоторых соратников уходом от ответственности.

Р. И. Эйхе вернулся к работе только 18 апреля, когда ключевые решения были приняты. Три дня спустя, в ходе очередного заседания бюро Сибкрайкома ВКП(б), он охарактеризовал свое участие в этой работе так: «Мне кажется, что большинство присутствующих здесь — пожалуй, все, и даже тов. Каганович, который здесь у нас месяц — могут иметь больше обобщенных данных по Сибири, чем я, потому что я позже всех приступаю к работе. Самый молодой сибиряк [—] я сейчас»²⁵. Если верить стенограмме, то шутка Р. И. Эйхе вызвала смех

²¹ В протоколе заседания бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 10 апреля 1930 г. указано, что Р. И. Эйхе присутствовал на заседании, но отсутствие его подписи под документом заставляет усомниться в данном факте (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 43. Л. 34).

²² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 494. Л. 31.

²³ Там же. Л. 37–38.

²⁴ Там же. Л. 38–39.

²⁵ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 460. Л. 33.

присутствующих. Однако дальнейшие события свидетельствуют, что юмор оценили не все.

Через три месяца, 29 июля 1930 г., когда Р. И. Эйхе находился на отдыхе в Крыму, В. Н. Кузнецов и члены бюро Сибкрайкома Я. К. Абрамов, Н. А. Базовский, Г. В. Баранкин и В. Ю. Егер составили письмо на имя Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина. Они утверждали, что Р. И. Эйхе не способен «четко и ярко поставить главную задачу перед организацией», «мало занимается изучением главных политических вопросов» и много — «мелочами, сравнительно второстепенными делами». Основная же претензия заключалась в неспособности первого секретаря Сибкрайкома ВКП(б) обеспечить «сплоченность руководящего коллектива», что, по мнению заявителей, проявлялось в нервозности, подозрительности и недоверии Р. И. Эйхе «по отношению к своим ближайшим товарищам». Критику деловых и личностных качеств своего непосредственного начальника авторы письма попытались сгладить проявлением товарищеской заботы: «тов. Эйхе устал, больной человек, его надо полечить, ему надо отдохнуть». Вполне вероятно, что таким образом члены бюро Сибкрайкома ВКП(б) припоминали ему несвоевременную болезнь в марте — апреле 1930 г. Сделанный в письме вывод сводился к утверждению о необходимости как можно скорее отозвать Р. И. Эйхе из Сибири, направив его «на хозяйственную работу» [Морозова, 2013. С. 55–57].

По всей видимости, изначально планировалось, что подписантов будет шесть, включая председателя Сибкрайисполкома Советов И. Е. Клименко. Однако последний, будучи кандидатом в члены ЦК ВКП(б), проявил завидную осторожность. Не подписав коллективного обращения, он в тот же день составил собственное письмо на имя И. В. Сталина, в котором, с одной стороны, попытался дистанцироваться от подписантов, а с другой — утверждал, что лучшим решением в сложившейся ситуации стал бы отъезд Р. И. Эйхе из Сибири [Морозова, 2013. С. 57–58].

Доставить оба письма в ЦК ВКП(б) было поручено В. Ю. Егеру. Прибыв в Москву, он первым делом встретился с председателем Совнаркома РСФСР С. И. Сырцовым, которого лично знал по работе в Сибири. О содержании состоявшегося между ними разговора можно только догадываться, однако после него В. Ю. Егер направился к находившимся в отпуске в Крыму заведующему распределительным отделом Сибкрайкома Н. П. Крылову и председателю Сибирской контрольной комиссии Ф. Ф. Ляксуткину, убедил их присоединиться к коллективному заявлению и только после этого передал письма в ЦК ВКП(б).

Данный поступок имел широкий резонанс. 19 августа 1930 г. Политбюро ЦК квалифицировало его как «беспринципную групповщину» и «непартийное поведение в отношении Сибкрайкома». В качестве дисциплинарной меры Политбюро постановило всем восьми подписантам объявить выговор, а Н. А. Базовского, В. Ю. Егера, И. Е. Клименко и В. Н. Кузнецова, кроме того, снять с работы и отозвать из Сибири²⁶. 22 августа решение Политбюро

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 793. Л. 7.

было полностью поддержано на объединенном заседании бюро Сибкрайкома и Сибирской контрольной комиссии²⁷, после чего в Сибирской партийной организации была развернута масштабная идеологическая кампания по осуждению «групповщины».

Описанные события носили явно экстраординарный характер и потому неоднократно привлекали внимание историков. Первые специальные публикации относятся к концу 1980-х — началу 1990-х годов. Сначала В. В. Демидов [1989, 1990], а затем С. А. Папков [1991] квалифицировали поступок подписантов как заговор, причиной которого, по их мнению, стало недовольство ближайших соратников Р. И. Эйхе применявшимися в Сибири жесткими методами коллективизации и сверхбыстрыми темпами индустриализации. Опираясь на косвенные источники, исследователи выяснили круг людей, ходатайствовавших о снятии Р. И. Эйхе с поста первого секретаря Сибкрайкома ВКП(б), попытались реконструировать содержание двух вышеупомянутых обращений и выявить аргументы, которыми оперировали их авторы.

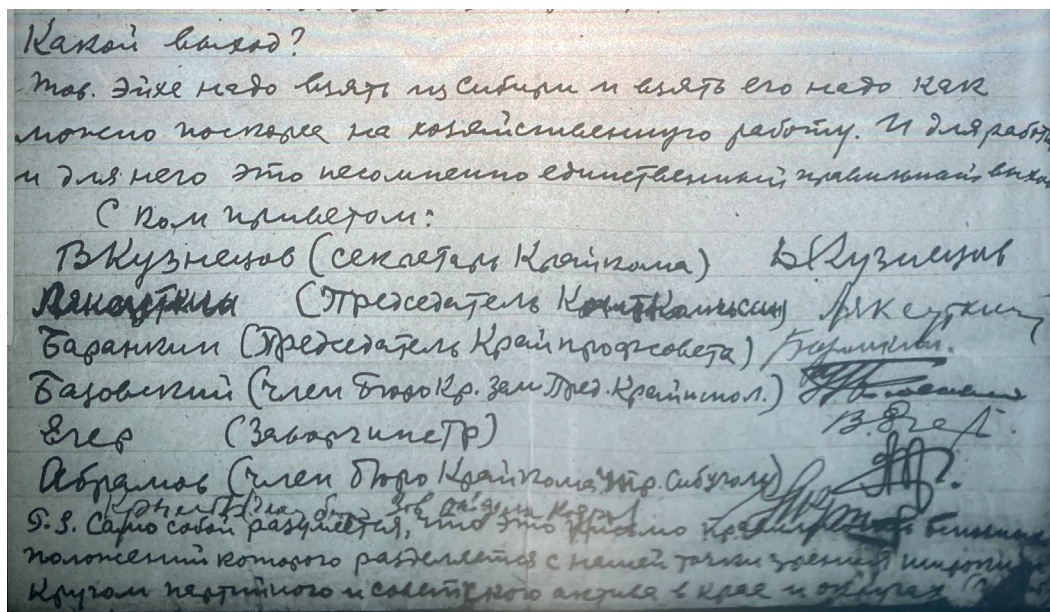
Упоминания о так называемом заговоре неоднократно встречаются и в более поздних публикациях [Павлова, 2001; Саранцев, 2001; Саранцев, Кирякова, 2007; Шишкин, 2010]. Однако сами письма, а точнее — их машинописные отпуски, отложившиеся в Государственном архиве Новосибирской области и Российском государственном архиве социально-политической истории, были выявлены и опубликованы только в 2013 году²⁸. Наряду с ними в научный оборот был введен еще десяток различных документов: выписки из протоколов заседаний Политбюро ЦК и бюро Сибкрайкома, на которых обсуждались заявления против Р. И. Эйхе, письма и стенограммы выступлений отдельных подписантов с объяснением совершенного ими поступка [Морозова, 2013].

Во введении к этой документальной публикации и в последующей научной статье мною были достаточно подробно реконструированы причины и обстоятельства подписания коллективного заявления, выяснены прямые результаты и ближайшие последствия этого поступка [Морозова, 2013, 2014]. В том числе была выдвинута гипотеза, что С. И. Сырцов сыграл в двойную игру: с одной стороны, рекомендовал В. Ю. Егеру усилить позиции заявителей, получив подписи Н. П. Крылова и Ф. Ф. Ляксуткина, с другой — телеграммой проинформировал Р. И. Эйхе о существовании направленных против него писем [Морозова, 2014. С. 146–147]. Однако роль В. Н. Кузнецова в описанных событиях и мотивы его поведения до сих пор не вполне ясны.

В письме на имя секретаря ЦК ВКП(б) В. М. Молотова от 9 августа 1930 г. Р. И. Эйхе утверждал: «...сопоставляя ряд фактов, я прихожу к заключению, что

²⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 11. Л. 93–94.

²⁸ По неопытности автор публикации допустила ошибку, идентифицировав данные отпуски как машинописные копии. В 2015 г. рукописные подлинники и заверенные в ЦК ВКП(б) машинописные копии писем были обнаружены канд. ист. наук Н. Ю. Пивоваровым в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 512. Л. 76–85 об.). Сопоставление текстов подтверждает полноту и достоверность опубликованных отпусков.

Илл. 3. Фрагмент коллективного письма представителей краевой партийной элиты Сибири на имя И. В. Сталина с просьбой снять Р. И. Эйхе с поста первого секретаря Сибкрайкома ВКП(б), Новосибирск, 29 июля 1930 г.

Источник: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 512. Л. 85

Fig. 3. Fragment of a collective letter from representatives of the Siberian krai party elite addressed to I. V. Stalin, requesting the removal of R. I. Eikhe from his post as First Secretary of the Siberian Krai Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Novosibirsk, July 29, 1930

Source: Russian State Archive of Contemporary History. Collection 3. Inventory 61. File 512. Sheet 85

основными организаторами этого дела являются т. Клименко и т. Кузнецов»²⁹. В пользу этого предположения говорят не только высокие должностные позиции названных товарищей, но и сохранившиеся в РГАНИ рукописные подлинники заявлений. Во-первых, коллективное письмо от начала и до конца, включая фамилии и должности подписантов, написано рукой В. Н. Кузнецова³⁰. Во-вторых, обращает на себя внимание порядок подписей: вторым после себя В. Н. Кузнецов изначально вписал председателя Сибкрайисполкома Советов И. Е. Клименко, что свидетельствует о наличии соответствующих договоренностей. Однако поскольку И. Е. Клименко, проявив максимальную осторожность, коллективного заявления не подписал, поверх отведенной для его автографа строки в последний момент были вписаны фамилия и должность Ф. Ф. Лякуткина: так, подписавшись одним из последних, председатель Сибирской краевой контрольной комиссии оказался в перечне вторым (илл. 3).

10 августа 1930 г. сначала Оргбюро, а затем Политбюро ЦК удовлетворили просьбу Р. И. Эйхе, разрешив ему и В. Н. Кузнецову для пояснения ситуации

²⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 512. Л. 67; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 790. Л. 24.

³⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 512. Л. 84–85 об.

выехать в Москву³¹. По всей видимости, после этого В. Н. Кузнецов в Новосибирск уже не возвращался и потому, в отличие от Я. К. Абрамова, Н. А. Базовского и Г. В. Баранкина, с объяснением своего поступка на местных партийных собраниях не выступал³². До последнего времени единственным известным документом, содержащим информацию об отношении В. Н. Кузнецова к случившемуся, оставалось его совместное с Ф. Ф. Ляксуткиным письмо на имя В. М. Молотова от 17 августа 1930 г. В нем коллективное заявление от 29 июля было названо «крупнейшей политической ошибкой», суть которой заключалась в следующем: «...на основе отдельных частных недостатков (имеющих второстепенное значение) в работе бюро крайкома и в характере т. Эйхе — [мы] дали неправильную ошибочную характеристику и оценку т. Эйхе как первого секретаря крайкома и отсюда сделали неправильный организационно-политический вывод об уходе т. Эйхе с поста первого секретаря крайкома»³³. В историографии письмо Кузнецова — Ляксуткина оценивалось как отчаянная попытка авторов минимизировать для себя негативные последствия провалившегося заговора [Морозова, 2014. С. 145].

Два дня спустя, 19 августа 1930 г., В. Н. Кузнецов, Ф. Ф. Ляксуткин, И. Е. Клименко и Р. И. Эйхе выступали на упоминавшемся выше заседании Политбюро ЦК [Морозова, 2013. С. 58–89]. Заседание не стенографировалось, и какие именно аргументы в свою защиту приводил В. Н. Кузнецов — неизвестно. Однако вынесенное Политбюро решение свидетельствует, что они не были сочтены убедительными. Снятый с поста второго секретаря Сибкрайкома ВКП(б) В. Н. Кузнецов оказался в Москве без работы и видимых перспектив.

Ситуация заметно усугубилась осенью 1930 г., когда Политбюро ЦК инспирировало внутривластьное расследование в отношении С. И. Сырцова, первого секретаря Закавказского крайкома ВКП(б) В. В. Ломинадзе и других ответственных работников, обвиненных во фракционной деятельности³⁴. 4 ноября в ходе объединенного заседания Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) И. В. Сталин впервые публично выдвинул предположение, что «Сырцов и его группа приложила руку к той недостойной закулисной работе против т. Эйхе в Сибири, которая имела место летом этого года». «Видимо, — рассуждал И. В. Сталин, — фракционная группа Сырцова имела задание овладеть сибирской организацией и получить там реальную опору для борьбы с ЦК» [Стенограммы заседаний, 2007. С. 183]. Озвученную мысль поддержал Л. М. Каганович, заявивший, что он еще во время своего визита в Сибирь в апреле 1930 г. «предупреждал Эйхе, что Кузнецов против», однако последний «не выступал, пока ему сигнала не давали»³⁵ [Стенограммы заседаний, 2007. С. 189].

³¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 512. Л. 60–61.

³² Стенограммы их выступлений см.: [Морозова, 2013. С. 62–67].

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 512. Л. 71; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 790. Л. 25.

³⁴ Подробнее см.: [Кислицын, 2014. С. 159–186].

³⁵ Эта реплика Л. М. Кагановича была вычеркнута из итогового стенографического отчета и приводится авторами сборника по первоначальной расшифровке стенограммы, записанной «с голоса».

Вброшенная версия мгновенно достигла Сибири. В тот же день возможная связь С. И. Сырцова с «беспринципной групповщиной» стала предметом обсуждения на состоявшемся в Новосибирске собрании краевого партийного актива [Демидов, 1989. С. 22]. Примечательно, что в пользу этой теории высказался даже Ф. Ф. Ляксуткин. Не имея никаких доказательств, он тем не менее пришел к выводу, что у С. И. Сырцова, «несомненно, был разговор с тов. [В. Н.] Кузнецовым, [В. Ю.] Егером и, возможно, [И. Е.] Клименко о том, что нужно изменить состав управления, чтобы эта группа встала по главе руководства Сибири» [Морозова, 2013. С. 69].

Резолюция, принятая краевым партийным активом, легла в основу мощной идеолого-пропагандистской кампании. В результате В. Н. Кузнецов, толком не успевший оправдаться за участие в заговоре против Р. И. Эйхе, оказался под градом новых обвинений. Ответной реакцией на них стали три письма, направленные В. Н. Кузнецовым в высшие партийные инстанции в ноябре – декабре 1930 г. Первые два письма представляют собой подлинники, отложившиеся в РГАСПИ, третье – отпуск, хранящийся в РГАНИ.

Документы публикуются впервые и имеют научную ценность в нескольких отношениях. Во-первых, позволяют восполнить лакуны в биографии, составить политический и отчасти психологический портрет В. Н. Кузнецова. В отличие от письма, направленного В. Н. Кузнецовым и Ф. Ф. Ляксуткиным В. М. Молотову в августе 1930 г., новая корреспонденция не содержала ни тени раскаяния. Признание ошибок сменилось очередными упреками в адрес Р. И. Эйхе, а сдержанный бюрократический язык уступил место эмоциональному повествованию, насыщенному идеологическими клише. Во-вторых, письма способствуют более глубокому пониманию того, как функционировала Сибирская партийная организация в конце 1920-х годов: каким образом строились взаимоотношения среди краевого партийного руководства Сибири, как принимались отдельные кадровые решения и т. п. В-третьих, пытаясь отмежеваться от обвинений в причастности к «право-левацкому блоку Сырцова – Ломинадзе», В. Н. Кузнецов предложил новый, ранее не известный, взгляд на попытку сменить первого секретаря Сибкрайкома ВКП(б), представив ее частью своей непримиримой борьбы с «примазавшимися» к партии элементами, которым будто бы покровительствовал Р. И. Эйхе.

Главной задачей, которую преследовал В. Н. Кузнецов, обращаясь в ЦК ВКП(б), являлось восстановление утраченного доверия со стороны высшего партийного руководства. Поэтому судить о том, чего в письмах больше – правды или вымысла – сложно. Как минимум часть приведенных В. Н. Кузнецовым фактов поддается верификации по другим источникам, что отражено в примечаниях к документам. Остальные требуют критического отношения и могут стать основой для новых научных изысканий. При этом публикуемые документы и дальнейшая судьба В. Н. Кузнецова являются ярчайшей иллюстрацией возможностей и пределов политической адаптации человека в условиях свертывания внутрипартийной демократии и повсеместного усиления государственного контроля.

Выявленные к настоящему времени источники не позволяют установить, какой была реакция адресатов на публикуемые ниже письма. Но вскоре после

их написания, в самом конце 1930 г., В. Н. Кузнецов все же смог получить работу — был введен в члены правления Главного льнопенькового комитета Наркомата земледелия СССР³⁶. Своему дальнейшему продвижению по карьерной лестнице, судя по всему, он был обязан персонально члену ЦК ВКП(б), народному комиссару снабжения СССР А. И. Микояну. Именно по инициативе последнего в июле 1931 г. В. Н. Кузнецов был назначен начальником хлебофуражного сектора Наркомата снабжения СССР, а позднее, в сентябре 1932 г., начальником управления кадров того же наркомата³⁷. Занятие столь высоких должностей и успешное прохождение чистки ВКП(б) в сентябре 1933 года³⁸ свидетельствуют, что избранная В. Н. Кузнецовым линия поведения принесла свои плоды.

Однако восстановленное доверие не было безграничным. В мае 1935 г. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) внезапно припомнила В. Н. Кузнецову произнесенный им летом 1934 г. тост за здоровье начальника Главного управления молочной промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР Г. Е. Евдокимова, несколько месяцев спустя арестованного по обвинению в руководстве контрреволюционной террористической организацией³⁹. Несмотря на то, что партколлегия КПК ограничилась «устным указанием», этот случай стал предвестником надвигавшейся угрозы. 4 января 1938 г. В. Н. Кузнецов был арестован по обвинению в причастности к террористической организации и доносительстве о шпионаже. 19 марта он был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян [Папков С. А., 2020. С. 220].

Письма В. Н. Кузнецова публикуются по современным правилам правописания с сохранением стилистических особенностей текста. Пропуски и сокращения восстановлены в квадратных скобках, инициалы к фамилиям добавлены только при первом упоминании.

№ 1

Письмо В. Н. Кузнецова в ЦК и ЦКК ВКП(б)

[г. Москва,] 27-й дом Советов

10.XI.[19]30 г.

В ЦК ВКП(б) — т. т. [И. В.] Сталину^[1], [Л. М.] Кагановичу^[2],
[П. П.] Постышеву^[3],
[в] ЦКК — т. [С.] Орджоникидзе^[4].

Сегодня, 10-го ноября, в «Правде» опубликована резолюция Западно-Сибирского краевого партактива, в которой говорится, что выступление беспринципной группы в Сибири против т. [Р. И.] Эйхе^[5] есть первая разведывательная

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 9267. Л. 3 об.

³⁷ Там же. Л. 17, 18.

³⁸ Там же. Л. 19.

³⁹ Там же. Л. 20.

антипартийная вылазка оппортунистов[-]двурушников [В. А.] Каврайского^[6], [И. С.] Нусинова^[7] и других^[8]. Самым решительным образом протестую против этого незаслуженного обвинения. Никакого отношения к право[-]«левацкому» блоку, возглавляемому [С. И.] Сырцовым^[9] и [В. В.] Ломинадзе^[10], не имею и их взгляды решительным образом осуждаю.

Я считаю, что в период величайшего под[ъ]ема победоносного строительства социализма в нашей стране, когда наши враги стараются активно использовать конъюнктурные трудности роста — {особенно решительная должна быть борьба с оппортунистическими уклонами в рядах нашей партии}⁴⁰. Люди, возглавляемые⁴¹ правый, «левый» уклоны или беспринципный право[-]«левацкий» блок, какое бы они положение в партии не занимали, должны нести суровую партийную ответственность. Партия правильно делает, когда исключает из своих рядов Рютиных, Слепковых, Каврайских, Нусиновых, Курсов, Гальпериных, одновременно требуя ответственности от лидеров оппортунистических уклонов. Нытики, малoverы, являющиеся рупором кулацко-нэпмановской идеологии, которые двурушничают, когда говорят о правильности генеральной линии партии, а на деле устраивают фракционные собрания против партии — это есть свойство мещанина, интеллигента. Когда согласишься на состав группы Сырцова, немудрено заключить, что такой народ партии ничего хорошего дать не может, а, наоборот, повредит партии. Эти люди никогда не были связаны с массой, они не знают нашей партии, [не знают] рабочий класс, они всегда были недовольными. Кто эти люди?

Каврайский — сын помещика, мещанин по натуре, прикрывал себя левой фразой. Нусинов — сын купца «левацко»-троцкиствующий элемент. [А. Л.] Курс^[11] — бывший активный анархист, который и до сих пор не расстался со своей буржуазной анархической принадлежностью. [А. И.] Гальперин^[12] — бывший троцкиствующий интеллигент.

Всех их я знал 5 лет и никогда не доверял им, считая их примазавшимися элементами к нашей партии — это и было одной из причин конфликта с т. Эйхе, в глазах которого они (Каврайский, Нусинов) были лучшими большевиками и являлись главными советниками.

Убедительно прошу на основе имеющихся фактов разобрать этот вопрос и снять совершенно незаслуженное и ложное обвинение о моей связи с двурушниками право-«левацкого» блока.

В. Кузнецов.

Тел. 14-80, доб. 33
27-й дом Советов
В. Кузнецов

© РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 31. Л. 21–22. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. В верхнем правом углу — выполненная карандашом рукописная помета: «Копия — т. Москвину».

⁴⁰ Здесь и далее фразы, заключенные в фигурные скобки, подчеркнуты В. Н. Кузнецовым.

⁴¹ Явная опечатка. Читать: возглавляющие.

№ 2

Письмо В. Н. Кузнецова заведующему отделом распределения административно-хозяйственных и профсоюзных кадров ЦК ВКП(б) И. М. Москвину

[г. Москва, 27-й дом Советов]

[10.XI.1930 г.]

Дорогой т. [И. М.] Москвин^[13]!

После разговоров с т. т. [П. П.] Постышевым, [К. Ф.] Пшенициным^[14], [Н. Ф.] Никозцевым^[15] я дал согласие пойти работать в Колхозцентр — {а мне сказали, что надо подождать, выяснить ваше отношение к группе Нусинова и Каврайского}. Это заявление и решение Новосибирского краевого актива (опубликованное сегодня в «Правде») прямо-таки ошеломило меня.

Я все время в Сибири боролся с Нусиновым, Каврайским, на этой почве возникли нелады с т. Эйхе, а теперь кто-то пытается об[ъ]единить меня с этой публикой, которая примазалась к партии и которую я всегда считал чуждой партии. Я боролся за линию партии, я буду и впредь за эту ленинскую линию бороться против оппортунистов[-]двурушников. Очень прошу дать возможность переговорить на эту тему и не смешивать меня с этими предателями [и] двурушниками.

Прошу, т. Москвин, дать мне работу, вот уже скоро месяц, как я без дела. Просил бы послать меня {работать инструктором ВЦИКа или на профсоюзную работу}.

В. Кузнецов (бывший секр[етарь] Сибкрайкома [ВКП(б)]).

Тел. 14-80,
доб. 33.

© РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 31. Л. 23-23 об. Рукописный подлинник.

№ 3

Письмо В. Н. Кузнецова в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, П. П. Постышеву, Н. Э. Бауману и в ЦК ВКП(б) Е. М. Ярославскому

[Б.м.]

6.XII.[19]30 г.

Копия

Дорогие товарищи!

Очень тяжело носить незаслуженное обвинение, которое сделано в решении краевого актива Западно-Сибирской организации и в корреспонденции т. [И. И.] Ляшенко^[16], опубликованных в «Правде». В этих материалах рассматривается выступление «беспринципной группы» в Сибири против т. Эйхе как первая разведывательная антипартийная вылазка оппортунистов[-]двурушников Сырцова, Каврайского, Нусинова и др. Выходит, что «беспринципная группа» в Сибири, в том числе и я, по определенному плану

вместе с группой Сырцова выступили против твердого ленинского руководства т. Эйхе, с той целью, чтобы создать новое руководство, идущее против линии партии. Тягчайшее обвинение. Я никогда не был в оппозиции линии партии и ленинскому ЦК. По мере своих сил я решительным образом боролся за торжество линии партии, за большевистский ленинский ЦК. Я считал и считаю, что партия под руководством своего ленинского ЦК добилась величайших успехов в строительстве социализма. Невиданные в истории человечества темпы социалистического строительства есть результат правильной линии партии и твердого большевистского руководства ЦК. Я считал и считаю, что бороться против линии партии, против ЦК могут только враги нашей партии или люди, непонимающие происходящих процессов классовой борьбы, паникерски шарахающиеся от трудностей нашего роста. В борьбе за социализм, преодолевая трудности, стоящие на нашем пути, решительно отражая наскоки на линию партии со стороны правых, нытиков, маловеров, являющихся рупором кулацко-капиталистической идеологии «левых» фразеров, по сути являющихся тоже представителями этой же идеологии — наша партия, как никогда, стала могучей большевистской твердыней, осуществляющей великое строительство социализма. Я никогда не сомневался в линии партии, в успехах, которые мы имеем на основе проведения этой линии, никогда у меня не колебалось доверие к ЦК, я верил и верю в большевистскую силу ЦК, поэтому я всегда боролся за линию партии, за ЦК. Поэтому тяжело носить обвинение в том, что мне является чуждым. Тем более, что в этих материалах соединяют «беспринципную группу», следовательно, и меня, с людьми (Каврайский, Нусинов, Курс, Гальперин), которых органически мы переваривать не могли, которых всегда считали примазавшимися к нашей партии. Я уже писал вам, что одна из причин конфликта с тов. Эйхе и было то, что мы отрицательно относились к Каврайскому, Нусинову, Курсу, Гальперину и, наоборот, в глазах т. Эйхе они были лучшими большевиками и являлись главными советниками. Привожу для вашего сведения ряд примеров.

После 3-й Сибирской партконференции^[17], на которой т. Сырцов выкинул лозунг «накопляйте в добрый час», по-видимому для того, чтобы сгладить свою ошибку, [он] вплотную сблизился с левацкими элементами Каврайским, Нусиновым. Нусинов, Каврайский были приближены к руководству, им поручалось разрабатывать основные вопросы Сибирской деревни, их делали специалистами по вопросу — классы и классовое расслоение Сибирской деревни^[18], их выдвинули в «теоретики» и в присяжные ораторы по вопросам деревни. Нас многих удивляло и возмущало «выдвижение» Нусинова и Каврайского. В начале 1928 года Нусинова выдвигают заворготделом Барнаульского ОК ВКП(б), где я был секретарем. Я и [Н. А.] Базовский, который работал в Барнауле председателем окрисполкома, возражали против Нусинова. Когда меня взяли на пост заворготдела крайкома, Нусинова предложили сделать секретарем Барнаульского ОК. И здесь я возражал против Нусинова, выдвигая местного работника т. Мальцева на пост секретаря. В это же время Каврайского взяли из статотдела для работы в крайком, где он и становится советником. Переход Каврайского для работы в аппарат и выдвижение Нусинова в секретари

Барнаульского ОК вызывало большое недовольство в среде руководящего актива. Это недовольство в особенности сказалось на 4-й Сибирской партконференции^[19]. В состав крайкома были выдвинуты: Каврайский, Нусинов, [Б. Г.] Резников^[20], [А. М.] Гендон^[21]. На предварительном совещании я резко выступил против Резникова (Резников [—] активный работник группы «Настоящее»^[22], которого терпеть не могли в Сибирской организации) и Резников был провален в крайком. На самой же конференции сделали отвод Нусинову, Гендону, Гендона провалили, а Нусинов получил маленькое большинство при голосовании в крайком, несмотря на выступление Сырцова в защиту их. Это же отрицательное настроение к группе «Настоящее» активно проявилось и на первом пленуме крайкома после конференции^[23]. Каврайскому был дан отвод, но при определенном нажиме Сырцова он был проведен в кандидаты [в члены] бюро крайкома. После выезда Сырцова из Сибири Каврайский и Нусинов еще ближе становятся к руководству. Тов. Эйхе в их лице находит теоретическое дополнение себе. Происходит сильнейшее влияние Каврайского и Нусинова на Эйхе, который безапелляционно принимал все изречения этих «теоретиков» за большевистскую истину. Из всего состава окружных секретарей т. Эйхе выделяет Нусинова как лучшего секретаря, подчеркивая это особым вниманием. На одном заседании бюро крайкома^[24] я выступил с резкой речью против Нусинова, обвиняя его в пренебрежительном отношении к директивам аппарата крайкома и, в частности, к указаниям орготдела крайкома, который возглавлялся мною. Тов. Эйхе это выступление очень не понравилось, который и сделал мне замечание. После этого бюро крайкома свою речь об исполнении директив крайкома окружными организациями я передал для печати в журнал «На ленинском пути» и в «Известия» крайкома и сам уехал в отпуск. Эйхе вмешался в это дело и взялся «редактировать» мою речь, которая поступила в журнал «На ленинском пути». Редакция его заключалась в том, что он выкинул из этой речи все то, что не нравилось Нусинову. Второй экземпляр моей речи не попал в руки т. Эйхе и она полностью была помещена в «Известиях» крайкома^[25]. Недолго пришлось поработать Нусинову в Барнауле. Тов. Эйхе выдвигает его в Томск вместо т. [В. Л.] Букатого^[26] [—] старого сибиряка [—] рабочего, я высказываю свои сомнения по поводу этой посылки, т. [В. Ю.] Егер^[27] возражает против Нусинова. Нусинов посылается в Томск, к которому с большей силой проявляется внимание т. Эйхе и его забота. Нусинову не нравится т. Егер как докладчик, представитель крайкома на окружной конференции и он его отводит, Эйхе настаивает заменить Егера другим докладчиком и на конференцию посылается от крайкома т. [А. И.] Мезис^[28]. С приходом т. Егера в аппарат крайкома начинается организованная борьба за линию партии в литературе против «настоящинцев», поддерживаемых Сырцовым и Эйхе. Я с Егером проводим⁴² краевое совещание заведующих окружных АПО, где критикуем «настоящинцев» как представителей «левых» загибов, принимаем соответствующие резолюции и эти резолюции при фактическом

⁴² Окончание исправлено от руки. Изначально было напечатано: проводили.

сопротивлении т. Эйхе не вносятся на рассмотрение крайкома, потому что против [н]их Нусинов, Каврайский, Курс, Гальперин. Получается даже наоборот, незадолго до решения ЦК о «Настоящем»^[29], о снятии Курса с поста редактора «Советской Сибири» бюро крайкома под руководством т. Эйхе (меня в это время не было в Сибири) выносит решение, в котором восхваляется «Настоящее». Большое недоумение и недовольство возникло у актива в связи с этим решением. «Настоященцы» ведут работу против т. Егера, заведующего АПО, и т. Эйхе не проявляет никакой защиты т. Егера^[30]. После того, как меня выдвинули на пост [второго] секретаря крайкома, многими товарищами и, в частности, мною т. Егер выдвигался в заворги крайкома. Об этой кандидатуре я неоднократно говорил с т. Эйхе и всякий раз получал уклончивые ответы. Нусинов, Каврайский были против выдвижения Егера, Каврайский заявил, что он работать не будет, если Егер будет заворгом. И т. Эйхе делал так, как говорил[и] Нусинов, Каврайский, и поэтому мы жили несколько месяцев без заворга^[31].

В период перегибов при коллективизации особенно выросло недовольство Каврайским и Нусиновым. Считали большими виновниками перегибов Каврайского, Нусинова, оказывающих через Эйхе [влияние] на политику крайкома. Пребывание Каврайского и Нусинова в Сибирской парторганизации к 5-й краевой [парт]конференции^[32] стало совершенно нетерпимым. Я ставлю несколько раз вопрос перед т. Эйхе о необходимости выезда Каврайского из Сибири и получил последний раз ответ: «А как на это посмотрит т. Сырцов[?]». Наконец-таки, Каврайский уехал и этим самым облегчилось положение к конференции. Но все равно и в этот период недовольства Каврайским и Нусиновым т. Эйхе усердно их защищал от заслуженной критики. За критику в «Советской Сибири» Нусинова за то, что он недооценивает середняка, т. Эйхе бичует автора. За критику Нусинова и Томский ОК⁴³ за то, что он по-барски подходит к исполнению директив аппарата крайкома, т. Эйхе дает нагоняй заведующему информационным отделом крайкома т. [С. Е.] Сизых^[33]. На 5-й краевой партконференции председатель мандатной комиссии т. [А. Я.] Курганов^[34], согласовав со мной вопрос, покритиковал Нусинова, Томскую делегацию за то, что они привезли мало рабочих от станка и женщин на конференцию. т. Эйхе по этому поводу устроил большой скандал, ругая Курганова и меня за критику Нусинова. Выходило так, что т. Эйхе неограниченно доверял Каврайскому, Нусинову, Гальперину, приблизил их к руководству и оттолкнул нас (меня, Егера, Базовского, [Г. В.] Баранкина^[35] и др.). Это и было одной из причин нашего выступления [с] письмом в ЦК против т. Эйхе.

Тов. Эйхе не терял связь и самые дружеские отношения с Каврайским и Нусиновым до дня исключения их из партии. Когда решался вопрос о «беспринципной группе» в ЦК, т. Эйхе находил утешение и поддержку у Каврайского и Нусинова против нас. А когда ЦК вынес решение о «беспринципной группе», Нусинов и Каврайский ходили гоголем, радуясь тому, что наказали нас. В этот период, когда Нусинов и Гальперин уже не работали в Сибири, т. Эйхе

⁴³ Так в тексте. Читать: Томского ОК.

проявляет внимание, заботу к ним, выдавая денежную помощь через сибирское представительство.

Спрашивается, так неужели можно соединить нас с этой публикой, с которой мы боролись в Сибири? И как это можно, свою вину в потворстве этой явной антипартийной группе сваливать на людей, которые честно боролись за линию партии против этих левацких шарлатанов?

Я заявляю, что Сырцов никакого руководства в выступлении против т. Эйхе в Сибири не давал, он узнал о том, что у нас случилось в Сибири, накануне передачи нашего письма в ЦК и, оказывается, Сырцов сразу же сигнализировал Эйхе о том, что мы подаем в ЦК письмо против Эйхе.

Еще раз прошу разобраться в этом вопросе и снять с нас тягчайшее обвинение, которое делает в Сибири т. Эйхе.

КУЗНЕЦОВ.

☞ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 512. Л. 103–108. Машинописный отпуск.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович* (6 декабря 1879, г. Гори Тифлисской губ. – 5 марта 1953, г. Москва) – из семьи ремесленника; грузин. Профессиональный революционер. Член РСДРП с 1898 г. В 1912–1917 гг. – член ЦК РСДРП(б). В 1917–1922 гг. – Нарком по делам национальностей РСФСР. С марта 1919 г. – член Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. В 1922–1934 гг. – Генеральный секретарь, в 1934–1953 гг. – секретарь ЦК партии.

[2] *Каганович Лазарь Моисеевич* (10 ноября 1893, д. Кабаны Родомыслинского уезда Киевской губ. – 25 июля 1991, г. Москва) – из семьи чернорабочего; еврей. Профессиональный революционер. Член РСДРП(б) с 1911 г. В 1923–1924 гг. – кандидат в члены, в 1924–1957 гг. – член ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. С июля 1928-го по март 1939 г. – член Оргбюро и секретарь ЦК ВКП(б), с марта 1939-го по март 1946 г. – член Оргбюро ЦК ВКП(б). С июля 1930-го по октябрь 1952 г. являлся одновременно членом Политбюро ЦК ВКП(б).

[3] *Постышев Павел Петрович* (6 сентября 1887, г. Иваново-Вознесенск Владимирской губ. – 26 февраля 1939, г. Москва) – из семьи ткача; русский. Профессиональный революционер. Член РСДРП(б) с 1904 г. В 1925–1927 гг. – кандидат в члены, в 1928–1938 гг. – член ЦК ВКП(б). С июля 1930-го по январь 1934 г. – член Оргбюро и секретарь ЦК ВКП(б).

[4] *Орджоникидзе Серго (Григорий Константинович)* (15 октября 1886, с. Гореша Шорапанского уезда Кутаисской губ. – 18 февраля 1937, г. Москва) – из семьи крестьянина; грузин. Профессиональный революционер. Член РСДРП(б) с 1903 г. В 1912–1917 гг. – член ЦК РСДРП(б). В 1921–1927 гг. – член ЦК РКП(б) – ВКП(б). С ноября 1926-го по октябрь 1930 г. – председатель ЦК ВКП(б). С 10 ноября 1930 г. являлся председателем ВСНХ СССР, о чем писавший на его имя В. Н. Кузнецов, по всей видимости, еще не знал.

[5] *Эйхе Роберт Индрикович* (31 июля 1890, усадьба Авотын Добленского уезда Курляндской губ. — 4 февраля 1940, г. Москва) — из семьи батрака; латыш. Окончил Добельское двухклассное элементарное училище (1904). Член Латышской социал-демократической рабочей партии (СДЛК) с декабря 1905 г.

С 1905 г. активно участвовал в деятельности партийных кружков и ячеек, в 1908 г. — член Митавского комитета СДЛК. Неоднократно подвергался арестам. В 1908–1911 гг. находился в эмиграции в Англии. Работал кочегаром на пароходе дальнего плавания, на угольной шахте и на цинкоплавильном заводе. В Лондоне состоял в латышском социал-демократическом кружке. Через год после возвращения в Латвию, в конце 1912 г., был избран членом Рижского партийного комитета. В 1915 г. арестован, пожизненно сослан на поселение в Канский уезд Енисейской губернии. Бежав из ссылки в начале 1916 г., некоторое время скрывался в Иркутске и в Красноярске, весной 1917 г. вернулся в Латвию. В мае — августе 1917 г. — член президиума Совета рабочих депутатов Латвии, был избран членом ЦК СДЛК, затем в 1918 г. работал в Наркомате продовольствия РСФСР, в конце 1918-го — середине 1919 г. в правительстве Латвийской социалистической советской республики возглавлял Наркомпрод. В сентябре — декабре 1919 г. — заместитель губернского продкомиссара, с декабря 1919 по 1921 г. — заместитель председателя губисполкома в Челябинске. В 1921–1922 гг. — заместитель уполномоченного Наркомпрода в Ростове-на-Дону.

С мая 1922 г. — председатель Сибирского продовольственного комитета. С 17 августа 1924 г. — заместитель председателя Сибревкома, с 9 декабря 1925-го по 1 июня 1929 г. — председатель Сибкрайисполкома Советов. С 11 мая 1924 г. — член бюро Сибирского краевого комитета РКП(б). С 31 декабря 1925 г. — кандидат в члены ЦК ВКП(б). В начале июня 1929 г. сменил отозванного в Москву С. И. Сырцова на посту первого секретаря Сибкрайкома ВКП(б). С 13 июля 1930 г. — член ЦК ВКП(б). С сентября 1930 г. по октябрь 1937 г. возглавил Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б). С 29 октября 1937 г. — народный комиссар земледелия СССР. Состоял членом ЦИК СССР всех созывов. 12 декабря 1937 г. был избран депутатом Верховного Совета СССР. С 1 февраля 1935-го по 29 апреля 1938 г. одновременно являлся кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Арестован 29 апреля 1938 г. 2 февраля 1940 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания, 4 февраля 1938 г. — расстрелян. Реабилитирован 14 марта 1956 г.

[6] *Каврайский Владимир Александрович* (14 июля 1891, с. Сиуч Тагаевской вол. Симбирского уезда Симбирской губ. — 3 октября 1937, г. Алма-Ата) — из семьи помещика; русский; старший брат Б. А. Каврайского. Образование среднее. По профессии бухгалтер. Член РСДРП(б) с сентября 1917 г.

В 1905 г. участвовал в социал-демократическом кружке, тайно собиравшемся на квартире отца. В июне 1918 г. в Уфе поступил добровольцем в Красную армию, с 10 июня по 5 января 1919 г. служил на Восточном фронте, являлся секретарем политотдела штаба 2-й армии. С января 1919-го по июль 1920 г. — заведующий финансово-счетным отделом и член коллегии Уфимского губпродкома. С июня 1920-го по март 1921 г. состоял заместителем губпродкомиссара и уполномоченным губернского продовольственного совещания по Белебеевскому уезду Уфимской губернии. С марта 1921-го по ноябрь 1922 г. — начальник организационного и административного управлений Наркомзема РСФСР в Москве.

В ноябре 1922 г. откомандирован в Сибирь. По решению Сиббюро ЦК РКП(б) назначен заместителем заведующего Новониколаевского губфинотдела. С апреля 1923 г. являлся заведующим налоговым отделом Сибирского финансового управления

и заместителем уполномоченного Наркомфина по Сибири. С сентября 1926 г. — заведующий Сибирским статистическим управлением. В конце 1920-х годов занимал ключевые должности в аппарате Сибкрайкома ВКП(б): с октября 1928 г. — заместитель заведующего организационным отделом, с марта 1929 г. — заведующий отделом по работе в деревне, с января 1930 г. — заведующий отделом агитации и массовых кампаний. В январе 1929 г. был назначен ответственным редактором издававшегося Сибкрайкомом ВКП(б) двухнедельного политико-экономического журнала «На ленинском пути». С марта 1929 г. одновременно являлся кандидатом в члены бюро, а с января 1930 г. — членом бюро Сибкрайкома ВКП(б). Написал ряд книг и статей о сибирской деревне. 15 декабря 1929 г. принимал непосредственное участие в принятии бюро Сибкрайкома ВКП(б) решения об ускорении темпов коллективизации в Сибири.

В мае 1930 г. был отозван в Москву для работы в качестве инструктора отдела агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б). Затем являлся заведующим сектором информации и статистики организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б). Однако вскоре был обвинен в «антипартийной двурушнической фракционной работе», снят с должности и 22 октября 1930 г. исключен из ВКП(б). 25 октября был арестован наряду с И. С. Нусиновым, А. И. Гальпериным и др. Освобожден после дачи признательных показаний. Последующие шесть лет проживал в г. Алма-Ате, где работал сначала научным сотрудником в Институте реконструкции сельского хозяйства, а позднее — заместителем начальника Управления народно-хозяйственного учета при СНК Казахской ССР. 2 февраля 1937 г. вновь арестован. 3 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 26 апреля 1958 г. В феврале 1989 г. посмертно восстановлен в рядах партии с 1917 г.

[7] Нусинов Исаак Соломонович (1901, г. Житомир — 27 сентября 1937, г. Москва) — из мещан; еврей. Образование среднее. Член Бунда с марта 1917-го по апрель 1919 г. Член РКП(б) с ноября 1919 г.

В декабре 1918 г. добровольцем вступил в Красную армию. В апреле 1919 г. был контужен и демобилизован. В конце 1919-го — начале 1920 г. вел подпольную работу в Одессе в пользу большевиков. В конце апреля 1920 г. вновь вступил добровольцем в Красную армию. Являлся членом бюро Киевского губкома комсомола. В октябре 1920 г. делегирован на третий Всероссийский съезд РКСМ, на котором был избран членом бюро еврейской секции при ЦК РКСМ. С мая 1923-го по февраль 1924 г. являлся ответственным секретарем Витебского губкома комсомола, в марте — мае 1924 г. — заместителем секретаря ЦК комсомола Белорусской ССР. С 20 мая 1924 г. служил заведующим орготделом Борисовского укома, с 12 апреля 1925 г. — секретарем Борисовского окружкома КП(б) Беларуси. 16 сентября 1926 г. был назначен инструктором Сибкрайкома ВКП(б). С марта 1928 г. — заведующий орготделом, с октября 1928 г. — ответственный секретарь Барнаульского окружкома ВКП(б). В конце декабря 1929 г. утвержден ответственным секретарем Томского окружкома ВКП(б). Автор и соавтор ряда публикаций, посвященных сибирской деревне. В августе 1930 г. был назначен ответственным инструктором ЦК ВКП(б).

Осенью 1930 г. был объявлен участником антипартийного «право-левацкого блока», за что 22 октября исключен из ВКП(б). 25 октября был арестован наряду с В. А. Каврайским, А. И. Гальпериным и др. Освобожден после дачи признательных показаний. 12 декабря 1930 г. выслан в Алма-Ату, где позднее работал старшим научным сотрудником Казахского НИИ животноводства. 23 декабря 1936 г. вновь арестован. 27 сентября 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной организации приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Реабилитирован 26 апреля 1958 г.

[8] Наряду с осуждением так называемого «право-левацкого блока» данная публикация действительно содержала отсылку к так называемому заговору против Р. И. Эйхе: «Собрание партактива отмечает, что в свете последних фактов антипартийных фракционных вылазок оппортунистов-двурушников антипартийное выступление беспринципной группы Клименко и Кузнецова, которое имело место в западно-сибирской парторганизации, является одной из первых разведывательных антипартийных вылазок, рассчитанных на то, чтобы найти опору для своих двурушнических действий, чтобы дезорганизовать ряды парторганизации, поколебать их единство» [Сильнее огонь по оппортунистам-двурушникам, 1930].

[9] Сырцов Сергей Иванович (5 июля 1893, с. Славгород Екатеринбургской губ. — 10 сентября 1937, г. Москва) — из семьи служащих; русский. Образование неоконченное высшее. Член РСДРП(б) с 1913 г.

В 1912 г. окончил коммерческое училище в Харькове и поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института. После вступления в партию вел революционную работу среди студенчества, а с осени 1914 г. — среди рабочих Невского района. В ноябре 1914 г. был арестован, однако летом 1915 г. освобожден. Вел пропагандистскую работу в Петрограде, являлся членом районного комитета РСДРП(б). В апреле 1916 г. был арестован вторично, шесть месяцев провел в тюрьме, после чего подвергся высылке в административном порядке в Верхотенский уезд Иркутской губернии.

После Февральской революции 1917 г. вернулся в Петроград. В августе — сентябре 1917 г. — председатель Совета рабочих и солдатских депутатов в Ростове-на-Дону. С осени 1917-го по весну 1918 г. — председатель Воронежского военно-революционного комитета. Затем — член президиума Совета рабочих и солдатских депутатов в Ростове-на-Дону и председатель Совнаркома Донской республики. С августа 1918-го по сентябрь 1919 г. служил военкомом 12-й стрелковой дивизии. В 1919 г. — член Донского исполкома Советов. С июня 1920 г. — секретарь Одесского губкома РКП(б). С 1921 г. — заведующий учетно-распределительным отделом, с июня 1923 г. — отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б). 31 мая 1924 г. избран кандидатом в члены ЦК РКП(б).

По решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1926 г. откомандирован в Сибирь для работы в качестве первого секретаря Сибкрайкома ВКП(б). 9 марта введен в члены пленума, а 12 марта — в члены президиума Сибкрайисполкома Советов. С 19 декабря 1927 г. — член ЦК РКП(б). 8 июня 1928 г. направил И. В. Сталину личное письмо в связи с полученной от С. В. Косиора информацией о намерении Секретариата ЦК поставить вопрос об отзыве Р. И. Эйхе с поста председателя Сибкрайисполкома Советов «для назначения его руководителем дела организации новых совхозов». С. И. Сырцов характеризовал Р. И. Эйхе как «организатора, хорошо знающего сиб[ирские] условия», и очень просил И. В. Сталина отказаться от этого намерения, чтобы не ослаблять сибирское руководство. Совместно с Р. И. Эйхе, 22 августа 1928 г. обратившимся с аналогичной просьбой к В. М. Молотову, сумел отстоять свою точку зрения перед высшим партийным руководством.

16 мая 1929 г. утвержден Политбюро ЦК на должность председателя Совнаркома РСФСР. С согласия Политбюро оставался в Сибири вплоть до окончания пленума Сибкрайкома ВКП(б), состоявшегося 1–3 июня 1929 г. Затем выехал в Москву. Занимал пост председателя Совнаркома РСФСР до 3 ноября 1930 г. С 21 июня 1929 г. одновременно являлся кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

В конце октября 1930 г. был обвинен в организации фракционной антипартийной группы. По результатам состоявшегося 4 ноября 1930 г. объединенного заседания

Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) выведен из состава ЦК ВКП(б). Переведен на хозяйственную работу. В 1931–1935 гг. являлся заместителем председателя Правления акционерного общества «Эксполес», в 1935–1937 гг. — директором электростальского завода № 12 в Московской области.

19 апреля 1937 г. был арестован. 10 сентября по обвинению в участии в антисоветской террористической организации приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 28 декабря 1957 г., восстановлен в партии.

[10] *Ломинадзе Виссарион Виссарионович* (25 мая 1897, г. Кутаиси — 19 января 1935) — из семьи учителя; грузин. Член РСДРП(б) с марта 1917 г.

Участник подавления Кронштадтского восстания. В 1922–1924 гг. — ответственный секретарь ЦК КП(б) Грузии. В 1925–1926 гг. — секретарь Исполкома Коммунистического интернационала молодежи. Затем, с марта 1926 г., член президиума Исполкома Коминтерна. В 1927 г. — представитель Исполкома Коминтерна в Китае. В 1928–1929 гг. возглавлял агитационно-пропагандистский отдел Нижегородского губернского комитета ВКП(б). С мая по ноябрь 1930 г. — первый секретарь Закавказского краевого комитета ВКП(б). С декабря 1925 г. одновременно являлся кандидатом в члены, с июля 1930 г. — членом ЦК ВКП(б). В конце октября 1930 г. наряду с С. И. Сырцовым был обвинен во фракционной работе и организации так называемого «право-левацкого блока». По результатам состоявшегося 4 ноября 1930 г. объединенного заседания Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) выведен из состава ЦК ВКП(б).

В 1931–1932 гг. работал начальником научно-исследовательского сектора Наркомата снабжения СССР. В 1932–1933 гг. — партийным организатором на заводах Москвы и Северо-Кавказского края. С августа 1933 г. занимал пост первого секретаря Магнитогорского городского комитета ВКП(б). Покончил жизнь самоубийством.

[11] *Курс Александр Львович* (22 марта 1892, г. Брест-Литовск — 30 декабря 1937, г. Москва) — из семьи фельдшера и акушерки; еврей. Самоучка. В 1906–1907 гг. примыкал к партии социалистов-революционеров. В 1913–1919 гг. позиционировал себя как анархист. Член РКП(б) с марта 1919 г. В 1919–1921 гг. — редактор газеты в Красной армии.

В Сибири работал с 1926 г. 22 октября был утвержден инструктором, а 26 ноября того же года — заместителем заведующего отделом печати Сибкрайкома ВКП(б). 21 октября 1927 г. секретариат Сибкрайкома постановил направить А. Л. Курса в распоряжение редакции краевой газеты «Советская Сибирь», «оставив его по совместительству первым заместителем зав. отдела печати». В начале 1928 г. инициировал издание ежемесячного литературно-художественного журнала «Настоящее». Являлся его ответственным редактором. В марте 1929 г. вместо отозванного в распоряжение ЦК ВКП(б) И. И. Шацкого, являвшегося ответственным редактором «Советской Сибири», бюро Сибкрайкома ВКП(б) поручило издание газеты коллективному органу — редколлегии в составе Б. Г. Резникова, В. А. Каврайского и А. Л. Курса. 3 июня 1929 г. на ближайшем пленуме краевого партийного комитета по предложению Р. И. Эйхе А. Л. Курс был избран ответственным редактором «Советской Сибири» и кооптирован в члены Сибкрайкома ВКП(б). В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 25 декабря 1929 г. и принятом на его основе решении бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 26 декабря того же года был снят с должностей ответственного редактора журнала «Настоящее» и ответственного редактора газеты «Советская Сибирь».

В октябре 1930 г. был обвинен во фракционной работе и исключен из ВКП(б). 25 октября 1930 г. подвергся аресту наряду с В. А. Каврайским, И. С. Нусиновым и др. Освобожден после дачи признательных показаний. 1 июня 1937 г. вновь арестован.

20 декабря 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 27 октября 1956 г.

[12] Гальперин Александр Израйлевич (31 декабря 1900, г. Черкассы Киевской губ. — 24 марта 1937) — еврей. Окончил шесть классов средней школы и Коммунистический университет им. Свердлова. С марта по октябрь 1917 г. состоял в Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей Цион». Член РКП(б) с марта 1919 г.

С мая 1926 г. — заведующий подотделом печати Иркутского губкома ВКП(б). Вероятно, именно в Иркутске познакомился с Б. Г. Резниковым, состоявшим в то время членом Иркутского губкома. С 1 августа 1927 г. был зачислен в штат агитационно-пропагандистского отдела Сибкрайкома ВКП(б) в качестве лектора-пропагандиста. В соответствии с решением секретариата Сибкрайкома ВКП(б) от 5 ноября 1927 г. был откомандирован в распоряжение Барнаульского окружкома ВКП(б) «на руководящую агитпропработу». С 22 ноября — заведующий агитационно-пропагандистским отделом Барнаульского окружкома ВКП(б). Работал под непосредственным руководством В. Н. Кузнецова, до начала сентября 1928 г. являвшегося секретарем этого окружкома. В марте 1929 г. отозван из Барнаула обратно в Новосибирск для работы в качестве заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом Сибкрайкома ВКП(б). Фактически занимал эту должность с 1 мая 1929 г. Решением бюро Сибкрайкома от 16 мая того же года был введен в состав редколлегии журнала «На ленинском пути» с возложением на него обязанностей заместителя редактора. 5 января 1930 г. бюро Сибкрайкома постановило утвердить А. И. Гальперина «пом[ощником] тов. Эйхе». Занимал должность помощника секретаря Сибкрайкома ВКП(б) вплоть до реорганизации этого органа в Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б).

Осенью 1930 г. — аспирант Института литературы при Комкадемии. 24 октября 1930 г. исключен из ВКП(б) по обвинению в поддержке «право-левацкого блока Сырцова — Ломинадзе». 25 октября 1930 г. был арестован наряду с В. А. Каврайским, И. С. Нусиновым и др. Освобожден после дачи признательных показаний.

В середине 1930-х годов работал старшим экономистом в финансовом отделе Главного управления метизной промышленности и предметов ширпотреба Наркомата тяжелой промышленности СССР. 3 октября 1936 г. вновь арестован. Приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

[13] Москвин Иван Михайлович (16 января 1890, г. Тверь — 27 ноября 1937, г. Москва) — из семьи конторского служащего; русский. Окончил Тверскую классическую гимназию (1909) и 2,5 курса Горного института в Петрограде (1916). Член РСДРП(б) с осени 1911 г.

С августа 1926-го по январь 1930 г. — заведующий организационно-распределительным отделом, с января по ноябрь 1930 г. — отделом распределения административно-хозяйственных и профсоюзных кадров ЦК ВКП(б). С декабря 1927-го по октябрь 1932 г. — кандидат в члены Секретариата, с декабря 1927-го по февраль 1934 г. — член Оргбюро ЦК ВКП(б). С ноября 1930 г. — начальник сектора кадров ВСНХ СССР, с февраля 1932 г. — Наркомата тяжелой промышленности СССР. С марта 1934 г. работал в Комиссии советского контроля при СНК СССР: сначала в должности руководителя группы машиностроения, затем — руководителем группы тяжелой промышленности. 15 июня 1937 г. был арестован. 27 ноября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 11 июля 1956 г.

[14] Пшеницын Константин Федорович (1892, с. Глухово Богородского уезда Московской губ. — 23 мая 1937, г. Свердловск) — из семьи прядильщика; русский. Член РСДРП(б) с ноября 1917 г. С сентября 1926-го по август 1929 г. — ответственный

инструктор ЦК ВКП(б). С августа 1929 г. — заместитель заведующего организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б). После произведенной в январе 1930 г. реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) — заместитель заведующего отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б).

[15] Низовцев Николай Феодосьевич (1896, г. Великий Устюг Вологодской губ. — 8 февраля 1938, г. Минск) — из семьи служащего; русский. Член РКП(б) с 1918 г.

С 1919 г. — председатель Северо-Двинского губернского Совета профсоюзов. В 1920-е годы занимал должности председателя Северо-Двинского губисполкома Советов, председателя Вологодской губернской контрольной комиссии ВКП(б), председателя Вологодского губисполкома Советов. В 1929–1930 гг. — заместитель заведующего организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б).

[16] Ляшенко Иван Иванович (август 1899, с. Носовка Нежинского уезда Черниговской губ. — ?) — из крестьян; русский. В 1917 г. окончил Конотопскую гимназию, получил профессию учителя. Член РСДРП(б) с февраля 1917 г.

В 1917–1918 гг. работал учителем на дому в г. Конотоп Черниговской губернии. В декабре 1917-го — марте 1918 г. являлся членом редколлегии «Известий Конотопского ревкома» С 1919 г. — на партийной работе. С августа 1923-го по сентябрь 1925 г. — заведующий агитпропотделом Иркутского губкома РКП(б), с сентября 1925-го по май 1927 г. — Красноярского окружкома партии. 18 мая 1927 г. утвержден заведующим подотделом пропаганды агитационно-пропагандистского отдела Сибкрайкома ВКП(б). 15 июня 1928 г. командирован в Омск на должность секретаря горрайкома. С декабря 1929-го по февраль 1930 г. — заместитель заведующего агитпропотделом, с февраля по декабрь 1930 г. — заместитель заведующего отделом культуры и пропаганды, заведующий сектором печати Сибкрайкома ВКП(б). 28 апреля 1930 г. назначен заместителем главного редактора журнала «На ленинском пути». 10 июня 1930 г. избран кандидатом в члены пленума Сибкрайкома ВКП(б). С конца сентября 1930-го по март 1935 г. — редактор краевой газеты «Советская Сибирь». Сведений о дальнейшей судьбе нет.

[17] Третья Сибирская краевая конференция ВКП(б) проходила в Новосибирске с 25 по 30 марта 1927 г. Участие в ее работе приняли 470 делегатов: 247 — с решающим и 223 — с совещательным голосом. Повестка заседаний включала отчетные доклады Сибкрайкома ВКП(б) (докладчик — С. И. Сырцов), ревизионной комиссии (И. И. Кокосов), Сибирской краевой контрольной комиссии (С. В. Калашников), доклад об основных вопросах сельского хозяйства в Сибири (Р. И. Эйхе), содоклад о землеустройстве и колонизации (И. Н. Харламов), доклад мандатной комиссии (А. А. Иванов) и выборы краевых руководящих партийных органов.

[18] В конце 1927 г. Сибкрайиздат выпустил брошюру В. А. Каврайского и И. С. Нусинова под названием «Классовое расслоение сибирской деревни: опыт анализа социально-экономических отношений в современной советской деревне» [1927] тиражом три тысячи экземпляров. В разделе «От авторов» было сказано, что издание рассчитано на «практического политического и хозяйственного работника».

[19] Четвертая Сибирская краевая конференция ВКП(б) проходила в Новосибирске 25 февраля — 5 марта 1929 г. Участие в ее работе приняли 556 делегатов: 322 — с решающим и 234 — с совещательным голосом. Повестка заседаний включала отчетные доклады Сибкрайкома ВКП(б) (докладчик — С. И. Сырцов) и ревизионной комиссии (Б. Г. Редкин), доклады о работе Центральной контрольной комиссии (Я. Х. Петерс),

Сибирской краевой контрольной комиссии (С. В. Калашников), профессиональных союзов (В. Ф. Шарангович), а также «О состоянии и задачах строительства колхозов и совхозов» (Р. И. Эйхе), доклад мандатной комиссии (В. Ф. Комаров) и выборы краевых руководящих партийных органов.

[20] Резников Борис Григорьевич (1898 – ?) – еврей. Образование среднее. Член РСДРП(б) с 1917 г.

В 1926 г. – редактор иркутской газеты «Власть труда». Являлся членом пленума Иркутского губернского комитета, а с 27 сентября 1926 г. – окружного комитета ВКП(б). Вероятно, именно в Иркутске познакомился с А. И. Гальпериным. Решением бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 16 октября 1926 г. отозван из Иркутска для работы в качестве заместителя ответственного редактора краевой газеты «Советская Сибирь». В начале марта 1929 г. ходатайствовал перед Сибкрайкомом ВКП(б) об отправке его на редакторскую работу в один из округов, однако получил отказ. Вместо этого наряду с В. А. Каврайским и А. Л. Курсом был вновь утвержден членом редколлегии «Советской Сибири». 11 июня 1929 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) постановило удовлетворить просьбу Б. Г. Резникова об откомандировании на курсы марксизма, а 15 августа того же года – просить ЦК о допущении его к испытаниям в Институте красной профессуры.

После переезда в Москву часто бывал в гостях у С. И. Сырцова, которого знал по совместной работе в Сибири. Выступил в роли информатора ЦК ВКП(б) и одного из главных обвинителей по делу «право-левацкого блока Сырцова – Ломинадзе». Сведений о дальнейшей судьбе нет.

[21] Гендон Абрам Михайлович (22 июня 1902, г. Енисейск Енисейской губ. – не ранее 1942) – из мещан; еврей. Образование среднее. Член РКП(б) с июня 1920 г.

С марта 1920 г. являлся председателем Ачинского укома РКСМ, с сентября 1920 г. – ответственным секретарем Енисейского губкома РКСМ. С декабря 1921 г. – на работе в Енисейском губкоме РКП(б). С сентября 1924 г. – заведующий организационным отделом Минусинского укома РКП(б). В августе 1925-го – июле 1926 г. являлся ответственным редактором газеты «Власть труда» в г. Минусинске. В июле 1926 г. был зачислен в штат Сибкрайкома ВКП(б) на должность ответственного информатора. 8 апреля 1927 г. назначен заведующим информационным подотделом Сибкрайкома ВКП(б).

С декабря 1929-го по октябрь 1930 г. – ответственный секретарь Щегловского горкома ВКП(б). Осенью 1930 г. «за примиренческое отношение к двурушникам Нусинову и Каврайскому» был исключен из ВКП(б), однако уже в 1931 г. по решению ЦК ВКП(б) вновь восстановлен в партии. С июня 1931 г. – помощник начальника планового отдела, с ноября – начальник планово-экономического отдела Западно-Сибирского геологоразведочного управления в Томске. В марте 1932 г. назначен помощником управляющего этого управления. 25 сентября 1936 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. 2 июля 1937 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорен к пяти годам лишения свободы, отбывал наказание в Воркуте. Был освобожден 18 октября 1942 г. Сведений о дальнейшей судьбе нет.

[22] «Настоящее» – литературная группа, созданная по инициативе заместителя заведующего отделом печати Сибкрайкома ВКП(б) А. Л. Курса. С февраля 1928-го по январь 1930 г. группа издавала одноименный ежемесячный литературно-художественный журнал. Наряду с самим А. Л. Курсом на страницах журнала публиковались В. А. Каврайский, И. С. Нусинов, Б. Г. Резников, профессиональный писатель и журналист А. А. Панкрушин, ответственный редактор «Советской Сибири» И. И. Шацкий. Публикуемые на страницах

журнала материалы привели к серьезным противоречиям редакции с Максимом Горьким (подробнее см.: [Васильев, 2023]). Конфликт достиг таких масштабов, что в конце 1929 г. меры к его разрешению были приняты на самом верху партийной пирамиды: 25 декабря ЦК ВКП(б) приняло постановление, один из пунктов которого предписывал «поставить на вид редакции журнала „Настоящее“ помещение на страницах журнала материалов с недопустимыми выпадами против М. Горького». Последний номер вышел в январе 1930 г. Издание журнала официально прекращено по постановлению бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 14 апреля 1930 г.

[23] Заседание упомянутого пленума Сибкрайкома ВКП(б) состоялось 6 марта 1929 г.

[24] Имеется в виду заседание бюро Сибкрайкома ВКП(б) 2 июля 1929 г., на котором обсуждался вопрос «О выполнении заданий и директив крайкома окружкома ВКП(б)».

[25] Сравнение двух публикаций подтверждает наличие существенной разницы. Текст, опубликованный в журнале «Известия Сибкрайкома ВКП(б)» 15 июля 1929 г., действительно является стенограммой речи В. Н. Кузнецова, двумя неделями ранее произнесенной на бюро Сибкрайкома [За четкое, быстрое выполнение, 1929]. Стенограмма содержит резкую критику в адрес руководства ряда окружных комитетов и в первую очередь Барнаульского окружкома ВКП(б), секретарем которого в то время являлся И. С. Нусинов. Тогда как текст, вышедший 31 июля того же года в журнале «На ленинском пути», представляет собой скорее публицистическую статью, написанную «по мотивам» выступления В. Н. Кузнецова [Кузнецов, 1929b]. Он снабжен теоретическим введением со ссылками на В. И. Ленина и заметно сокращен в части примеров неисполнения окружками постановлений и запросов Сибкрайкома. При переработке стенограммы в статью из текста были изъяты требование «мер воздействия по отношению Барнаульского ОК» и предложение «вынести выговор некоторым ОК и секретарям ОК за невыполнение директив крайкома партии».

[26] Букатый Василий Львович (1889, г. Красноярск Енисейской губ. — ?) — из семьи политического ссыльного и крестьянки; литовец. Образование низшее. Член РСДРП(б) с 1917 г.

В 1920–1921 гг. являлся заместителем председателя сначала губревкома, затем — губисполкома Советов в Иркутске. В 1921–1922 гг. — заведующий орготделом Иркутского губкома РКП(б). С ноября 1922 г. — заведующий орготделом Енисейского губкома. В июле 1925 г. решением бюро Сибкрайкома РКП(б) утвержден секретарем Каменского окружкома РКП(б). 20 сентября 1927 г. отозван из г. Камня для работы в качестве заместителя заведующего организационно-распределительным отделом Сибкрайкома ВКП(б). Однако уже 18 сентября бюро Сибкрайкома пересмотрело вторую часть своего решения и постановило удовлетворить просьбу Томского окружкома, направив в его распоряжение В. Л. Букатого «на руководящую организационно-партийную работу». Работал в Томске сначала заведующим организационным отделом, позднее — ответственным секретарем окружкома. 27 ноября 1929 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) путем опроса приняло решение «ввиду троекратного запроса ЦК» согласиться с откомандированием В. Л. Букатого в распоряжение ЦК ВКП(б). Решение об откомандировании было принято единогласно девятью голосами, включая В. Н. Кузнецова и В. Ю. Егера, о чем свидетельствуют их собственноручные подписи (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 40. Л. 233). Сведений о дальнейшей судьбе нет.

[27] *Егер Вениамин Юльевич* (1895, г. Саратов — 18 января 1938, г. Воронеж) — из крестьян; немец. Образование среднее. Член РСДРП(б) с сентября 1917 г.

С апреля 1920 г. — член бюро Гурьевского укома, с сентября 1920 г. — заведующий агитационно-пропагандистским отделом, затем — секретарь Уральского губкома РКП(б). Согласно решению Оргбюро ЦК от 10 июня 1921 г. командирован в Саратов. С января 1922 г. — член президиума Саратовского губкома РКП(б). В мае 1923 г. был слушателем курсов марксизма в Москве, затем занимал должность заведующего агитпропотделом Смоленского губкома РКП(б).

В феврале 1926 г. ЦК принял решение направить В. Ю. Егера на ответственную работу в Сибирь. В 1926–1929 гг. — секретарь Красноярского окружкома ВКП(б). С марта 1927 г. — член пленума, с 6 марта 1929 г. — член бюро, а с 21 мая 1929 г. — одновременно член секретариата Сибкрайкома ВКП(б). 25 января 1930 г. утвержден заведующим отделом культуры и пропаганды, 11 июня — заведующим организационно-инструкторским отделом Сибкрайкома ВКП(б).

За участие в «беспринципной групповщине» решением Политбюро ЦК от 19 августа 1930 г. был снят с работы и отозван из Сибири. 4 декабря 1930 г. адресовал И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, П. П. Постышеву, К. Я. Бауману и Е. М. Ярославскому развернутое письмо, в котором попытался отмежеваться от так называемого «право-левацкого блока Сырцова — Ломинадзе». Как и В. Н. Кузнецов, В. Ю. Егер обвинил Р. И. Эйхе в покровительстве В. А. Каврайскому и И. С. Нусинову и попытался заверить высших партийных руководителей, что активно боролся с ними еще во время своего пребывания в Сибири.

С конца 1930 по 1931 г. — заведующий кафедрой высшей математики, временно исполняющий дела доцента Саратовского автодорожного института. В 1933 г. — заведующий Воронежским областным управлением снабжения. С сентября 1934-го по июль 1937 г. — заведующий Воронежским областным отделом внутренней торговли. 16 июля 1937 г. исключен из ВКП(б). Арестован 6 сентября 1937 г., 30 ноября приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в правотроцкистской организации. Расстрелян 18 января 1938 г. Реабилитирован 29 мая 1956 г.

[28] *Мезис Август Иванович* (30 августа 1894, Розенбергская вол. Вольмарского уезда Лифляндской губ. — 21 апреля 1938, Московская обл.) — из семьи фабрично-заводского рабочего; латыш. Окончил двухклассное училище. Член РСДРП с мая 1912 г.

Неоднократно подвергался арестам. После Февральской революции 1917 г. освобожден, вел партийную работу в г. Вольмар. С января 1919 г. — на службе, с апреля 1921 г. — на ответственных должностях политсостава в Красной армии. В 1922 г. награжден орденом Красного Знамени. В 1927 г. окончил Курсы усовершенствования высшего политсостава при Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева. С августа 1927 г. — заместитель начальника политуправления Украинского военного округа. С мая 1928 г. — заместитель начальника, с февраля 1929 г. — начальник политуправления Сибирского военного округа. С марта 1929 г. — кандидат в члены, а с июня по август 1930 г. — член бюро Сибкрайкома ВКП(б).

С октября 1930 г. — член Реввоенсовета и начальник политуправления Особой Краснознаменной дальневосточной армии. С августа 1933 г. — член Реввоенсовета и начальник политуправления Приволжского военного округа. С апреля 1937 г. — заместитель командующего войсками округа по политической части и начальник политуправления Белорусского военного округа. 26 ноября 1937 г. был арестован. 21 апреля 1938 г. по обвинению в военно-фашистском заговоре был приговорен в высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в июле 1956 г.

[29] Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) «О выступлениях части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького» от 25 декабря 1929 г.

[30] Решение о прекращении издания журнала «Настоящее» было принято бюро Сибкрайкома ВКП(б) 14 апреля 1930 г. по предложению В. Ю. Егера и под председательством В. Н. Кузнецова. Р. И. Эйхе был болен и участия в заседании не принимал.

[31] С начала февраля 1930 г., когда В. Н. Кузнецов был утвержден вторым секретарем Сибкрайкома ВКП(б), и как минимум до конца апреля 1930 г. руководство организационно-инструкторским отделом краевого комитета фактически осуществлялось А. Я. Кургановым, занимавшим должность заместителя заведующего отделом. Ведомости на выдачу заработной платы сотрудникам Сибкрайкома ВКП(б) за май 1930 г. содержат карандашную приписку, свидетельствующую о выплате месячной ставки заведующего отделом В. Ю. Егеру, хотя формально на эту должность он был утвержден только 11 июня 1930 г. (ГАОН. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4353. Л. 36 об.).

[32] Пятая Сибирская краевая конференция ВКП(б) проходила в Новосибирске 2–10 июля 1930 г. Участие в ее работе приняли 495 делегатов: 287 — с решающим и 208 — с совещательным голосом. Повестка заседаний включала доклады о работе ЦК ВКП(б) (А. И. Микоян), ЦКК ВКП(б) (А. З. Гольцман), Сибкрайкома ВКП(б) (Р. И. Эйхе), ревизионной комиссии (Р. И. Клевер), Сибирской краевой контрольной комиссии ВКП(б) (Ф. Ф. Лякутский), «О подъеме сельского хозяйства и коллективизации» (И. Е. Клименко), доклад мандатной комиссии (А. Я. Курганов) и выборы краевых руководящих партийных органов.

[33] *Сизых Сергей Евгеньевич* (1902, с. Тасеево Тасеевской вол. Канского уезда Енисейской губ. — 17 июля 1938, г. Красноярск) — из служащих; русский. Член РКП(б) с 1920 г.

По решению секретариата Сибкрайкома ВКП(б) от 8 октября 1926 г. был откомандирован из Минусинска в распоряжение Иркутского окружкома ВКП(б) для ведения агитационно-пропагандистской работы. Однако уже 22 октября секретариат Сибкрайкома ВКП(б) изменил свое решение и постановил направить С. Е. Сизых на аналогичную работу в Бийск.

С 27 мая 1929 г. являлся заведующим информационным подотделом Сибкрайкома ВКП(б). 31 мая того же года утвержден редактором журнала «Известия Сибирского краевого комитета ВКП(б)». 5 февраля 1930 г. был назначен одним из двух заместителей заведующего организационно-инструкторским отделом Сибкрайкома ВКП(б) (вторым был назначен А. Я. Курганов). Руководил созданным в структуре этого отдела сектором проверки, инструктирования и текущей связи. В 1937 г. — слушатель школы партийных органов при ЦК ВКП(б). 25 июня 1937 г. арестован в Москве по обвинению в организации правотроцкистского шпионско-террористического центра. Вывезен в Красноярск, где 17 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 22 сентября 1956 г.

[34] *Курганов Александр Яковлевич* (16 марта 1903, г. Енакиево, Донбасс — 5 марта 1964, Донбасс) — сын машиниста паровоза; украинец. Образование низшее. По профессии слесарь. Член РКП(б) с 1922 г.

С января 1920 г. — на комсомольской работе в должностях секретаря ячейки, секретаря райкома. С августа 1921-го по февраль 1922 г. — обучался на краткосрочных курсах в Коммунистическом университете им. Свердлова. С февраля 1922 г. — секретарь заводской ячейки РКСМ. С мая 1923 г. — заведующий организационным отделом Артемовского окружного комитета РКСМ. С июля 1923 г. — секретарь Луганского окружного РКСМ. В марте 1926-го — ноябре 1928 г. — второй секретарь ЦК ЛКСМ Украины. В 1926–1930 гг. — член ЦК ВЛКСМ. В 1927 г. одновременно являлся кандидатом в члены ЦК КП(б) Украины.

В декабре 1928 г. откомандирован в Новосибирск для работы в качестве секретаря Сибирского краевого комитета ВЛКСМ. С марта 1929 г. одновременно являлся кандидатом в члены, а с января по июнь 1930 г. — членом бюро Сибкрайкома ВКП(б). 25 января 1930 г. был освобожден от работы в Сибкрайкоме ВЛКСМ и переведен на партийную работу. 5 февраля 1930 г. был назначен одним из двух заместителей заведующего организационно-инструкторским отделом Сибкрайкома ВКП(б) и заведующим сектором вопросов партийного строительства, созданным в структуре этого отдела. С ноября 1930 г. — заведующий организационно-инструкторским отделом Анжеро-Судженского горкома ВКП(б). С июня 1931 г. — секретарь Анжеро-Судженского, с ноября 1932 г. — Прокопьевского горкомов ВКП(б).

С февраля по июнь 1937 г. — ответственный инструктор ЦК ВКП(б). С июня по август 1937 г. — второй секретарь Орджоникидзевского крайкома ВКП(б). С сентября по ноябрь 1937 г. находился в распоряжении Донецкого обкома КП(б)У. С ноября 1937-го по март 1938 г. — заместитель председателя Донецкого облисполкома Советов. В апреле 1938 г. был арестован, приговорен к 15 годам заключения. После освобождения вернулся на Донбасс. Был реабилитирован. Решением Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС от 23 марта 1955 г. был восстановлен в партии. С июня 1957 г. — на пенсии.

[35] Баранкин Гавриил Васильевич (апрель 1890, Тамбовская губ. — не ранее 1949) — из крестьян; русский. Окончил церковно-приходскую школу (1902). Член РКП(б) с ноября 1918 г.

Принимал участие в Октябрьской революции 1917 г., в том числе во взятии Зимнего дворца. Служил в Красной армии сначала матросом, позднее — комиссаром парохода «Володарский» в Волжской флотилии. В марте 1921 г. принимал участие в подавлении Кронштадтского восстания в качестве комиссара артиллерии крепости. В июле 1922 г. был демобилизован, после чего работал в Саратове в должностях председателя районного комитета союза горнорабочих и заведующего организационным отделом городского райкома РКП(б).

В августе 1925 г. был откомандирован в Сибирь. С сентября 1925 г. — ответственный секретарь Вокзального райкома РКП(б) Новосибирска. С мая 1926-го по октябрь 1928 г. — секретарь Анжеро-Судженского райкома партии. С марта 1927-го по август 1930 г. — член пленума Сибкрайкома ВКП(б). Решением бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 14 сентября 1928 г. был назначен председателем Сибирского краевого комитета профсоюза горняков. С 1 ноября 1928 г. одновременно являлся кандидатом в члены, с 10 июня 1930 г. — членом бюро Сибкрайкома ВКП(б). 20 ноября 1929 г. по решению бюро Сибкрайкома ВКП(б) утвержден председателем Сибкрайсовпрофа, ради этого назначения снят с поста председателя Сибирского краевого комитета профсоюза горняков. С 13 марта 1930 г., кроме того, состоял членом президиума Сибкрайисполкома Советов. В июле 1930 г. подписал коллективное письмо на имя И. В. Сталина с просьбой снять Р. И. Эйхе с поста первого секретаря, за что 19 августа 1930 г. получил выговор от Политбюро ЦК ВКП(б). Решением бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 25 августа

1930 г. был снят с должности председателя Сибкрайсовпрофа и выведен из состава бюро Сибкрайкома ВКП(б).

В 1931–1948 гг. жил и работал в Астрахани. В 1931–1935 гг. — начальник строительства Астраханской государственной районной электростанции. С ноября 1935-го по май 1939 г. — начальник управления школьного и культурного строительства при Астраханском городском Совете. С июня 1939-го по июнь 1940 г. — председатель горплана и заместитель заведующего городским отделом коммунального хозяйства. С июля 1940-го по август 1948 г. работал в строительной отрасли: начальником строительного участка, начальником строительства Текстилькомбината, заместителем начальника и начальником нескольких строительных контор. С 1949 г. — персональный пенсионер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

За четкое, быстрое выполнение руководящих партийных директив // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1929. № 12. С. 2–4.

Каврайский В., Нусинов И. Классовое расслоение сибирской деревни: опыт анализа социально-экономических отношений в современной советской деревне. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927. 98 с.

Кузнецов В. Вопросы партийного руководства и роль ячейки. Новосибирск, 1929а. 50 с.

Кузнецов В. За четкую, быструю работу в партийных организациях // На ленинском пути. Новосибирск, 1929b. № 13–14. С. 39–42.

Кузнецов В. О росте, регулировании и чистке партии // На ленинском пути. Новосибирск, 1928. № 24. С. 3–9.

Постановление ЦК ВКП(б) о темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству, 5 января 1930 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5: 1929–1932. М.: Политиздат, 1984. С. 72–75.

Постановление бюро Сибкрайкома ВКП(б) «О мерах к выполнению решения ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и ликвидации кулачества как класса» // Коллективизация Сибирской деревни. Январь — май 1930 г.: сборник документов / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 205–211.

Сильнее огонь по оппортунистам-двурушникам! (Из резолюции западносибирского краевого партактива) // Правда. 1930. 10 ноября. С. 3.

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б), 1923–1938; в трех томах. Т. 3. 1928–1938 гг. / под ред. Л. П. Кошелевой, Л. А. Роговой, О. В. Хлевнюка. М., 2007. 816 с.

Третья Сибирская краевая партийная конференция (25–30 марта 1927 г.): стенографический отчет. Новосибирск: Совсибирь, 1927. 296 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев С. С. Журнал «Настоящее» и Максим Горький: к истории конфликта // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 2. С. 30–39.

Демидов В. В. О так называемой сибирской «беспринципной групповщине» в 1930 г. // Сибиряки в борьбе за власть советов, за защиту социалистического отечества: тезисы

Всесоюзной научной конференции (4–7 июня 1990 г.). Секции I, II / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 1990. С. 84–86.

Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири, 1922–1929 гг. Новосибирск: Изд-во Сибирского кадрового центра, 1994. 165 с.

Демидов В. В. Что стояло за сибирской «Беспринципной групповщиной» в 1930 году? // Партийный вестник. Новосибирск, 1989. № 18. С. 17–24.

Кислицын С. А. Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов. Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 1920–1930-е годы. М.: ЛЕНАНД, 2014. 264 с.

Молетотов И. А. Сибкрайком. Партийное строительство в Сибири. 1924–1930 гг. Новосибирск: Наука, 1978. 368 с.

Морозова Т. И. «Не сумел объединить и мобилизовать основную руководящую группу». Выступление партийных руководителей Сибири против Р. И. Эйхе. 1930 г. // Исторический архив. М., 2013. № 3. С. 49–80.

Морозова Т. И. Организация и деятельность Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б) (май 1924– август 1930 г.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 270 с.

Морозова Т. И. Схватка в партийно-советской элите Сибири 1930 года: провал заговора против Р. И. Эйхе // Вестник Тверского государственного университета. 2014. № 3. С. 137–152.

Павлова И. В. Роберт Эйхе // Вопросы истории. М., 2001. № 1. С. 70–88

Папков С. А. Заговор против Эйхе // Возвращение памяти. Новосибирск, 1991. С. 26–37.

Папков С. А. Руководящие кадры Сибири, 1919–1941 гг.: справочник / под ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Академиздат, 2021. 600 с.

Саранцев Н. В. Большевицкая властвующая элита: возникновение, становление и трансформация. 1900–1939: историко-социологические аспекты. Саратов, 2001. 260 с.

Саранцев Н. В., Кирякова О. Г. Большевицкая революционная элита: подполье, власть, гибель: историко-социологические аспекты. Саратов, 2007. 276 с.

Шишкин В. И. Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. статей / под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2010. С. 3–35.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПО – агитационно-пропагандистский отдел.

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков.

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства.

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.

КПК – Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б).

НИИ – научно-исследовательский институт.

ОК — окружной комитет ВКП(б).

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

РКП(б) — Российская коммунистическая партия большевиков.

РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи.

ЦКК — Центральная контрольная комиссия ВКП(б).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

МОРОЗОВА ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия, mti137@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8601-1290>, Scopus Author ID: 57194705184, WoS ResearcherID: M-8817-2016, SPIN-код автора: 4788-9740.

Статья поступила в редакцию 01.05.2026; одобрена после рецензирования 26.05.2026; принята к публикации 29.05.2026.

“I EARNESTLY REQUEST... THAT I NOT BE LUMPED TOGETHER WITH THESE TRAITORS [AND] DOUBLE-DEALERS”. V. N. KUZNETSOV’S LETTERS TO THE CENTRAL COMMITTEE OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY (BOLSHEVIKS) (NOVEMBER — DECEMBER 1930)

TATIANA I. MOROZOVA

*Institute of History of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

mti137@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0002-8601-1290>

Abstract. This article presents three previously unpublished letters sent by V. N. Kuznetsov to the party leadership between November and December 1930. V. N. Kuznetsov, the former Second Secretary of the Siberian Krai Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), had been stripped of his post and recalled to Moscow in August 1930 for his alleged involvement in a conspiracy against R. I. Eikhe. Through these letters, he desperately sought to distance himself from emerging accusations — specifically, his suspected ties to the “Syrtsov — Lominadze Right-Left Bloc” — in a bid to regain the trust of the

Central Committee of the All-Union Communist Party. By pairing these documents with a comprehensive reconstruction of V. N. Kuznetsov's biography, this article offers a compelling case study of the possibilities and stark limitations of personal political survival amid the curtailing of intra-party democracy and the intensification of state control.

Keywords: Siberian party organization, Siberian Krai Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), V. N. Kuznetsov, R. I. Eikhe, V. Yu. Eger, V. A. Kavraiskii, I. S. Nusinov, personnel policy, letters to the authorities.

Funding: The publication was prepared as part of the state assignment project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, titled “Society and Power in Russia in the 20th and Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, and Actor Identity” (Project No. FWZM-2024-0008).

For citation: Morozova T. I. “I Earnestly Request... That I Not Be Lumped Together with These Traitors [and] Double-Dealers”. V. N. Kuznetsov's Letters to the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (November — December 1930). *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 123–158. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-123-158

REFERENCES

Demidov V. V. Chto stoyalo za sibirskoi «Besprintsipnoi gruppovshchinoi» v 1930 godu? [What Was Behind the Siberian “Unprincipled Grouping” in 1930?]. *Partiynyi vestnik* [The Party Herald], 1989, no. 18, pp. 17–24. (In Russ.).

Demidov V. V. O tak nazyvayemoi sibirskoi «besprintsipnoi gruppovshchine» v 1930 g. [On the So-called Siberian “Unprincipled Grouping” in 1930]. In: *Sibiriya i v bor'be za vlast' sovetov, za zashchitu sotsialisticheskogo otechestva: tezisy Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii* (4–7 iyunya 1990 g.). Seksii I, II [Siberians in the Struggle for Soviet Power, for the Defense of the Socialist Fatherland: Abstracts of the All-Union Scientific Conference (June 4–7, 1990). Sections I, II] / ed. V. I. Shishkin. Novosibirsk, 1990, pp. 84–86. (In Russ.).

Demidov V. V. Politicheskaya bor'ba i oppositsiya v Sibiri, 1922–1929 gg. [Political Struggle and Opposition in Siberia, 1922–1929]. Novosibirsk, Izd-vo Sibirskogo kadrovogo tsentra, 1994, 165 p. (In Russ.).

Kislitsyn S. A. Predsedatel' Sovnarkoma Sovetskoi Rossii Sergei Syrtsov. Iz istorii formirovaniya antistalinskogo soprotivleniya v sovetskom obshchestve v 1920–1930-e gody [Chairman of the Council of People's Commissars of Soviet Russia Sergei Syrtsov. From the History of the Formation of Anti-Stalinist Resistance in Soviet Society in the 1920s–1930s]. Moscow, LENAND, 2014, 264 p. (In Russ.).

Moletotov I. A. Sibkraikom. Partiinoe stroitel'stvo v Sibiri. 1924–1930 gg. [Sibkraikom. Party Building in Siberia. 1924–1930]. Novosibirsk, Nauka, 1978, 368 p. (In Russ.).

Morozova T. I. «Ne sumel ob'edinit' i mobilizovat' osnovnuyu rukovodyashchuyu gruppu». Vystupleniye partiynykh rukovoditeley Sibiri protiv R. I. Eykhe. 1930 g. [“Failed to Unite and Mobilize the Main Leading Group”. Speech of the Party Leaders of Siberia against R. I. Eikhe. 1930]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], 2013, no. 3, pp. 49–80. (In Russ.).

Morozova T. I. Organizatsiya i deyatelnost' Sibirskogo kraevogo komiteta RKP(b) – VKP(b) (may 1924 – avgust 1930 g.) [Organization and Activity of the Siberian Krai Committee of the RCP(b) – AUCP(b) (May 1924 – August 1930)]. Diss. Cand. Hist. Sci. Novosibirsk, 2015, 270 p. (In Russ.).

Morozova T. I. Skhvatka v partiino-sovetskoi elite Sibiri 1930 goda: proval zagovora protiv R. I. Eykhe [A Combat among the Party-soviet Elite of Siberia at 1930: A Failure of the Conspiracy against R. Eihe]. *Herald of Tver State University. Series: History*, 2014, no. 3, pp. 137–152. (In Russ.).

Papkov S. A. Rukovodyashchie kadry Sibiri, 1919–1941 gg.: spravochnik [Leading Personnel of Siberia, 1919–1941: A Reference Book] / ed. A. P. Derevyanko. Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 599 p. (In Russ.).

Papkov S. A. Zagovor protiv Eykhe [The Conspiracy against Eikhe]. In: *Vozvrashcheniye pamyati* [The Return of Memory]. Novosibirsk, 1991, pp. 26–37. (In Russ.).

Pavlova I. V. Robert Eykhe [Robert Eikhe]. *Voprosy istorii*, 2001, no. 1, pp. 70–88. (In Russ.).

Sarantsev N. V. Bol'shevistskaya vlastvuyushchaya elita: vozniknovenie, stanovlenie i transformatsiya. 1900–1939: istoriko-sotsiologicheskiye aspekty [The Bolshevik Ruling Elite: Emergence, Formation, and Transformation. 1900–1939: Historical and Sociological Aspects]. Saratov, 2001, 260 p. (In Russ.).

Sarantsev N. V., Kiryakova O. G. Bol'shevistskaya revolyutsionnaya elita: podpol'ye, vlast, gibel': istoriko-sotsiologicheskiye aspekty [The Bolshevik Revolutionary Elite: Underground, Power, Destruction: Historical and Sociological Aspects]. Saratov, 2007, 276 p. (In Russ.).

Shishkin V. I. Gosudarstvennoye upravlenie Sibir'yu v kontse XIX – pervoi treti XX v. [State Administration of Siberia in the Late 19th – First Third of the 20th Century]. In: *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th Century: Collected Scientific Articles] / ed. V. I. Shishkin. Novosibirsk, 2010, pp. 3–35. (In Russ.).

Vasil'ev S. S. Zhurnal «Nastoyashchee» i Maksim Gor'kii: k istorii konflikta [The Magazine “Nastoyashchee” and Maxim Gorky: Toward the History of a Conflict]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2023, no. 2, pp. 30–39. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

TATIANA I. MOROZOVA, Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow of the Sector of History of Socio-Political Development of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, mti137@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0002-8601-1290>, Scopus Author ID: 57194705184, WoS ResearcherID: M-8817-2016, SPIN-code: 4788-9740.

The article was submitted on 01.05.2026; approved after reviewing on 26.05.2026; accepted for publication on 29.05.2026.

«СОЗДАНИЕ НОРМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СЕЛЕ...» ЗАПИСКА Л. И. БРЕЖНЕВА В ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС О СОСТОЯНИИ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ (9 АПРЕЛЯ 1973 ГОДА)

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ САВИН

*Институт истории Сибирского отделения Российской
академии наук, г. Новосибирск, Россия*

a_savin_2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0242-5067>

Аннотация. В научный оборот вводится аналитическая записка Л. И. Брежнева, посвященная проблемам сельских школ, направленная им в Политбюро ЦК КПСС в апреле 1973 г. Показано, что брежневская политика в сфере школьного образования демонстрировала существенные разрывы с хрущевскими реформами. Н. С. Хрущев пытался решить проблему социального неравенства между городом и деревней, обусловленную в том числе разным качеством школьного образования, за счет «пролетаризации» студенчества и сужения каналов образовательной мобильности для выпускников полных средних школ. Тогда как Л. И. Брежнев реализовывал другой вариант, предполагавший серьезное качественное улучшение школьного дела на селе, в том числе за счет ускорения строительства школ и интернатов, обеспечения их школьными автобусами, решения бытовых проблем сельского учительства.

Ключевые слова: Л. И. Брежнев, Н. С. Хрущев, школьное образование, реформы, сельская школа.

Сведения о финансировании: публикация подготовлена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX — начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

Для цитирования: Савин А. И. «Создание нормальных условий для школьного образования на селе...» Записка Л. И. Брежнева в Политбюро ЦК КПСС о состоянии сельских школ (9 апреля 1973 года) // *Universum Humanitarium*. 2026. № 1. С. 159–170. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-159-170

Вопрос о преемственности политики Л. И. Брежнева по отношению к Н. С. Хрущеву является одним из актуальных вопросов историографии позднего СССР. Историки полагают, что брежневская политика была продолжением хрущевской, освобожденной от волюнтаризма и турбулентности «славного десятилетия». Особенно явно эта преемственность якобы проявлялась в области внешней политики (концепт «мирного сосуществования

со странами капитализма»), а также внутренней, в первую очередь — в социальной сфере. У этой точки зрения есть весомые основания, однако степень преемственности не стоит преувеличивать. При всем сохранении континуумов в деятельности обоих политиков Брежнев не был эпигоном Хрущева. Там, где его видение процессов требовало решительных мер, направленных на коррекцию хрущевского курса, эти меры неизбежно предпринимались. В пользу такой интерпретации свидетельствует в том числе политика Брежнева в области народного образования, в первую очередь школьного, демонстрировавшая не только преемственность, но и существенные разрывы с хрущевскими формами.

Деятельность Хрущева в области системы школьного образования в 1950–1960-е годы стала предметом специальной монографии Г. М. Ивановой [2018], являющейся сегодня наиболее полным и объективным исследованием по данной теме. Закономерным образом особое внимание в монографии уделяется образовательной реформе 1958 г., главным инициатором которой называется Н. С. Хрущев. Эта реформа оценивается Г. М. Ивановой как коренная ломка сложившейся в СССР системы народного образования и подготовки специалистов. Подчеркивается, что в основе реформы лежали два концепта: политехнизации и эгалитарности образования.

Судя по всему, Хрущев действительно был убежденным сторонником идеи политехнизации образования, под которой еще в 1920-е годы понималось уничтожение классической школы, «школы схоластики, словесности и оторванности от производства», за счет непосредственного увязывания учебы с производственным процессом [Культурное строительство, 1985. С. 179–185]. В 1930–1932 гг. в СССР были предприняты действия по массовой политехнизации процесса обучения: начальная и «повышенная» школа прикреплялась к промышленным предприятиям, совхозам, колхозам и МТС. Однако уже в августе 1932 г. эксперимент политехнизации был фактически прекращен сталинским руководством. Ключевую роль здесь сыграло осознание того факта, что превращение школы в дополнительный элемент промышленного производства и колхозной системы означало неминуемый крах советской школы как образовательного института и, как следствие, провал всей системы профессионально-технической и высшей школы [Савин, 2025]. Спустя четверть века Хрущев, будучи по убеждениям коммунистическим пуристом, попытался вновь реализовать левацкий проект начала 1930-х годов, соединив обучение в школе с непосредственным производственным обучением и физическим трудом.

Еще одним побудительным мотивом школьной реформы являлась попытка устранить реальные проблемы социального неравенства, вызванного разным качеством образования детей из семей рабочих и особенно крестьян в сравнении с детьми из семей интеллигенции и служащих. Это неравенство возможностей проистекало в том числе в силу систематического дефицита кадровых и финансовых ресурсов, который в свою очередь отрицательно сказывался на общем качестве материальной обеспеченности школы и уровне компетентности учителей [Сафронов, 2015. С. 193–212].

Как известно, школьная реформа 1958 г. привела к разделению всех школ на восьми- и одиннадцатилетние, лишний год добавлялся, чтобы школьники могли овладеть профессией, из шести дней учебной недели два дня отводились для профессионального обучения. Кроме того, было сокращено количество средних школ, а лица, получившие полное среднее образование, должны были перед поступлением в вуз иметь два года трудового стажа. Наряду со льготами для выпускников вечерних школ, окончивших учебу без отрыва от производства, а также организацией заводских курсов по подготовке в институты, такой порядок был призван способствовать изменению социального состава студентов за счет увеличения выходцев из рабочих и крестьян, что в свою очередь должно было привести к идеологическому «оздоровлению» советского студенчества [Иванова, 2018. С. 254–255].

Реформа 1958 г. уступала по своей радикальности реформе 1930–1932 гг. В частности, как образовательный институт была сохранена полная средняя школа¹. Даже после того, как в конце 1963 г. Хрущев потребовал ликвидации 9–11-х классов и перевода всех школ на 8-летнее обучение, дело ограничилось сокращением срока обучения в полной средней школе с 11 до 10 лет [Иванова, 2018. С. 317–335]. Как бы то ни было, очередная попытка совмещения учебы с производственным трудом оказалась провальной. Широкое недовольство населения вызывало введение хозяйственного самообслуживания в учебных заведениях всех видов от школ до вузов, когда на плечи учащихся перекладывались обязанности от уборки помещений до ремонта зданий. Что же касается непосредственной производственной подготовки школьников, то она, как и в начале 1930-х годов, представляла собой в условиях отсутствия необходимой учебно-производственной базы в лучшем случае импровизацию, поскольку руководство предприятий не было готово к тому, чтобы допускать школьников к станкам или сельскохозяйственным машинам, потому что это было чревато поломками, браком, травмами и нарушением производственного процесса.

Смещение Хрущева и приход Брежнева к власти в октябре 1964 г. привели к оперативному сворачиванию реформы 1958 г. Постановление Центрального комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению работы средней общеобразовательной школы» от 10 ноября 1966 г. фактически освобождало школы от обязанностей вести производственное обучение, школа лишь формально оставалась «политехнической» и «трудо-вой»². Однако решить реальную проблему социального неравенства, когда

¹ После кампании по ликвидации средних школ и преобразования их в техникумы, в РСФСР в 1931/32 учебном году осталось всего четыре средних школы (школы 2-й ступени), в которых обучались 4,2 тыс. учеников [Савин, 2025. С. 40].

² Постановление запрещало «широко распространившуюся в последнее время практику отвлечения учащихся в учебное время на сельскохозяйственные и другие работы, непосредственно не связанные с учебным процессом, что ведет к перегрузке школьников и наносит серьезный ущерб качеству обучения и здоровью детей». На партийно-государственные, производственные и хозяйственные организации возлагалась обязанность «в целях улучшения политехнического обучения школьников, подготовки их к общественно полезному труду» оказывать школам «всемерную помощь в организации

дети из семей колхозников и рабочих имели сравнительно низкие шансы на получение высшего образования, оказалось гораздо сложнее, чем отказаться от политехнизации школы.

О том, что вопрос неравенства возможностей продолжал оставаться актуальным спустя восемь с половиной лет после отстранения Хрущева от власти, наглядно свидетельствует публикуемая ниже записка Брежнева в Политбюро ЦК КПСС от 9 апреля 1973 г., посвященная сельским школам³. Текст сразу же начинается с констатации острых системных проблем сельских школ: дефицит школьных зданий и, как следствие, низкая посещаемость, особенно в зимнее время, из-за их отдаленности, многосменный режим занятий, отсутствие библиотек, нехватка учителей и т. д.

Следующий раздел записки показывает, что Брежнев рассматривал школьное образование в деревне в контексте общих социальных проблем села⁴, в первую очередь миграции из деревни в город наиболее работоспособной части населения⁵. Далее Брежнев со ссылкой на обращения к нему граждан привел несколько конкретных примеров тяжелой ситуации со школами в сельской глубинке. Убедить коллег из Политбюро также была призвана статистика. В частности, Брежнев писал о том, что около 30 тыс. сельских школ в СССР размещались в деревянных зданиях, построенных еще до 1918 г., при этом ежегодно наблюдалось снижение ввода в эксплуатацию школьных помещений на селе.

Если Хрущев предлагал решать проблему неравенства в получении высшего образования по лекалам 1920-х годов, за счет орабочивания студенчества и резкого сужения каналов образовательной мобильности для выпускников полных средних школ, то Брежнев выступал за другой путь — путь финансовых инвестиций, предполагавший серьезное качественное улучшение школьного дела на селе, в том числе за счет ускорения строительства школ и интернатов, обеспечения школьными автобусами, решения бытовых проблем

трудового воспитания учащихся, в создании учебно-материальной базы, выделении необходимых специалистов», а также проводить в школах «профессиональную ориентацию» школьников. См.: Постановление Центрального комитета КПСС и Совета Министров СССР № 874 «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» от 10 ноября 1966 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711527> (дата обращения: 30.04.2026).

³ Содержание записки фактически свидетельствовало о том, что меры по укреплению сельских школ, которые предписывались в постановлении СМ СССР от 4 мая 1971 г. «О некоторых мероприятиях по укреплению учебно-материальной базы общеобразовательных школ в сельской местности», оказались недостаточными. Текст постановления см.: [Народное образование, 1987. С. 97–98].

⁴ Эта мысль была для него далеко не новой: очевидно, еще в ходе подготовки мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г., посвященного проблемам сельского хозяйства (дата записи отсутствует), Брежнев записал в блокноте: «Комплексное планирование по селу т. е. школа — больница клуб и т. д.». См.: РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 979. Л. 82–85.

⁵ Подробнее о видении Брежневым социальных проблем села см.: [Савин, Деннингхаус, 2024. С. 114–195].

сельского учительства. «Если для решения этих задач потребуется известное перераспределение средств и материальных ресурсов, то, думаю, что мы должны пойти на это», — завершал записку Брежнев.

Обращение Брежнева в Политбюро ЦК КПСС было оперативно реализовано: уже 2 июля 1973 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы» за подписью Брежнева и Косыгина. Даже беглый взгляд на постановление показывает, что в его основу была положена записка Брежнева от 9 апреля 1973 г. Речь идет не только о структуре изложения, но и о дословных совпадениях: вся часть документа до слов «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР постановляют» практически полностью воспроизводит текст записки [Народное образование, 1987. С. 101–103].

В резолютивной части постановления было зафиксировано решение «считать целесообразным иметь, как правило, в каждом совхозе и крупном колхозе среднюю общеобразовательную школу». Соответственно на 1974–1980 гг. был утвержден план по строительству и вводу в действие за счет государственных капитальных вложений новых общеобразовательных школ на 7,25 млн учебных мест, а также строительство интернатов для учащихся на 772 тыс. мест. Госплан СССР обязывался предусмотреть выделение для поставки совхозам и продажи колхозам в 1974 г. трех тысяч, в 1975 г. — трех с половиной тысяч, а в 1976–1980 гг. — ежегодно по пять тысяч пассажирских автобусов. Важной частью постановления стало введение значительных льгот для сельского учительства, начиная от строительства жилья и заканчивая преимущественными правами при покупке легковых автомобилей и мотоциклов. Реликтом хрущевской политики политехнизации образования было решение «принять меры к улучшению трудового обучения учащихся сельских школ, создать условия для изучения в каждой сельской средней школе сельскохозяйственной техники или автодела». При этом для оснащения учебных кабинетов предусматривалось выделение автомобилей, тракторов и другой сельскохозяйственной техники [Народное образование, 1987. С. 101–103].

В какой степени брежневские замыслы были реализованы на практике? Определенное представление о динамике развития школьного образования на селе в брежневский период дает статистика.

Абсолютные цифры, приведенные в таблицах на с. 164, показывают сокращение как общего количества школ, так и начальных и неполных средних школ на селе на фоне существенного роста полных средних школ, что свидетельствовало о концентрации педагогических сил и ресурсов именно в полной средней школе. Об этом же говорила относительно стабильная численность учеников полных средних школ на фоне резкого сокращения, более чем в полтора раза, общей численности учащихся сельских школ, обусловленного процессами урбанизации.

Таблица 1

Table 1

**ЧИСЛЕННОСТЬ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ
В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РСФСР***
NUMBER OF COMPREHENSIVE SCHOOLS IN RURAL AREAS OF THE RSFSR

Учебные годы	Всего школ	В том числе ⁶		
		начальных	неполных средних	средних
1965/66	90 412	57 590	24 551	7 834
1970/71	77 915	44 755	22 091	10 590
1973/74	68 324	35 217	21 161	11 449
1975/76	61 823	29 185	19 579	12 553
1980/81	51 076	19 844	16 771	13 967

* Составлена по: [Народное образование и культура, 1977. С. 34; Народное образование и культура, 1991. С. 29–30].

Таблица 2

Table 2

**ЧИСЛЕННОСТЬ УЧАЩИХСЯ И УЧИТЕЛЕЙ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РСФСР,
В ТЫС. ЧЕЛ.***

**NUMBER OF STUDENTS AND TEACHERS IN COMPREHENSIVE SCHOOLS
IN RURAL AREAS OF THE RSFSR, IN THOUSANDS OF PEOPLE**

Учебные годы	Численность учащихся, всего	В том числе ⁷			Числен- ность учителей
		в началь- ных школах	в неполных средних школах	в средних школах	
1965/66	10 886	1 909	4 849	4 075	644
1970/71	10 215	1 144	4 014	4 995	625
1973/74	9 083	676	3 317	5 022	604
1975/76	8 153	493	2 585	5 006	575
1980/81	6 107	286	1 525	4 228	504

* Составлена по: [Народное образование и культура, 1977. С. 34; Народное образование и культура, 1991. С. 29–30].

Следует также привести статистику ввода в действие новых общеобразовательных школ всех типов на селе в РСФСР: в годы восьмой пятилетки (1966–1970) было введено в действие 9 280 школ на 2 200 тыс. ученических мест, в годы девятой пятилетки (1971–1975) – 5 776 школ на 1 938 тыс. мест,

⁶ В разделе «в том числе» сведения приведены без учета данных о количестве школ для детей с дефектами умственного и физического развития.

⁷ В разделе «в том числе» сведения приведены без учета данных о количестве учащихся школ для детей с дефектами умственного и физического развития.

в годы десятой пятилетки (1976–1980) — 3 876 школ на 1 486 тыс. мест и в годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985) — 2 863 школы на 1 001 тыс. мест соответственно [Народное образование и культура, 1991. С. 344]. По плану, предусмотренному постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 2 июля 1973 г., за 1975 г. в РСФСР должны были быть построены школы на 480 тыс. мест, фактически было построено школ на 444 тыс. мест (92,5 %), соответственно на 1976–1980 гг. планировалось построить школ в РСФСР на 2 300 тыс. мест, фактически было построено школ на 1 486 тыс. мест (64,6 %). Таким образом, плановые показатели не были выполнены, тем не менее из 51 тыс. сельских школ, существовавших в РСФСР на сентябрь 1980 г., около 19 тыс. (37,25 %) были построены за 1966–1980 гг. [Народное образование и культура, 1991. С. 344].

О позитивных качественных изменениях в школьном образовании в сельской местности наглядно также говорят следующие данные: в 1970 г. в РСФСР на 1000 чел. в городских поселениях в возрасте 15 лет и старше приходилось 583 чел. со средним (полным и неполным) образованием и 68 чел. — с высшим, в то время как в сельских местностях — 362 чел. и 16 чел. соответственно. В 1979 г. эти показатели составили соответственно 672 чел. и 98 чел. в городских поселениях, 497 чел. и 28 чел. — в сельских местностях. В 1989 г. — соответственно 718 чел. и 136 чел. в городских поселениях, 621 чел. и 47 чел. — в сельской местности [Народное образование и культура, 1991. С. 11].

Таким образом, даже на основании лишь статистических данных⁸ можно сделать вывод о том, что инициатива Л. И. Брежнева, направленная в апреле 1973 г. на кардинальное улучшение материально-технической базы школьного образования на селе, оказалась весьма плодотворной.

Аналитическая записка Л. И. Брежнева в Политбюро ЦК КПСС от 9 апреля 1973 г. была выявлена в Российском Государственном архиве новейшей истории (РГНИ) в личном фонде Л. И. Брежнева. Оригинал записки не имеет заголовка. Документ публикуется впервые. Курсивом указаны рукописные вставки.

№ 1 Записка Л. И. Брежнева в Политбюро ЦК КПСС о состоянии сельских школ

[охотничье хозяйство «Завидово»^[1]

9 апреля 1973 г.

Политбюро ЦК КПСС

Последнее время при встречах и беседах с секретарями обкомов и крайкомов партии и другими работниками с мест многие из них высказывали озабоченность состоянием школьного образования на селе. Особенно большое, вполне обоснованное беспокойство по этому вопросу проявляют товарищи из областей Нечерноземной зоны, Сибири и Казахстана.

⁸ В историографии в данное время отсутствуют монографические исследования системы школьного образования в СССР в брежневский период.

В колхозах и совхозах многих районов страны не хватает восьмилетних и средних школ. Дети нередко вынуждены ходить в школы за 8–10 и более километров. Естественно, что посещаемость школ, особенно в осеннюю или зимнюю непогоду, крайне низкая. Во многих сельских школах обучение ведется в две и даже в три смены. Школы слабо обеспечены квалифицированными педагогическими кадрами, не имеют библиотек. Все это отражается на успеваемости учащихся. Не случайно, что выпускники сельских школ по уровню знаний и подготовленности к дальнейшему продолжению образования, как правило, значительно уступают городским школьникам.

Все это само по себе не может нас не беспокоить. Но одновременно надо учитывать, что это влечет за собой и другую ненормальность. Серьезные недостатки в постановке школьного образования являются одной из причин того, что из села уходит в города наиболее активная, трудоспособная часть населения, имеющая детей школьного возраста. И таких родителей трудно осуждать.

В ряде совхозов и колхозов нет не только средних, но и неполных средних школ. Например, в совхозе «Чабановский»⁹ Антроповского района Костромской области имеются только начальные школы. Дети же старших классов обучаются в школе районного центра за 8–25 километров.

Надо отметить, что почти повсеместно подвоз учащихся в школы должным образом не организован, автобусов колхозы и совхозы в большинстве своем для этой цели не имеют. Очень часто в периоды бездорожья приходится возить детей в школы на тракторах. При отдаленности школ положение могли бы поправить школьные интернаты. Но и их сеть в сельской местности развита очень слабо, имеющиеся интернаты часто находятся в непригодных помещениях, в них нет элементарных условий для занятий и отдыха детей. Поэтому родители неохотно идут на то, чтобы дети жили в интернатах, вынуждены переезжать в города и населенные пункты, где есть школы.

Многие сельские школы размещены в плохо приспособленных и даже аварийных помещениях. В совхозах Казахской ССР, например, в аварийном состоянии находится более тысячи школьных зданий. В стране около 30 тысяч деревянных зданий сельских школ построены свыше пятидесяти лет назад — еще до 1918 года.

На днях мною получено письмо из Липецкой области следующего содержания: «Обращаются к Вам родители села Порой^[2]. Дело в том, что ежегодно в сентябре, отправляя детей в школу, нам приходится переживать за их жизнь и здоровье. В школе учится около 500 человек учащихся. Школа размещается в пяти зданиях. Но что это за здания? Четыре из них совершенно непригодны для школьных занятий. Три находятся в аварийном состоянии, четвертое здание-класс размещается в бывшем топливном сарае. В зданиях прогнившие потолки, которые могут в любой момент обрушиться. В зимнее время в школах очень холодно, дети занимаются в пальто, часто болеют...

⁹ Так в тексте. Правильно «Чебановский», по деревне Чебаново.

Помогите нам, пожалуйста. Верните родительское спокойствие, чтобы у наших детей были нормальные условия для учебы».

Такое положение требует значительно большего внимания к строительству школьных зданий в сельской местности. Между тем в последние годы наблюдается снижение ввода [в эксплуатацию] школьных помещений. За счет государственных централизованных капитальных вложений в 1971 году было введено школ на 500 тысяч ученических мест, в 1972 году — на 412 тысяч, а планом на 1973 год предусмотрен ввод лишь на 288 тысяч мест. Плохо обеспечивается материалами и оборудованием строительство школ за счет колхозных средств.

Но усиление строительства школьных зданий — это только одна сторона дела. Другая не менее важная — это проблема сельского учителя. Сейчас среди них самая высокая текучесть и главная причина ее — неудовлетворительные условия быта. Значительная часть сельских учителей живет на частных квартирах, как принято называть — на подселении.

Создание нормальных условий для школьного образования на селе следует нам рассматривать как одну из очень важных политических задач. Ее значимость вытекает не только из заботы нашей партии о повышении уровня подготовки молодых колхозных и совхозных кадров, но и диктуется интересами закрепления рабочей силы в сельскохозяйственном производстве.

Следовало бы поручить группе товарищей подготовить по этим вопросам конкретные предложения, имея в виду значительное ускорение строительства школ и интернатов на селе с тем, чтобы в течение ближайших 4–5 лет в основном решить эту проблему и снять остроту вопроса, полностью обеспечить колхозы и совхозы автобусами высокой проходимости для подвоза детей в школы, улучшить снабжение сельских школ учебными и наглядными пособиями, предусмотреть меры по закреплению кадров учителей на селе.

Если для решения этих задач потребуется известное перераспределение средств и материальных ресурсов, то, думаю, что мы должны пойти на это.

Прошу обсудить.

9 апреля 1973 г.

[подпись] Л. Брежнев.

© РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 314. Л. 135–137. Машинописный подлинник. Подпись Брежнева — автограф чернильной ручкой.

На титульном листе документа имеется штамп Общего отдела ЦК КПСС, датированный 11 апреля 1973 г., с пометой об обязательном возврате в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС. Кроме того, имеется рукописная помета: «Разослано за № П 608 (к пункту II прот[окола] № 84 от 13.IV.73 г.», которая свидетельствует, что вопрос был включен в повестку заседания Политбюро ЦК КПСС от 13 апреля 1973 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сегодня – Государственная резиденция Президента РФ «Русь», расположенная рядом с пос. Козлово в Конаковском районе Тверской области на территории национального парка «Завидово».

[2] Сегодня – с. Порой Трубетчинского сельского поселения Добровского района Липецкой области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Культурное строительство в РСФСР. Документы и материалы (1917–1977). Т. 2. Ч. 1: 1928–1941. М.: Советская Россия, 1985. 396 с.

Народное образование в СССР: сборник нормативных актов / сост. Н. Е. Голубева; спец. науч. ред. – К. С. Павлищев. М.: Юридическая литература, 1987. 336 с.

Народное образование и культура в РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. 372 с.

Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник. М.: Статистика, 1977. 448 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е годы. М.: Фонд «Московское время», 2018. 432 с.

Савин А. И. Общеобразовательная школа в РСФСР в 1930-е годы: от эксперимента «политехнизации» к традиционным формам обучения // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 35–48. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-03.pdf>.

Савин А. И., Деннингхаус В. Леонид Брежнев. Опыт политической биографии. М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2024. 719 с.

Сафронов П. Идея политехнизации в отечественной школьной политике: подготовка реформы 1958 года и кризис эгалитарной идеологии // Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: НЛО, 2015. С. 193–212.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Казахская ССР – Казахская Советская Социалистическая Республика.

МТС – машинно-тракторная станция.

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

СМ СССР – Совет Министров Союза Советских Социалистических Республик.

ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

САВИН АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ, кандидат исторических наук, заведующий сектором истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия, a_savin_2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0242-5067>, Scopus Author ID: 57194903174; WoS ResearcherID: R-5045-2016; SPIN-код автора: 5346-1598.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 28.05.2026.

“PROVIDING APPROPRIATE CONDITIONS FOR RURAL SCHOOLING...” LEONID BREZHNEV’S MEMORANDUM TO THE POLITICAL BUREAU OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE COMMUNIST PARTY OF THE SOVIET UNION ON THE STATE OF RURAL SCHOOLS (APRIL 9, 1973)

ANDREY I. SAVIN

*Institute of History, Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

a_savin_2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0242-5067>

Abstract. This paper for the first time introduces Leonid Brezhnev’s analytical memorandum on the problems of rural schools, sent to the Political Bureau of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union in April 1973. It demonstrates that Brezhnev’s school education policy differed significantly from Khrushchev’s reforms. Khrushchev attempted to address social inequality between the city and the countryside, including the quality of school education, through the “proletarianization of students” and the narrowing of educational mobility channels for high school graduates. Unlike Khrushchev, Brezhnev implemented a different approach, which envisioned a significant qualitative improvement in rural schooling by accelerating the construction of schools and boarding schools, providing school buses, and addressing the everyday needs of rural teachers.

Keywords: Leonid Brezhnev, Nikita Khrushchev, school education, reforms, rural schools.

Funding: The publication was prepared as part of the state assignment project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, titled “Society and Power in Russia in the 20th and Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, and Actor Identity” (Project No. FWZM-2024–0008).

For citation: Savin A. I. “Providing Appropriate Conditions for Rural Schooling...” Leonid Brezhnev’s Memorandum to the Political Bureau of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union on the State of Rural Schools (April 9, 1973). *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 159–170. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-159-170

REFERENCES

Ivanova G. M. Sovetskaya shkola v 1950–1960-e gody [The Soviet School in the 1950s–1960s]. Moscow, Fond «Moskovskoe vremya», 2018, 432 p. (In Russ.).

Safronov P. Ideya politekhizatsii v otechestvennoi shkol’noi politike: podgotovka reformy 1958 goda i krizis egalitarnoi ideologii [The Idea of Polytechnicization in Domestic School Policy: Preparation for the 1958 Reform and the Crisis of Egalitarian Ideology]. In: Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i sotsial’noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940–1980-e) [Islands of Utopia: Pedagogical and Social Design of the Post-War School (1940–1980-s)]. Moscow, NLO, 2015, pp. 193–212. (In Russ.).

Savin A. I. Obshcheobrazovatel’naya shkola v RSFSR v 1930-e gody: ot eksperimenta «politekhizatsii» k traditsionnym formam obucheniya [General Education School in the RSFSR in the 1930s: From the Experiment of “Polytechnization” to Traditional Training]. *Istoricheskii kur’er* [Historical Courier], 2025, no. 1 (39), pp. 35–48. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-03.pdf>. (In Russ.).

Savin A. I., Denninghaus V. Leonid Brezhnev. Opyt politicheskoi biografii [Leonid Brezhnev: Political Biography]. Moscow, AFK «Sistema»; Politicheskaya entsiklopediya, 2024, 719 p. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ANDREY I. SAVIN, Candidate of Sciences (History), Head of the Sector of History of Socio-Political Development of the Institute of History of the Siberian Branch of RAS, Novosibirsk, Russia, a_savin_2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0242-5067>, Scopus Author ID: 57194903174; WoS ResearcherID: R-5045-2016; SPIN-code: 5346-1598.

The article was submitted on 30.04.2026; approved after reviewing on 20.05.2026; accepted for publication on 28.05.2026.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА НА ЗАКАТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Рец.: Кострикова Е. Г. Информационная политика
российского правительства в годы Первой мировой вой-
ны и революции. 1914–1917 гг. М.: Кучково поле, 2024. 416 с.

ДАРЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШЕРЕМЕТЬЕВА

*Институт истории Сибирского отделения Российской
академии наук, г. Новосибирск, Россия*

dalas83@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2304-276X>

Аннотация. Монография доктора исторических наук Елены Гавриловны Костриковой рассмотрена в контексте развития историографии политической истории России XX в. Проанализированы тематическое поле нового исследования, его источниковая база, аргументация, суждения и выводы автора. В результате сделан вывод о том, что Е. Г. Кострикова раскрыла сюжеты о военной и дипломатической цензуре, Петроградском телеграфном агентстве (ПТА) и информационной деятельности министерства иностранных дел России на протяжении 1914–1917 гг., основываясь преимущественно на делопроизводственных документах этих государственных институтов. Автор заложила основу для изучения роли ПТА и МИД и их влияния на информационную сферу России и Европы. При этом название книги существенно шире описанных в ней тем и проблем. Вопрос о том, существовала ли у российского правительства «информационная политика» или только отдельные, слабо связанные друг с другом элементы — цензура и «осведомление», остался в книге не заданным.

Ключевые слова: Е. Г. Кострикова, Петроградское телеграфное агентство, министерство иностранных дел, Первая мировая война, Февральская революция.

Сведения о финансировании: публикация подготовлена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX — начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

Для цитирования: Шереметьева Д. Л. К вопросу о коммуникации власти и общества на закате Российской империи. Рец.: Кострикова Е. Г. Информационная политика российского правительства в годы Первой мировой войны и революции. 1914–1917 гг. М.: Кучково поле, 2024. 416 с. // Universum Humanitarium. 2026. № 1. С. 172–182. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-172-182

Понятие «информационная политика» вошло в российскую гуманитарную науку в конце 1990-х — начале 2000-х годов в процессе научно-практической и образовательной деятельности политиков и политологов, осмыслявших современную им реальность в категориях «демократия» и «информационное общество» [Нисневич, 1999; Попов, 2001; и др.]. Под информационной политикой они понимали стратегию и тактику власти по обеспечению информационных потребностей общества, а основными предметами осмысления являлись концепции государственной информационной политики, нормативно-правовая и организационно-техническая база реализации этих концепций. То есть условием исследований была осознанность информационной политики субъектами ее реализации.

Вскоре словосочетание «информационная политика» начало проникать в историческую науку. В наиболее заметных исследовательских опытах В. П. Рыбалко [2002], Ю. Б. Костяковой [2016] и О. С. Шиловой [2021] оно применялось к изучению СМИ и цензуры имперской, революционной и советской России XX в. Эти случаи терминологической новации оказались поверхностным заимствованием, имеющим сомнительное отношение к обновлению понятийного аппарата исторической науки и углублению понимания исторических событий.

Надежду на перелом тенденции дала книга доктора исторических наук Елены Гавриловны Костриковой «Информационная политика российского правительства в годы Первой мировой войны и революции. 1914–1917 гг.» (М.: Кучково поле, 2024. 416 с.).

Исследователь начала изучать информационную сферу позднеимперской России в конце 1970-х годов [Кострикова, 1979, 1981]. Затем в ходе продолжительной работы на стыке истории общественного мнения и международных отношений Е. Г. Кострикова опубликовала книги «Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны» [1997], «Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны» [2007], «Геополитические интересы России и славянский вопрос. Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века» [2017] и «Россия на пороге информационных войн. Политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX в.» [2020], поддержанные научным сообществом и интегрированные в историографию. Новая монография не просто расширила хронологические рамки предыдущих исследований, а стала для автора настоящим скачком в эпоху Первой мировой войны и Российской революции.

Целью данной рецензии является критический анализ монографии Е. Г. Костриковой «Информационная политика российского правительства в годы Первой мировой войны и революции. 1914–1917 гг.» в контексте развития историографии современной политической истории России XX в.

Структура книги организована по академическому канону: введение, построенная по проблемно-хронологическому принципу основная часть текста и заключение.

Введение содержит описание научной проблемы, лаконичный обзор предшествовавшей историографии и презентацию лежащих в основе исследования исторических источников. Во введении нет дефиниции «информационная политика». Однако, судя по описанию научной проблемы, под ней понимается информационная безопасность Российского государства на внешнеполитической арене. Такую безопасность, согласно гипотезе автора, в 1914–1917 гг. призваны были обеспечивать три государственных института – военная цензура, правительственное Петроградское телеграфное агентство (ПТА) и министерство иностранных дел (МИД). В этом предметном поле и построено исследование.

Предшествовавшую историографию при написании книги Е. Г. Кострикова учитывала лапидарно. Из гигантского количества литературы по политической истории позднеимперской и революционной России автор использовала при написании монографии не более шести десятков публикаций. Она отметила имеющиеся существенные достижения в области изучения Первой мировой войны и дипломатических отношений России с другими государствами, а также признала, что «не осталась без внимания исследователей» история периодической печати [Кострикова, 2024. С. 10]. Единственный историографический акцент в книге сделан на историю изучения Петроградского телеграфного агентства. Автор справедливо подчеркнула собственные достижения в изучении темы и подвергла критике одну статью И. К. Богомолова [Богомолов, 2021]. При этом не были приняты во внимание публикации Е. А. Морева по истории агентства [Морев, 2023а, 2023б].

Минималистичный и схематичный подход автора к историографии оставляет вопросы. В нем видятся существенные лакуны, самые явные из которых – отсутствие анализа обширной истории изучения цензуры [Богомолов, 2026] и игнорирование исследований информационной сферы в области политической репрезентации императорской и революционной власти [Колоницкий, 2010, 2017]. Такие научные публикации дают необходимое понимание условий, в которых происходила информационная работа бюрократии, и помогли бы поставить вопрос о том, как вписывалась работа чиновников в пространство публичности верховной государственной власти.

Источниковая база монографии соответствует выбранному Е. Г. Костриковой набору предметов изучения. Впечатляет архивная работа автора, поднявшей внушительный массив документов пяти фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), трех фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), двух фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и ряда других. Кропотливое изучение

делопроизводственных документов Отдела печати МИД, Петроградского телеграфного агентства и Петроградской военно-цензурной комиссии позволило исследователю обнаружить взаимодействие этих бюрократических институтов в области публичной информации. Большая часть документов впервые вводится в научный оборот. Именно они дают почву для гипотезы о наличии у российского правительства осознаваемой на уровне государственного аппарата информационной политики.

Логично использование Е. Г. Костриковой «Свода законов Российской Империи» и «Собрания узаконений и распоряжений правительства» за 1914 г. Однако представляется важным для суждений о политике правительств проанализировать стержневой комплекс непосредственно правительственных документов. В журналах заседаний правительств фиксировались все обсуждаемые вопросы и принимаемые решения в области государственного управления, внешней и внутренней политики России. Тем более, что такие документы за период Временного правительства 1917 г. полностью опубликованы [Журналы заседаний, 2001, 2002, 2004].

Основной текст монографии разделен на две неравные части: три четверти книги посвящены «информационной политике царского правительства» и одна четверть — «информационной политике Временного правительства».

В первой части книги шесть глав. В первой главе Е. Г. Кострикова описала дипломатическую и «газетную» предысторию вступления России в мировую войну. Автор показала, как в прессе проявлялся рост напряжения в отношениях между Россией и Германией, а также попытки представителей власти этих стран скрыть от общества накалявшуюся ситуацию накануне объявления военных действий.

Во второй главе проанализировано учреждение военной цензуры в России в 1914 г. и деятельность этого института до февраля 1917 г. На основе анализа делопроизводства Петроградской военно-цензурной комиссии Е. Г. Кострикова пришла к выводу о формировании в годы Первой мировой войны в России систематичной, дисциплинированной и обеспеченной высококачественными кадрами военной цензуры, которая имела тенденцию к расширению и ужесточению [Кострикова, 2024. С. 64–65]. Часть современных исследователей признают этот вывод адекватным историческим реалиям [Экштут, 2025. С. 62–67; Богомолов, 2026. С. 92.]. При этом в научной дискуссии о цензуре существуют другие точки зрения, которые автор монографии проигнорировала. В частности, В. П. Батулин аргументировал позицию о том, что «цензура являлась инструментом и символом интриг разных течений правительственного лагеря друг с другом и с общественностью и не сделалась средством консолидированной правительственной политики (ее единства просто не было)» [Батулин, 2006. С. 145.]. И. В. Алфёрова и В. Ф. Блохин подняли вопросы о репрессивности государственной политики в отношении СМИ и деструктивности военной цензуры в России в годы Первой мировой войны [Алфёрова, Блохин, 2017; Блохин, 2025].

В третьей главе монографии раскрыты основные аспекты деятельности Петроградского телеграфного агентства в военных условиях — внутренняя

организация работы, взаимодействие с МИД, военным ведомством и органами военной цензуры, создание отделения на захваченной территории в Галиции. Особое внимание уделено описанию службы зарубежной информации ПТА и отношений агентства с зарубежными партнерами, главными из которых были английское агентство Рейтер и французское Гавас. В результате автор сделала позитивный вывод об успешной деятельности ПТА, остававшегося главным информационным ресурсом правительства и являвшимся основным источником сообщений для прессы о событиях на фронте и в тылу. Число подписчиков увеличивалось, доходы росли и при этом сохранялось государственное финансирование. Более того, во время войны агентство было теснее интегрировано во внешнеполитическую деятельность МИД и начало организацию пропаганды в нейтральных странах, противодействуя вражеской агитации [Кострикова, 2024. С. 148]. Так история ПТА выглядит успешной с точки зрения его делопроизводственных документов.

Следующим шагом исследования деятельности ПТА может стать анализ содержания распространяемой информации, ее качества и влияния на общество. Иначе сложно объяснить имплицитное недоверие населения к официальной информации: «Официальные сообщения, „обработанные“, сокращенные и измененные военной цензурой, необычайно быстро распространявшиеся с помощью телеграфа и телефона, порой провоцировали появление новых волн невероятных слухов» [Колоницкий, 2010. С. 24].

Четвертая, пятая и шестая главы первой части монографии раскрывают деятельность МИД в информосфере. МИД стал доминантой исследования, так как это министерство было главным исполнительно-распорядительным органом в области внешних сношений, именно оно несло ответственность за обеспечение информационной безопасности страны на внешнеполитической арене. Министерство исполняло волю императора, осуществлявшего верховное руководство внешней политикой независимо от правительства и Государственной думы. Обособленность министерства способствовала его кастовой замкнутости, консерватизму мышления и приемов работы. Е. Г. Кострикова изучила работу Отдела печати и Отдела осведомления МИД, взаимоотношения МИД с российской прессой, деятельность дипломатической цензуры и информационную работу МИД на Балканах, в Голландии, Италии, Швейцарии, Скандинавии и Соединенных Штатах Америки. На этом историческом этапе, по мнению автора книги, главными успехами царского МИД стали осознание необходимости осведомления общественного мнения за рубежом о положении России и выделение из государственного бюджета «значительных средств» на пропаганду в нейтральных странах [Кострикова, 2024. С. 278].

Во второй части книги Е. Г. Кострикова освещает информационную политику Временного правительства марта – октября 1917 г., развивая сюжеты из предыдущей части о военной цензуре, ПТА и информационной деятельности МИД.

В первой главе – «Военная цензура в новых условиях» – автор монографии осветила происходившие преобразования, взяв за основу наравне с известными

документами (постановления Временного правительства от 8 марта, 27 апреля, 14 июля и 12 сентября, Перечень не подлежащих распространению сведений от 15 марта, Временные правила о военной цензуре печати и Временные правила о специальном военном почтово-телеграфном контроле от 26 июля) ряд впервые вводимых в научный оборот делопроизводственных документов (сметное расписание вольнонаемных служащих по редакции «Вестника Временного правительства», записка о деятельности дипломатической цензуры в марте 1917 г., приказ военного министра о новых правилах для армейской печати от 25 августа и др.) и публикаций из прессы различной политической направленности. В целом Е. Г. Кострикова подчеркнула институциональную преемственность военной цензуры и пришла к выводу о ее ужесточении в 1917 г. [Кострикова, 2024. С. 293].

Однако описанное «ужесточение» официальной военной цензуры происходило в революционных условиях, когда печать нарушала всяческие запреты, а политическая цензура стихийно вершилась на местах [Батулин, 2006. С. 146]. Более того, воспоминания председателя Главной военно-цензурной комиссии полковника Г. И. Клерже свидетельствуют о том, что даже он придавал мало значения цензуре. С одной стороны, он совмещал еще две должности в Генеральном штабе. С другой стороны, гораздо больше его занимало сотрудничество с частными газетами, для которых он ежедневно писал статьи, а также собственная политическая деятельность [Клерже, 2012. С. 113].

Во второй главе, «Петроградское телеграфное агентство на службе у Временного правительства», автор проанализировала реорганизацию ПТА, его функционирование в стремительно менявшихся политических условиях, взаимоотношения агентства с прессой и с иностранными агентствами. Е. Г. Кострикова впервые показала существенное обновление кадрового состава ПТА в период Февральской революции 1917 г., попытки повысить коммерческую эффективность агентства и улучшить качество передаваемой им информации. Новыми критериями подбора сотрудников стали доверие со стороны журналистского сообщества и опыт работы в частной прессе. Была повышена подписная плата на бюллетени агентства и одновременно сокращен объем передаваемых сведений. Для корреспондентов были введены премии за сообщение особо важных новостей. Автор пришла к выводу об устойчивом положении ПТА в 1917 г. [Кострикова, 2024. С. 325]. Но вопрос о том, удалось ли агентству «формировать позитивный образ новой России» по заказу Временного правительства, остался пока без ответа.

Третья и четвертая главы монографии посвящены информационной деятельности МИД в условиях революции. На основании тщательного изучения документов фонда Отдела печати и осведомления МИД, хранящегося в АВПРИ, и записок мемуарного характера начальника Международно-правового отдела МИД Г. Н. Михайловского, Е. Г. Кострикова убедительно показала, что в 1917 г. МИД оставался консервативным и архаичным учреждением [Кострикова, 2024. С. 345]. В период Февральской революции министерство подверглось жесточайшей критике со стороны прессы внутри России. При этом информационная деятельность МИД за рубежом получила развитие

и «достигла ощутимых результатов», особенно в Соединенных Штатах Америки [Кострикова, 2024. С. 365].

Заключение монографии представляет собой механическое объединение выводов по главам.

Таким образом, монография Е. Г. Костриковой «Информационная политика российского правительства в годы Первой мировой войны и революции» вводит в научный оборот богатый фактический материал и раскрывает сюжеты о деятельности Петроградского телеграфного агентства и информационной работе министерства иностранных дел России на протяжении 1914–1917 гг. с точки зрения исследованного делопроизводства этих институтов. Тем самым автор заложила базу для изучения влияния ПТА и МИД на информационную сферу России и Европы. При этом название книги существенно шире, чем поднятые в ней темы и проблемы. «Информационная политика» в ней отсутствует на уровне предмета исследования, историографии и источников. Вопрос о том, существовала ли у Российского правительства и Всероссийского временного правительства в 1914–1917 гг. информационная политика в полном смысле слова или только отдельные, слабо связанные друг с другом элементы – цензурные ограничения СМИ и «осведомление», остался в книге не заданным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Журналы заседаний Временного правительства: март – октябрь 1917 года: в 4 т. / отв. ред. Б. Ф. Додонов. М.: РОССПЭН, 2001–2004. Т. 1. Март – апрель 1917 года. 2001. 448 с.; Т. 2. Май – июнь 1917 года. 2002. 512 с.; Т. 3. Июль – август 1917 года. 2004. 416 с.; Т. 4. Сентябрь – октябрь 1917 года. 2004. 512 с. (Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII–X).

Клерже Г. И. Революция и война. Личные воспоминания / отв. ред. А. Л. Посадсков. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. 542 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алфёрова И. В., Блохин В. Ф. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 63–84. DOI: 10.24411/2072-9286-2017-00008

Батулин В. П. Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии и культуры. 2006. № 16/3. С. 141–155.

Блохин В. Ф. Периодическая печать в Англии и в России в условиях Первой мировой войны: сравнительный аспект // Новая и новейшая история. 2025. № 6. С. 91–101.

Богомолов И. К. Историография цензуры в России времен Первой мировой войны // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2026. № 1. С. 75–106.

- Богомолов И. К. Корреспондент Санкт-Петербургского (Петроградского) телеграфного агентства А. И. Марков // Вестник Московского университета. Серия: Журналистика. 2021. № 5. С. 137–154. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2021.137161
- Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский». Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 520 с.
- Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
- Кострикова Е. Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос. Идеинная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017. 380 с.
- Кострикова Е. Г. Информационная политика российского правительства в годы Первой мировой войны и революции. 1914–1917 гг. М.: Кучково поле, 2024. 416 с.
- Кострикова Е. Г. Источники внешнеполитической информации русских буржуазных газет (на материалах архивных фондов «Речи» и «Русского слова») // Исторические записки. 1979. Т. 103. С. 275–298.
- Кострикова Е. Г. Организация службы зарубежной информации Санкт-Петербургского телеграфного агентства // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1981. № 4. С. 47–59.
- Кострикова Е. Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М.: ИРИ РАН, 2007. 410 с.
- Кострикова Е. Г. Россия на пороге информационных войн. Политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX в. СПб.: Петроглиф, 2020. 352 с.
- Кострикова Е. Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. 1907–1914 гг. М.: ИРИ РАН, 1997. 176 с.
- Костякова Ю. Б. Формирование массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая в контексте реализации государственной информационной политики: 1922–1991 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2016. 44 с.
- Морев Е. А. Петроградское телеграфное агентство в марте — июле 1917 г. // Исторический бюллетень. 2023а. Т. 6, № 6. С. 90–95.
- Морев Е. А. Санкт-Петербургское (Петроградское) телеграфное агентство в начале Первой Мировой войны // Клио. 2023b. № 11 (203). С. 80–85.
- Попов В. Д. Информациология и информационная политика. М.: Изд-во РАГС, 2001. 116 с.
- Рыбалко В. П. Информационная политика правительства России. 1905 — февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 190 с.
- Шилова О. С. Информационная политика противоборствующих сил во время гражданской войны в Сибири (на материалах Иркутской губернии 1918–1920 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. 167 с.
- Экштут С. Военкоры первой мировой: быстрота. Полнота. Достоверность! // Родина. 2025. № 7. С. 62–67.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ШЕРЕМЕТЬЕВА ДАРЬЯ ЛЕОНИДОВНА, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия, dalas83@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2304-276X>, WoS ResearcherID: Q-9427-216, SPIN-код автора: 9712-5372.

Рецензия поступила в редакцию 13.05.2026; принята к публикации 20.05.2026.

ON COMMUNICATION BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY IN THE WANING YEARS OF THE RUSSIAN EMPIRE.

Rev.: Kostrikova, E. G. The Information Policy of the Russian Government during the First World War and Revolution, 1914–1917. Moscow: Kuchkovo Pole, 2024. 416 p.

DARIA L. SHEREMETEVA

*Institute of History, Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

dalas83@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2304-276X>

Abstract. This review examines the monograph authored by Elena Gavrilovna Kostrikova, Doctor of Historical Sciences, within the broader scholarly discourse on 20th-century Russian political history. It considers the study's scope, sources, methodology, and key insights and conclusions. The review finds that E. G. Kostrikova convincingly clarifies the main narratives regarding military and diplomatic censorship, the Petrograd Telegraph Agency (PTA), and Russian Ministry of Foreign Affairs information activities during 1914–1917, primarily relying on official administrative records. The author lays a solid groundwork for future research into the roles of the PTA and Ministry of Foreign Affairs, as well as their impact on Russia and Europe's information landscape. However, the monograph's title seems to exaggerate the breadth of themes covered, as it does not adequately examine whether the Russian government followed a consistent "information policy" or merely operated through disparate, loosely connected functions like censorship and "public briefing". This fundamental question remains insufficiently addressed within the volume.

Keywords: E. G. Kostrikova, Petrograd Telegraph Agency, Ministry of Foreign Affairs, First World War, February Revolution.

Funding: The publication was prepared as part of the state assignment project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, titled "Society and Power in Russia in the 20th and Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, and Actor Identity" (Project No. FWZM-2024-0008).

For citation: Sheremeteva D. L. On Communication between Government and Society in the Waning Years of the Russian Empire. Rev.: Kostrikova, E. G. The Information Policy of the Russian Government during the First World War and Revolution, 1914–1917. Moscow: Kuchkovo Pole, 2024. 416 p. *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 172–182. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-172-182

REFERENCES

Alferova I. V., Blokhin V. F. «Gasil'nik narodnogo dukha»: tsenzurnye ogranicheniya v osveshchenii geroizma frontovikov vo vremya Pervoi mirovoi voiny [“The Extinguisher of the National Spirit”: Censorship Limitations on Reporting on the Heroism of Front-Line Fighters during the First World War]. *The New Historical Bulletin*, 2017, no. 3 (53), pp. 63–84. (In Russ.). DOI: 10.24411/2072-9286-2017-00008

Batulin V. P. Voennaya tsenzura v period Pervoi mirovoi voiny i revolyutsii 1917–1918 gg.: problema sushchnosti i preemstvennosti [Military Censorship during the First World War and the Revolution of 1917–1918: Problem of Essence and Succession]. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2006, no. 16/3, pp. 141–155. (In Russ.).

Blokhin V. F. Periodicheskaya pechat' v Anglii i v Rossii v usloviyakh Pervoi mirovoi voiny: sravnitel'nyi aspekt [The Periodical Press in England and Russia during the First World War: a Comparative Perspective]. *Modern and Contemporary History*, 2025, no. 6, pp. 91–101. (In Russ.).

Bogomolov I. K. Istoriografiya tsenzury v Rossii vremen Pervoi mirovoi voiny [Historiography of Censorship in Russia during the First World War]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 5: History], 2026, no. 1, pp. 75–106. (In Russ.).

Bogomolov I. K. Korrespondent Sankt-Peterburgskogo (Petrogradskogo) telegrafnogo agentstva A. I. Markov [Correspondent of the St. Petersburg (Petrograd) Telegraph Agency, A. I. Markov]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Zhurnalistika*, 2021, no. 5, pp. 137–154. (In Russ.). DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2021.137161

Ehkshtut S. Voenkory pervoi mirovoi: bystrota. Polnota. Dostovernost'! [War Correspondents of the First World War: Speed, Completeness, and Reliability!]. *Rodina*, 2025, no. 7, pp. 62–67. (In Russ.).

Kolonitskii B. I. «Tovarishch Kerenskii». Antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta «vozhdya naroda» (mart – iyun' 1917 goda) [“Comrade Kerensky”. The Anti-Monarchist Revolution and the Formation of the Cult of the “Leader of the People” (March – June 1917)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 520 p. (in Russ.).

Kolonitskii B. I. «Tragicheskaya ehrotika». Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny [“Tragic Erotica”. Images of the Imperial Family during the First World War]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 664 p. (In Russ.).

Kostrikova E. G. Geopoliticheskie interesy Rossii i slavyanskii vopros. Ideinaya bor'ba v rossiiskom obshchestve v nachale XX veka [Geopolitical Interests of Russia and the Slavic Question. Ideological Struggle in Russian Society at the Beginning of the 20th Century]. Moscow, Izatel'stvo Kuchkovo pole, 2017, 380 p. (In Russ.).

Kostrikova E. G. Informatsionnaya politika rossiiskogo pravitel'stva v gody Pervoi mirovoi voiny i revolyutsii. 1914–1917 gg. [The Information Policy of the Russian Government During the First World War and the Revolution. 1914–1917]. Moscow, Kuchkovo pole, 2024, 416 p. (In Russ.).

Kostrikova E. G. Istochniki vneshnepoliticheskoi informatsii russkikh burzhuznykh gazet (na materialakh arkhivnykh fondov «Rechi» i «Russkogo slova») [Sources of Foreign Policy Information in Russian Bourgeois Newspapers (Based on Archival Collections of “Rech” and “Russkoye Slovo”)]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 1979, vol. 103, pp. 275–298. (In Russ.).

Kostrikova E. G. Organizatsiya sluzhby zarubezhnoi informatsii Sankt-Peterburgskogo telegrafnogo agentstva [Organization of the Foreign Information Service of the St. Petersburg Telegraph Agency]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History], 1981, no. 4, pp. 47–59. (In Russ.).

Kostrikova E. G. Rossiiskoe obshchestvo i vneshnyaya politika nakanune Pervoi mirovoi voyny. 1908–1914 [Russian Society and Foreign Policy on the Eve of First World War. 1908–1914]. Moscow, IRI RAN, 2007, 410 p. (In Russ.).

Kostrikova E. G. Rossiya na poroge informatsionnykh voyn. Politika rossiiskogo pravitel'stva v sfere SMI v nachale XX v. [Russia on the Threshold of Information Wars: Russian Government Media Policy in the Early Twentieth Century]. Saint Petersburg, Petroglif, 2020, 352 p. (In Russ.).

Kostrikova E. G. Russkaya pressa i diplomatiya nakanune Pervoi mirovoi voyny. 1907–1914 gg. [Russian Press and Diplomacy on the Eve of World War I. 1907–1914]. Moscow, IRI RAN, 1997, 176 p. (In Russ.).

Kostyakova Yu. B. Formirovanie massovo-informatsionnykh prostranstv Khakasii i Gornogo Altaya v kontekste realizatsii gosudarstvennoi informatsionnoi politiki: 1922–1991 gg. [Formation of Mass Information Spaces in Khakassia and the Altai Mountains in the Context of the Implementation of State Information Policy: 1922–1991]. Abstract Dis. Doc. Hist. Sci. Omsk, 2016, 44 p. (In Russ.).

Morev E. A. Petrogradskoe telegrafnoe agentstvo v marte – iyule 1917 g. [Petrograd Telegraph Agency in March – July 1917]. *Historical Bulletin*, 2023a, vol. 6, no. 6, pp. 90–95. (In Russ.).

Morev E. A. Sankt-Peterburgskoe (Petrogradskoe) telegrafnoe agentstvo v nachale Pervoi Mirovoi voyny [Saint Petersburg (Petrograd) Telegraph Agency at the Beginning of the First World War]. *Klio* [Clio], 2023b, no. 11(203), pp. 80–85. (In Russ.).

Popov V. D. Informatsiologiya i informatsionnaya politika [Information Science and Information Policy]. Moscow, Izdatel'stvo RAGS, 2001, 116 p. (In Russ.).

Rybalko V. P. Informatsionnaya politika pravitel'stva Rossii. 1905 – fevral' 1917 g. [Information Policy of the Russian Government. 1905 – February 1917]. Diss. Cand. Hist. Sci. Saint Petersburg, 2002, 190 p. (In Russ.).

Shilova O. S. Informatsionnaya politika protivoborstvuyushchikh sil vo vremya grazhdanskoi voyny v Sibiri (na materialakh Irkutskoi gubernii 1918–1920 gg.) [Information Policy of the Conflicting Forces during the Civil War in Siberia (Based on Materials from the Irkutsk Governorate, 1918–1920)]. Irkutsk, Izdatelstvo IGU, 2021, 167 p. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

DARIA L. SHEREMETeva, Candidate of Sciences (History), research fellow of the Sector of History of Socio-Political Development of the Institute of History of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, dalas83@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2304-276X>, WoS ResearcherID: Q-9427-216, SPIN-code: 9712-5372.

The review was submitted on 13.05.2026; accepted for publication on 20.05.2026.

СОВЕТСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рец.: Советский исторический нарратив 1920–30-х годов:
содержание, акторы и механизмы конструирования /
под ред. В. В. Тихонова. М.: Совпадение, 2025. 480 с.

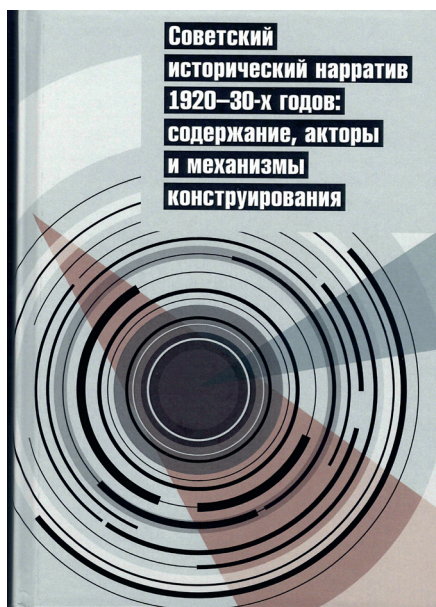
ОЛЬГА ВАДИМОВНА МЕТЕЛЬ

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия
olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>

Аннотация. В рецензии отмечаются такие положительные стороны монографии, как стремление авторов к изучению механизмов конструирования исторического знания, обращение к анализу не только научных текстов, но также художественной литературы и кинематографа, построение новой версии историографического процесса 1920-х годов, расширение источниковой базы. В то же время издание имеет некоторые недостатки, связанные с неполной проработкой базовой методологии, недостаточной фундированностью отдельных выводов, разностью в исследовательской оптике и способах решения авторами поставленных проблем. При этом, по мнению рецензента, данное издание вносит свой вклад в изучение советской историографии и способствует отказу от упрощенного восприятия данной исследовательской традиции.

Ключевые слова: исторический нарратив, советская историческая наука, советский исторический фильм, антиколониальный дискурс, проблемная историография, историческая наука и литература, декабристоведение.

Для цитирования: Метель О. В. Советское историческое знание в зеркале современной историографии. Рец.: Советский исторический нарратив 1920–30-х годов: содержание, акторы и механизмы конструирования / под ред. В. В. Тихонова. М.: Совпадение, 2025. 480 с. // Universum Humanitarium. 2026. № 1. С. 183–195. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-183-195

Изучение феномена советской исторической науки занимает важное место в современных историографических изысканиях. Более того, на протяжении последних двух десятилетий тематика проводимых исследований была существенно расширена. Наряду с изучением биографий советских историков и их концептуальных построений (в том числе с точки зрения влияния внешних и внутренних факторов на развитие исследовательской традиции), отечественные специалисты обратились к анализу новых тем и сюжетов, в числе которых оказалась проблема конструирования исторического нарратива. Одним из первых к полноценному изучению и концептуальному осмыслению данного феномена обратился омский исследователь С. Б. Крих, представивший в ряде специальных публикаций свои размышления о процессе унификации нарратива в советской историографии [Советская историография, 2023].

Работу в этом направлении продолжили участники исследовательского проекта № 23-18-00303 «Советский исторический нарратив 1920–30-х гг.: содержание, акторы и механизмы конструирования», поддержанного Российским научным фондом: кандидаты исторических наук В. В. Тихонов (руководитель проекта), Я. А. Лазарев, С. Ю. Манышев, О. А. Плех, Ю. С. Филина, кандидат филологических наук А. С. Акимова и магистр истории М. Г. Иванова. Результатом реализации проекта стала одноименная монография, изданная под редакцией В. В. Тихонова в 2025 г. [Советский исторический нарратив, 2025]. Ее авторы ставили перед собой задачу проанализировать механизмы конструирования советских исторических нарративов в первые послереволюционные десятилетия. Причем, в отличие от С. Б. Криха [2024] и некоторых других своих предшественников, довольно редко выходивших за рамки анализа собственно научной традиции, члены данного исследовательского коллектива стремились проанализировать различные формы бытования исторического нарратива, обращаясь не только к научным статьям и монографиям, но и к кинофильмам, историческим романам и др. [Советский исторический нарратив, 2025. С. 13]. Такой подход предопределил общую структуру рецензируемого издания, в котором наряду с главами, посвященными общим проблемам бытования исторического нарратива (первая и вторая), а также общим и частным проблемам функционирования советской историографической традиции (третья, пятая, седьмая, десятая, одиннадцатая, двенадцатая и тринадцатая) присутствуют главы, в которых рассматривается советский исторический роман (четвертая) и советские исторические фильмы (шестая, восьмая и девятая главы).

Методологические основы проводимого исследования были сформулированы В. В. Тихоновым во введении и в первой главе рецензируемого издания [Советский исторический нарратив, 2025. С. 4–27]. Если верить ответственному редактору, то при изучении проблемы конструирования раннего советского исторического нарратива авторы предложили *исследовательскую модель*, в основу которой были положены, с одной стороны, принципы нарратологии, а с другой — постулаты прагматической социологии науки [Советский исторический нарратив, 2025. С. 26]. Как полагает В. В. Тихонов,

объединение этих разнородных и в чем-то противоположных подходов не могло быть беспроблемным, что, безусловно, наложило известные ограничения на итоговый результат. Так, ответственный редактор прямо предупреждает читателя о том, что при изучении проблемы конструирования нарративов авторы коллективной монографии зачастую не могли не только учесть внешний контекст рассматриваемых процессов, но и выйти за рамки «„текстовой“ (в широком понимании) стороны вопроса» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 26–27]. Правда, несмотря на такие оговорки, с точки зрения В. В. Тихонова, авторскому коллективу все же удалось решить ключевую задачу издания и «„схватить“ такое противоречивое и парадоксальное „историческое воображение“ раннесоветской эпохи 1920–30-х гг.» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 27].

Я полагаю, что с подобным выводом в целом можно согласиться. Данная коллективная монография действительно отличается рядом положительных качеств и, безусловно, является важным этапом в изучении ранней советской интеллектуальной культуры. Так, на мой взгляд, одним из очевидных достоинств издания является отмеченное мной ранее стремление его авторов увидеть специфику репрезентации исторического материала не только в научной традиции, но и в публичном поле, а именно в раннем советском кино и в ранней советской литературе. В целом работа в этом направлении проводилась членами научного коллектива еще в 2023–2024 гг., когда В. В. Тихоновым, А. С. Акимовой и М. Г. Ивановой были введены в оборот материалы нескольких дискуссий, состоявшихся в Москве в 1934–1935 гг. в связи с обсуждением феномена исторического романа [Между историей и литературой, 2024. С. 9–269], а Ю. С. Филина на нескольких примерах попыталась рассмотреть феномен раннего советского историко-революционного кино [Филина, 2024]. Теперь же исследователи не только расширили поле проводимых изысканий, но и подвели их итоги, показав специфику репрезентации событий петровской эпохи, восстания декабристов и Октябрьской революции в исторических трудах, романах и кинофильмах.

Второй, безусловно положительной, чертой рецензируемой монографии, на мой взгляд, является стремление ее авторов ввести в научный оборот большое количество новых данных, связанных с развитием советской культуры 1920–1930-х годов. Если говорить о раннем советском кинематографе, то в очерках Ю. С. Филиной были использованы новые архивные документы, отложившиеся преимущественно в фондах РГАЛИ¹ и РГАСПИ² и позволяющие проследить процесс конструирования истории Октябрьской революции в таких фильмах первых послереволюционных десятилетий, как «Годовщина революции» Д. Вертова, «Октябрь» С. Эйзенштейна, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 231–283]. Причем

¹ Фонд кинорежиссера М. П. Ромма, фонд Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, фонд Союза писателей СССР, коллекция Федора Сергеевича Седых, служащего Ассоциации революционной кинематографии и др.

² Фонды Н. К. Крупской, В. М. Молотова и др.

наиболее ярко, на мой взгляд, успехи архивной эвристики проявились в девятой главе издания, посвященной истории подготовки дилогии «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 244–283]. В рамках этой главы Ю. С. Филина, опираясь на материалы РГАЛИ, РГАСПИ, ГИМ и др., показала, как во второй половине 1930-х годов события Октября конструировались в различных вариантах сценариев будущих фильмов о В. И. Ленине.

Новые архивные документы, в том числе и материалы из частных коллекций, были введены в оборот М. Г. Ивановой, осветившей в специальном очерке процесс работы над сценарием к фильму «Петр Первый» и показавшей, как в 1933–1938 гг. под влиянием общих перемен в советской исторической политике менялся исходный вариант киноленты [Советский исторический нарратив, 2025. С. 103–116].

Значительный пласт новых материалов стал доступен исследователям и благодаря усилиям А. С. Акимовой, продолжившей свои изыскания в области советского исторического романа [Между историей и литературой, 2024. С. 375–408] и показавшей, как в первые послереволюционные десятилетия менялось общее отношение и к историческому роману, и к его роли в воспитании масс [Советский исторический нарратив, 2025. С. 78–102]. В целом автор показала, что интерес к историческому роману в Советской России стал заметен уже в середине 1920-х годов, однако подлинный расцвет этого жанра пришелся на вторую половину 1930-х годов, когда, как отмечает А. С. Акимова, ссылаясь на М. И. Серебрянского, было признано, что исторический роман «вместе с исторической наукой делает одно дело» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 102].

Наконец, третье важное достоинство рецензируемой монографии, которое мне бы хотелось отметить, заключается в новаторстве авторов отдельных очерков в прочтении исторического материала. Наиболее ярким примером в этом отношении, на мой взгляд, является стремление В. В. Тихонова переосмыслить сам феномен ранней советской историографии, представив его не в контексте традиционных процессов «марксизации» или «политизации» отечественной исторической науки 1920-х годов, но с точки зрения «экспериментов» историков-марксистов, стремившихся реорганизовать практически все звенья цепи в процессе производства исторического знания [Советский исторический нарратив, 2025. С. 67–77]. Причем эти новаторские усилия историков рассматриваются исследователем не изолированно, а в контексте общих интеллектуальных исканий первой трети XX в., определяемых историографом через термин «модернизм»: «спектр авангардных идейных и в первую очередь, культурно-эстетических течений, ставивших под сомнение адекватность и незыблемость существующего (т. е. осмысленного через понятие классики) порядка вещей» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 63]). В результате, благодаря смене оптики, В. В. Тихонов предлагает новый вариант прочтения ранней советской историографии, воспринимая последнюю в качестве «авангардистского историографического проекта», отличавшегося, по мысли автора, целым рядом новаторских черт, к примеру, «особым

темпоральным режимом, в котором прошлое, настоящее и будущее не перетекали друг в друга эволюционно, но смешивались и „спрессовывались“» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 76].

Новая концептуальная рамка задается В. В. Тихоновым и при изучении процессов конструирования истории СССР в отечественной науке 1920–1930-х годов. В этом случае исследователь анализирует данные трансформации в контексте реализации раннесоветского деколониального проекта, предполагавшего не просто отказ от дореволюционного «великодержавного» нарратива, но поиск вариантов анализа истории СССР с точки зрения реализации установок критики колониальной политики «царистского режима». При этом В. В. Тихонов вполне справедливо отмечает и причины сворачивания подобного подхода, демонстрируя, как на фоне нового поворота исторического курса во второй половине 1930-х годов произошел постепенный переход от проекта «история народов СССР» к концепции «истории СССР».

Однако, несмотря на удачные исследовательские решения, интересные и, безусловно, заслуживающие внимания выводы, некоторые из которых оказались уже востребованными в историографии [Кириллова, 2025], рецензируемая монография содержит немало спорных положений, на которые, как мне кажется, необходимо обратить внимание. В первую очередь, я отметила бы тот факт, что, несмотря на усилия ответственного редактора, коллективная монография не обладает методологической целостностью и скорее состоит из разрозненных очерков, посвященных отдельным кейсам — различным аспектам функционирования советской интеллектуальной традиции, — чем из глав, последовательно раскрывающих заявленную исследовательскую проблему. Эта случайность выборки особенно ярко проявляется в собственно историографических разделах, авторы которых не просто анализируют близкие именно им сюжеты (такой подход к подготовке историографических трудов отнюдь не является необычным [Метель, 2026. С. 108]), но работают с материалом с принципиально разных методологических позиций. Так, если В. В. Тихонов анализирует специфику конструирования нарратива о Туркестанском восстании 1916 г. в контексте нового концептуализма [Советский исторический нарратив, 2025. С. 284–300], то Я. А. Лазарев показывает споры об украинской истории сквозь призму нового биографизма и ставит в центр своих штудий историка М. С. Грушевского [Советский исторический нарратив, 2025. С. 316–415], а С. Б. Манышев и вовсе начинает свой очерк о развитии советского кавказоведения со вполне привычной реконструкции организационного среза данной дисциплины [Советский исторический нарратив, 2025. С. 416–467]. Если в качестве самостоятельных текстов каждый из этих очерков обладает серьезным эвристическим потенциалом и, безусловно, заслуживает внимания специалистов, то в рамках единого нарратива, призванного показать, как функционировало «историческое воображение» в ранний советский период, эти главы выглядят калейдоскопично и вызывают вопросы относительно самого принципа отбора материала главным редактором.

Второй важный вопрос, возникающий у рецензента, обусловлен поиском точки сопряжения между различными нарративами, попавшими в объектив

исследовательского интереса авторов рецензируемой монографии. Так, на мой взгляд, одной из самых любопытных исследовательских проблем, оказавшихся в фокусе внимания членов исследовательского коллектива, должна была бы стать проблема сопоставления тех исторических картин, которые были представлены в советской историографии, советском кинематографе, советской литературе и др. И, казалось бы, члены научного проекта делают весьма серьезный шаг в сторону подобных сопоставлений. Недаром шестая глава рецензируемого издания прямо озаглавлена как «Декабристы в советском историческом нарративе: от научных дискуссий к кинематографу (1920-е гг.)» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 117–212]. Ее авторы действительно предприняли весьма удачную попытку показать, как конструировался и репрезентировался образ декабристов в юбилейных изданиях, кинофильмах и даже операх, подготовленных в 1925 г. в связи со столетием восстания на Сенатской площади. Однако в целом детальное изучение специфики трактовки материала в нарративах различных типов в монографии все же не проводится.

Более того, анализируя специфику развития ранней советской историографии, авторы издания оставляют практически без внимания общие особенности развития раннего советского кинематографа и литературного процесса. Казалось бы, ответственный редактор аргументирует такую позицию в первой главе, подчеркивая и «текстоцентричный» характер проводимых изысканий [Советский исторический нарратив, 2025. С. 26], и первенство научной традиции в конструировании исторических представлений советского общества 1920–1930-х годов [Советский исторический нарратив, 2025. С. 20]. Однако, на мой взгляд, подобные ограничения вряд ли достаточны, и даже ориентируясь на анализ собственно исторических нарративов, специалисты не могут отказаться от внимательного анализа тех специфических внешних факторов, которые повлияли на процесс их конструирования. Особенно ярко эта особенность, на мой взгляд, проявляется при анализе кинематографической традиции, ведь кино не только обладает собственным языком, работа с которым требует специального исследовательского инструментария [Осборн, 2024], но и зависит от технических условий, которые нередко столь же серьезно влияют на содержание текста сценария, как и внешняя конъюнктура.

Вероятно, для того, чтобы в полной мере учесть все эти факторы и показать более целостный процесс функционирования «исторического воображения» в ранний советский период, было бы продуктивно не только обратиться к исследовательскому опыту представителей иных гуманитарных дисциплин [Советские двадцатые, 2023; Огулов, 2024], но и несколько скорректировать базовую исследовательскую оптику, расширив сферу применения таких понятий, как «репрезентация», «образ», «публичная история» и «полезное прошлое», в той или иной степени и так встречающихся на страницах рецензируемой монографии. Так, весьма показательным в этом отношении является концепт «полезное прошлое», ранее активно используемый В. В. Тихоновым для анализа советской историографии 1930–1950-х годов [Тихонов, 2024], но практически не примененный в настоящем издании

[Советский исторический нарратив, 2025. С. 25–27]. Между тем, на мой взгляд, полноценное использование названного концепта, особенно в сочетании с термином «репрезентация» [Никонова, 2025], позволило бы существенно обогатить проводимое исследование и показать не только процесс создания той или иной конструкции, но и особенности ее функционирования в советском публичном пространстве 1920–1930-х годов, особенно в контексте регулярных «изломов» исторической политики указанного временного периода.

Серьезные вопросы возникают при знакомстве с конкретными разделами рецензируемого издания. В силу того, что область моих научных интересов связана преимущественно с историей советской исторической науки, в рамках данной рецензии я позволю себе остановиться лишь на тех разделах, которые в наибольшей степени связаны с данной проблематикой. К числу таковых, на мой взгляд, относятся главным образом разделы В. В. Тихонова, ведущего современного отечественного специалиста по этой теме, труды которого ранее мне уже доводилось рецензировать [Метель, 2018]. И, вновь подчеркнув важность и значимость введенного им в оборот термина «советский авангардистский историографический проект», я попробую отметить те положения, которые, на мой взгляд, требуют уточнения.

В первую очередь я хотела бы обратить внимание на тот факт, что само объединение 1920-х и 1930-х годов в единый период применительно к истории советской историографии является отнюдь не бесспорным. Как уже отмечалось в историографии [Крих, 2020], эти два десятилетия представляли собой совершенно разные этапы в развитии исследовательской традиции, и если 1920-е годы и отчасти начало 1930-х годов прошли под знаком «революционной утопии» и «эксперимента», то в середине 1930-х годов историография вступила в полосу «консерватизма», проявившегося как в постепенном отказе от теоретических поисков, так и в становлении твердой организационной структуры исторического знания.

Более того, даже в 1920-е годы «историографический авангард» был отнюдь не единственным историографическим явлением, и наряду с весьма любопытными экспериментами, связанными преимущественно с представителями первого поколения историков-марксистов, отечественная историческая наука первого послереволюционного десятилетия развивалась под знаком сохранения прежних исследовательских образцов, в полной мере характерных для творчества историков — представителей «старой школы» или их учеников. Весьма показательный пример сосуществования этих традиций представляет Институт истории РАНИОН, появляющийся на страницах рецензируемого издания в качестве примера учреждения, в стенах которого проводились «междисциплинарные» исследования [Советский исторический нарратив, 2025. С. 25–27]. Мне же представляется, что до 1927–1928 гг., т. е. до начала процесса реорганизации институтов ассоциации, секции Института истории были ориентированы на реализацию вполне традиционных исследовательских программ, а их члены весьма настороженно воспринимали методологические эксперименты историков-новаторов 1920-х годов. Весьма показательным в этом отношении может быть пример секции древней истории,

сотрудники которой работали преимущественно над традиционной проблематикой [Скворцов, 2015] и регулярно критиковали одного из своих членов, В. С. Сергеева, за модернизацию истории античности³. И такие примеры можно умножать. В рецензируемой же монографии взаимодействие различных историографических традиций в ранний советский период упоминается лишь вскользь, причем, автор говорит об этом как об «отторжении „историографического авангарда“ академической средой» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 77], что, как мне кажется, вряд ли можно считать достаточным.

В то же время, если опираться на третью главу рецензируемого издания, то останется не вполне понятным, каков был спектр новаций историков 1920-х годов. Безусловно, нельзя не согласиться с В. В. Тихоновым в том, что марксизм был «одной из ключевых теорий эпохи» и, следовательно, его активное внедрение в историографию было одним из вариантов «экспериментаторства» ранней советской эпохи, связанным с разработкой концепции «активного историзма» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 25–27, 73]. Не вызывает возражений и утверждение о том, что некоторые советские историки тех лет действительно интересовались психоанализом. В данной связи наряду с отмеченной В. В. Тихоновым фигурой М. В. Нечкиной можно назвать историка античной философии И. А. Боричевского, разработавшего метод самопсихоанализа⁴, и в целом отметить, что проблема влияния психоанализа на раннюю советскую гуманитаристику ранее исследовалась специалистами. Однако исчерпывается ли «экспериментальный потенциал» эпохи этими явлениями? И как подобные теоретические постулаты меняли сам исторический нарратив, а не только организационный ландшафт исследовательской традиции? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, на мой взгляд, специалисту нужно выйти за пределы широких обобщений и, существенно расширив фактографическую базу проводимых изысканий, более внимательно взглянуть на ранний советский историографический проект в контексте *кризиса классической модели исторического письма*, который стал составной частью кризиса модерна и в первой четверти XX в. затронул не только отечественных специалистов⁵ [Iggers, 1997. P. 31]. Такой подход, требующий внимательного отношения к деталям, на мой взгляд, позволит избежать не только опасных генерализаций, но и терминологической путаницы, в определенной степени характерной для третьей главы рецензируемой монографии. Так, например, В. В. Тихонов использует термин «позитивизм», который на сегодняшний день сохраняется преимущественно в учебной литературе или называет события рубежа XIX–XX вв. «научной революцией»,

³ ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 13.

⁴ ОР РНБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.

⁵ Вариант подобного прочтения этих событий был предложен мной в докладе «Как „сломать“ и (не)починить всеобщую историю: советская историческая наука 1920-х гг.», сделанном на семинаре «Историческая репрезентация» (организатор — кафедра теории и истории гуманитарного знания РГГУ) 27 февраля 2026 г. См.: URL: https://vk.ru/wall-123549653_186 (дата обращения: 01.05.2026).

хотя этот термин традиционно применяется для характеристики событий XVII в. [Деар, Шейпин, 2015]. Любопытно, что на страницах коллективной монографии можно найти и более удачное понятие «научная история», связываемое традиционно с именем Л. фон Ранке [Советский исторический нарратив, 2025. С. 62–63].

Безусловно, высказанные мной замечания несколько не умаляют ценность рецензируемого издания, авторы которого действительно проделали большую работу и предложили любопытные решения некоторых исследовательских проблем. Однако я все же полагаю, что даже такие замечания должны быть высказаны рецензентом и приняты в расчет исследователями, приступающими к изучению советской историографической традиции. Причина, по которой я настаиваю на данной позиции, довольно проста: советскую историографию уже не раз пытались изучать без внимания к деталям, выделяя лишь некоторые генеральные линии в развитии исследовательской традиции, и общий итог подобных штудий оказывался неутешительным – конкретный материал, характеризующий развитие науки, помещался в прокрустово ложе общих теоретических конструкций, нередко появившихся под влиянием внешней конъюнктуры. Один из примеров – популярная в постсоветский период концепция советской историографии как «научно-политического феномена», приспособленного для «обслуживания» потребностей государства [Советская историография, 1996. С. 37]. Чтобы избежать такого рода искажений и упрощений, исследователь должен стремиться к соблюдению известного баланса между «теорией» и «практикой» и, анализируя советский историографический процесс 1920–1930-х годов, видеть свою задачу не в том, чтобы просто ввести в оборот новый материал или же, напротив, пренебрегая деталями, предложить теорию, претендующую на объяснение феномена советской исторической науки в целом, но в том, чтобы представить хорошо фундированную и разработанную теорию среднего уровня. И концепция «историографического авангарда», представленная, на мой взгляд, пока лишь в виде общего концептуального каркаса, требует дальнейшей тщательной и аккуратной разработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.

Кириллова М. Н. Образ отечественной древности: от мифа к науке. М.: Издательская группа «Альма матер», 2025. 269 с.

Крих С. Б. Другая история. «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

Крих С. Б. На краю ойкумены: советский писатель о Древнем Египте // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 191–203. DOI: 10.17223/18137083/88/13

Между историей и литературой: дискуссии о романе А. Н. Толстого «Петр Первый» в 1930-е гг. / под ред. А. С. Акимовой, В. В. Тихонова. М.: Совпадение, 2024. 416 с.

Метель О. В. «Очерки по историографии средних веков»: к истории одного неизданного коллективного труда // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2026. Т. 13. № 1. С. 107–114. DOI: 10.24147/2312-1300.2026.13(1).107-114

Метель О. В. «Странное обаяние трагедии». Размышления о книге В. В. Тихонова «Идеологические кампании „позднего сталинизма“ и советская историческая наука» // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 390–397.

Никонова А. Р. Архивация памяти: историческая репрезентация в документальной поэзии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 2. С. 23–32. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-23-32

Огудов С. Литературу – в кино: советские сценарные нарративы 1920–1930-х гг. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 232 с.

Осборн Р. Теория кино. Краткий путеводитель / Ричард Осборн. М.: Ад Маргинем, 2024. 224 с.

Скворцов А. М. Секция древней истории Института истории РАНИОН как центр антиковедения 1920-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2015. № 14. Вып. 64. С. 159–165.

Советская историография / под ред. Ю. А. Афанасьева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. 592 с.

Советская историография всеобщей истории как научное творчество / под ред. С. Г. Карпюка, М. С. Петровой. М.: Аквилон, 2023. 224 с.

Советские двадцатые: Искусство, архитектура, фотография, кино / ред.-сост. А. Фоменко. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 144 с.

Советский исторический нарратив 1920–30-х годов: содержание, акторы и механизмы конструирования / под ред. В. В. Тихонова. М.: Совпадение, 2025. 480 с.

Тихонов В. В. Полезное прошлое: история в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 368 с.

Iggers G. Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Middletown: Wesleyan University Press, 1997. 182 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва).

ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва).

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов (г. Москва).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (г. Москва).

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва).

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

МЕТЕЛЬ ОЛЬГА ВАДИМОВНА, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия, olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>, Scopus Author ID: 57219053712, SPIN-код автора: 4216-4895.

Рецензия поступила в редакцию 03.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.

SOVIET HISTORICAL KNOWLEDGE THROUGH THE LENS OF CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

Rev.: The Soviet Historical Narrative of the 1920s–1930s:
Content, Actors, and Mechanisms of Construction / ed.
V. V. Tikhonov. Moscow, Sovpadenie, 2025. 480 p.

OLGA V. METEL

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>

Abstract. This review highlights the scholarly strengths of the monograph, emphasizing the contributors' dedicated exploration of the mechanisms behind constructing historical knowledge. It acknowledges the innovative inclusion of fiction and cinematography alongside traditional academic texts, as well as the formulation of a novel interpretative framework for the historiographical developments of the 1920s and the expansion of the historical source base. Concurrently, the review critically examines certain limitations of the publication, including an underdeveloped foundational methodology, insufficient substantiation for some conclusions, and inconsistencies in the analytical paradigms employed by the contributors and their approaches to addressing the research problems. Nonetheless, the review concludes that this volume constitutes a significant contribution to the study of Soviet historiography and advances the field beyond reductive or oversimplified perspectives.

Keywords: historical narrative, Soviet historical science, Soviet historical film, anti-colonial discourse, problem-oriented historiography, historical science and literature, Decembrist studies.

For citation: Metel O. V. Soviet Historical Knowledge through the Lens of Contemporary Historiography. Rev.: The Soviet Historical Narrative of the 1920s–1930s: Content, Actors, and Mechanisms of Construction / ed. V. V. Tikhonov. Moscow, Sovpadenie, 2025. 480 p. *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 183–195 (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-183-195

REFERENCES

- Dear P., Shapin S. Nauchnaya revolyutsiya kak sobytie [The Scientific Revolution as an Event]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 576 p. (In Russ.).
- Iggers G. Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Middletown: Wesleyan University Press, 1997. 182 p.
- Kirillova M. N. Obraz otechestvennoi drevnosti: ot mifa k nauke [The Image of Domestic Antiquity: From Myth to Science]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Al'ma mater», 2025, 269 p. (In Russ.).
- Krikh S. B. Drugaya istoriya. «Periferiinaya» sovetskaya nauka o drevnosti [Another History: “Peripheral” Soviet Science of Antiquity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 320 p. (In Russ.).
- Krikh S. B. Na krayu oikumeny: sovetskii pisatel' o Drevnem Egipte [At the Edge of the Oikoumene: A Soviet Writer on Ancient Egypt]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no 3, pp. 191–203. (In Russ.). DOI: 10.17223/18137083/88/13
- Metel' O. V. «Ocherki po istoriografii srednikh vekov»: k istorii odnogo neizdannogo kolektivnogo truda [“Essays on the Historiography of the Middle Ages”: About the History of an Unpublished Work]. *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*, 2026, vol. 13, no 1, pp. 107–114. (In Russ.). DOI: 10.24147/2312-1300.2026.13(1).107-114
- Metel' O. V. «Strannoe obayanie tragedii». Razmyshleniya o knige V. V. Tikhonova «Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaya istoricheskaya nauka» [“The Strange Charm of Tragedy”. Some Reflections on V. V. Tikhonov's Book “Ideological Campaigns of the ‘Late Stalinism’ and Soviet Historical Science (mid 1940-s – 1953)”]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 2018, vol. 65, pp. 390–397. (In Russ.).
- Mezhdru istoriei i literaturoi: diskussii o romane A. N. Tolstogo «Petr Pervyi» v 1930-e gg. [Between History and Literature: Discussions on A. N. Tolstoy's Novel “Peter the First” in the 1930s] / ed. A. S. Akimova, V. V. Tihonov. Moscow, Sovpadenie, 2024, 416 p. (In Russ.).
- Nikonova A. R. Arkhivatsiya pamyati: istoricheskaya reprezentatsiya v dokumental'noi poezii [Archiving the Memory: Historical Representation in Documentary Poetry]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya» [RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”, Series]*, 2025, no 2, pp. 23–32. (In Russ.). DOI:10.28995/2686-7249-2025-2-23-32
- Ogudov S. Literaturu – v kino: sovetskie stsennarye narrativy 1920–1930-kh gg. [Literature into Cinema: Soviet Screenplay Narratives of the 1920s – 1930s.] Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2024, 232 p. (In Russ.).
- Osborn R. Teoriya kino. Kratkii putevoditel' [Cinema Theory. A Pocket Guide] Moscow, Ad Marginem, 2024, 224 p. (In Russ.).
- Skvortsov A. M. Sektsiya drevnei istorii Instituta istorii RANION kak tsentr antikovedeniya 1920-kh godov [Section of Ancient History at Institute of History RANION as the Center of Antiquity Studies in the 1920s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Chelyabinsk State University: History]*, 2015, no 14, vol. 64, pp. 159–165. (In Russ.).
- Sovetskaya istoriografiya [Soviet Historiography] / ed. Yu. A. Afanasyev. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1996, 592 p. (In Russ.).

Sovetskaya istoriografiya vseobshchei istorii kak nauchnoe tvorchestvo [Soviet Historiography of World History as Scientific Creativity] / ed. S. G. Karpyuk, M. S. Petrova. Moscow, Akvilon, 2023, 224 p. (In Russ.).

Sovetskie dvadtsatye: Iskusstvo, arkhitektura, fotografiya, kino [Soviet Twenties: Art, Architecture, Photography, Cinema] / Ed.-comp. A. Fomenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2023, 144 p. (In Russ.).

Sovetskii istoricheskii narrativ 1920–30-kh godov: sodержanie, aktory i mekhanizmy konstruirovaniya [The Soviet Historical Narrative of the 1920s–1930s: Content, Actors, and Mechanisms of Construction] / ed. V. V. Tihonov. Moscow, Sovpadenie, 2025, 480 p. (In Russ.).

Tihonov V. V. Poleznoe proshloe: istoriya v stalinskom SSSR [Useful Past: History in Stalin's USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2024, 368 p. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OLGA V. METEL, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Ancient World of the Institute for Oriental and Classical Studies of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>, Scopus Author ID: 57219053712, SPIN-code: 4216-4895.

The review was submitted on 03.05.2026; accepted for publication on 25.05.2026.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «АРХЕОЛОГИЯ И СМЫСЛЫ» В РАМКАХ 64-Й МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (НОВОСИБИРСК, 16 АПРЕЛЯ 2026 ГОДА)

Международная научная студенческая конференция (МНСК) является ежегодным научным мероприятием, которое проводится Новосибирским государственным университетом (НГУ) с 1963 г. Классический формат МНСК предполагает проведение пленарного заседания, тематических секций и подсекций. В рамках секционных заседаний или наряду с ними оргкомитетом конференции часто проводятся различные научно-образовательные мероприятия: открытые лекции, круглые столы, выставки и т. п.

В 2001 г. в рамках конференции впервые была проведена секция «Археология и этнография». Устойчивый интерес студентов к данной проблематике и привел впоследствии к выделению в составе МНСК двух самостоятельных секций. В настоящее время «Археология» является одной из 11 студенческих секций, организуемых Гуманитарным институтом НГУ. В этом году участие в ее работе приняли 52 человека из Новосибирска, Барнаула, Братска, Красноярска, Томска, Тюмени, Читы и Якутска.

С целью обсуждения наиболее актуальных и дискуссионных тем археологической науки для участников секции был организован круглый стол «Археология и смыслы», состоявшийся в стенах Новосибирского государственного университета 16 апреля 2026 г. Организатором и модератором круглого стола являлся ассистент кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института НГУ В. А. Соколовский. Участниками мероприятия стали 18 студентов и молодых ученых, специализирующихся в области археологии.

Несмотря на то, что мероприятия аналогичного формата можно встретить в программах МНСК предыдущих лет, круглый стол «Археология и смыслы» выделяется среди них теоретической направленностью докладов: обсуждением интерпретаций в археологии, их критериев, возможностей и ограничений. Принципиально важно, что мероприятие не являлось частью узкоспециализированного конгресса или симпозиума, а было ориентировано в первую очередь на студентов и молодых ученых. В связи с этим важным представляется описать саму концепцию проведения этого круглого стола.

Организаторы мероприятия ориентировались на те тенденции (трендами в данном случае мы их назвать не можем), которые наметились в последние

десятилетия как в отечественной археологии, так и в мировом, прежде всего англоязычном, археологическом сообществе. Интерес к проблемам теоретической археологии идет на спад: уже более 30 лет назад Е. М. Колпаковым, не без доли шутки, было высказано мнение о конце теоретической археологии. На наш взгляд, обозначенная тенденция имеет циклический характер: происходит накопление материала — снижается интерес к теории, и наоборот. Вместе с тем интерес к теории у молодого поколения археологов вызван не только поиском инструментария для решения каких-либо практических задач («теория должна обслуживать практику», как писал Л. С. Клейн), но и естественным для любого исследователя вниманием к теоретической археологии, а иногда и некоторым фрондерством к теоретическому декадансу. Поэтому проведение круглого стола было направлено на то, чтобы опередить время следующего цикла, поговорить на актуальные археологические темы, вернуться к некоторым нерешенным и наиболее острым проблемам археологической науки.

Решению перечисленных задач способствовало живое обсуждение трех докладов, основные положения которых будут кратко представлены ниже.

В докладе магистранта Гуманитарного института НГУ Е. Е. Славинской «Обмен и контакты в древности: методы изучения и критерии интерпретации» были затронуты вопросы, связанные с пониманием базовых определений в археологии, проблемы применения концепций, заимствованных из истории, антропологии, социологии и других дисциплин, а также их адаптации к археологическому материалу. В качестве иллюстративного примера была выбрана одна из наиболее распространенных тем археологических исследований — фиксация сходных предметов в материальных комплексах различных «археологических культур».

Первое объяснение, которое предлагает большинство исследователей при обнаружении такого рода сходств, сводится к терминам «контакт» и «обмен». Использование данных терминов представляет собой методологическую проблему в тех случаях, когда исследователи применяют их как синонимы. Между тем, по мнению докладчика, они нуждаются в разграничении. «Контакт» следует понимать как физическое, пространственно-временное взаимодействие, реальное перемещение людей или вещей, тогда как «обмен» относится к сфере передачи идей, смыслов и символических кодов. Смешение этих понятий ведет к логическим ошибкам, когда наличие контакта автоматически приравнивается к доказательству обмена, и наоборот. Только последовательное разведение терминов дает возможность построить валидную интерпретационную схему, в рамках которой фиксируется факт взаимодействия (этот термин, по мнению Е. Е. Славинской, является наиболее нейтральным).

Одной из наиболее часто встречающихся интерпретаций, связанных с фиксацией факта взаимодействия, является концепция престижной экономики. В ее рамках обмен сырьем, украшениями и иными категориями предметов объясняется через призму социальной иерархии (М. Фрид, Т. Эрл и др.), которая выступает в качестве краеугольного камня всей модели. Данная

концепция происходит из области социальной/экономической антропологии и опирается, в частности, на труды таких известных исследователей, как Б. Малиновский, М. Мосс и К. Поланьи и др.

Однако к любой концепции, применяемой к интерпретации археологического материала, необходимо подходить с критических позиций. В качестве такой критической оптики докладчик предложила использовать генеалогический подход, разработанный М. Фуко в его известном произведении «Надзирать и наказывать». В данном контексте генеалогический анализ предполагает исследование того, как, почему и в каком дискурсивном и социально-историческом контексте формировалась та или иная идея. Ключевым измерением выступает анализ власти, позволяющий выявить неявные властные отношения, воспроизводимые через применение, казалось бы, нейтральных теоретических конструкторов.

Любая концепция несет на себе отпечаток исторического и дискурсивного контекста своего возникновения. Как отметила Е. Е. Славинская, концепция престижной экономики сформировались в так называемую колониальную эпоху и невольно проецирует европоцентристское представление о том, «какой не должна быть экономика» (Э. Саид). Иными словами, противопоставленная «западному» рациональному рынку система дара, потлач или кула описывается авторами (Б. Малиновский, М. Мосс) как отличная от рыночной экономики, нацеленной на максимизацию прибыли.

Такое противопоставление, по мнению докладчика, таит в себе опасность редукции: «незападное» общество определяется через отсутствие якобы присущих Западу черт (товарно-денежных отношений, погони за выгодой и т. д.). Игнорирование этой «генеалогии» при переносе теории на археологический материал приводит, по мнению Е. Е. Славинской, к некритическому воспроизводству властных асимметрий, заложенных в самом знании.

Доклад специалиста по учету музейных коллекций Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН, магистранта Гуманитарного института НГУ Д. А. Шаманина был посвящен проблеме соотношения категорий «археологическая культура» и «этнос», используемых исследователями для описания прошлого. В данной области интерпретации докладчик справедливо выделил два методологических подхода, характерных для современной историографии.

Сторонники первого подхода утверждают, что археологическая культура является объективным материальным выражением какой-либо социальной/этнической группы. Притом этническая принадлежность воспринимается как объективная реальность, обусловленная биологической и культурной преемственностью. В результате археологи либо напрямую заявляют, что определенный вещественный комплекс — это отражение культуры народа, либо отождествляют археологическую культуру с этносом, известным по письменным источникам.

Примером такого подхода, как было проиллюстрировано в докладе, может послужить карта-схема ареалов культур Сибири в эпоху Средневековья, составленная для второго тома фундаментального издания — «История Сибири» (Новосибирск, 2019). Д. А. Шаманин охарактеризовал карту как весьма

эkleктичную, отражающую различные методологические подходы и разные этапы исследования тех или иных общностей: одним присвоены «этнические названия», другие остаются археологическими культурами, третьи вообще представлены в виде государств. Так, на ней в одном ряду изображены археологические культуры (потчевашская, дарасунская, бурхотуйская и др.) и их этапы (оронтурский), народы (енисейские кыргызы, кидани, кимаки) и целые политические образования (Уйгурский каганат).

Исследователи, которых можно отнести к сторонникам второго подхода, рассматривают термины «археологическая культура» и «этнос» с позиций конструктивизма. В их понимании археологическая культура — это лишь аналитическая конструкция, создаваемая самим исследователем для описания типологически близких друг другу групп памятников или артефактов. Данная категория представляет собой инструмент классификации археологического материала и позволяет получить только некоторое знание о человеке прошлого. Согласно конструктивистскому подходу, этносы, чаще всего зафиксированные в нарративных источниках, являются своего рода конструктами, созданными «познающими субъектами» — хронистами. Например, идентичность многих «народов», упоминаемых в письменных источниках, возникает в результате политической мобилизации, т. е. термины, воспринимаемые как этнические, на деле являются отражением политической/военной деятельности. Таким образом, этносы скорее являлись именно политическими образованиями, возникшими благодаря множеству различных предпосылок, включая политическую мобилизацию (например, завоевательные походы, переселения, миграции) и другие обстоятельства.

В качестве примера в ходе доклада и развернувшейся вокруг него дискуссии обсуждались исследования, посвященные Хуннской державе (конец III в. до н. э. — II в. н. э.). Письменные источники повествуют о формировании в конце III в. до н. э. на территории современной Монголии крупной державы с единым народом — хунну. Однако при рассмотрении археологических материалов (датируемых II–I вв. до н. э.), а также данных краниологии и генетики у исследователей складывается мозаичное представление, не позволяющее говорить о наличии какой-либо общности. Только использование всех источников в комплексе позволило исследователям (например, Б. Миллеру, Н. Н. Крадину и др.) прийти к выводам о том, что общая идентичность, отражающаяся в распространении унифицированной материальной культуры, начала формироваться только после складывания хуннской имперской конфедерации при Модэ, то есть после «политической мобилизации». Следовательно, термин *хунну* скорее является политонимом.

По итогам обсуждения доклада Д. А. Шаманина участники круглого стола пришли к мнению, что широкие этноисторические реконструкции возможны лишь при изучении всего доступного комплекса различных исторических источников: археологических, письменных, изобразительных, этнографических, генетических и др. При этом исследователь должен критически относиться к различным этническим терминам, чтобы не попасть в ловушку своих же аналитических категорий (археологических культур).

Завершился круглый стол обсуждением доклада «Археология насилия: материальные свидетельства межгрупповых конфликтов», представленного магистрантом Гуманитарного института НГУ Г. А. Елошкиным. Археология насилия является отраслью междисциплинарных исследований, в рамках которой свидетельства межличностного и межгруппового насилия в прошлом изучаются по вещественным остаткам. Располагаясь на стыке нескольких научных дисциплин, эта отрасль вобрала в себя не только методы археологии, физической антропологии, биоархеологии, искусствоведения, но и антропологические и психологические теории, используемые для интерпретаций артефактов.

Г. А. Елошкин в своем выступлении привел обстоятельный обзор истории изучения и современных исследований в области археологии насилия. Как было показано в докладе, к XX в. вопросы о природе насилия стали рассматриваться в рамках антропологии, этологии и психологии, хотя изначально являлись предметом интереса только философии и богословия. Одной из наиболее изучаемых проблем стала агрессивность человека, ее биологическая или социокультурная обусловленность. Углубленное понимание природы агрессивности и феномена насилия в современных и традиционных обществах стало основой для проекции теорий на культуры, изучаемые по археологическим материалам.

В качестве примеров докладчик привел выявленную исследователями динамику характера и значения насилия в доколумбовых обществах южного побережья Перу (регион Ика). Г. А. Елошкин представил феномен насилия, отраженный в археологических материалах южного Перу, в эволюционно-хронологической последовательности, показав трансформацию этих практик от древних культур к более поздним. Так, наиболее ранние свидетельства насилия относятся к среднему докерамическому периоду (8–5 тыс. л. н.) и отражают как случайно полученные травмы, так и те, что стали результатом межличностных конфликтов: переломы носа, травмы черепа, ребер, кистей рук. Определенный интерес вызвал сюжет, связанный с захоронением на памятнике Ла-Эсмеральда (La Esmeralda, 7,45–6,75 тыс. л. н.). Погребенное тело принадлежит женщине, принесенной в жертву и захороненной под небольшим «алтарем» в сопровождении изделий из обсидиана, моллюсков и растений. Этот пример ранней ритуальной деятельности отражает поклонение месту, где спустя несколько тысячелетий на рубеже эр возник монументальный общественно-культовый комплекс Кауачи.

В докладе также были представлены материалы, относящиеся к formativo периоду (3,5–2,4 тыс. л. н.) и культуре паракас. Г. А. Елошкин привел примеры захоронений людей с наконечниками, оставшимися в теле, описал «трофейные головы», тела со следами порезов на шейных позвонках (признак декапитации). В андской археологии и антропологии до сих пор продолжается дискуссия о ритуализированности военных столкновений. Существуют этноисторические данные по практике тинку (*tinku*) – формализованному столкновению, которое происходит между сообществами не ради уничтожения или порабощения, а, напротив, на мирных основаниях, как ритуал для поддержания урожая и плодородия.

По мнению Г. А. Елошкина, насилие закреплялось в религиозных представлениях через иконографию керамики и текстиля, а также через петроглифы. Боевые действия и изображения вооруженных лидеров, человеческие жертвоприношения и охота за «трофейными головами» (при раскопках сами головы часто обнаруживают в ритуальном контексте) — основные сюжеты иконографии культур паракас и наска. Художественный акцент на насилии докладчик связал с социальной дифференцией и, вероятно, появлением постоянных форм лидерства.

Иной сценарий был описан докладчиком для переходного периода (2,3–1,9 тыс. л. н.), когда конфликт обрел межгрупповой характер. На южном побережье Перу в то время сосуществовали носители трех культурных традиций: паракас, топара и наска. Об участившихся случаях конфликтов свидетельствуют новые модели поселений (укрепленные на холмах деревни), увеличение количества травм, что отмечено по антропологическим останкам. Вблизи фортификационных сооружений обнаруживаются камни для пращи. Стратегии конфликтов почти никогда не включали прямое столкновение двух «армий», вместо этого были распространены засады и внезапные нападения на поселения.

В докладе Г. А. Елошкина было показано, что примеры с южного побережья Перу демонстрируют изменяющийся характер насилия: его культурное и социальное значение в прошлом зависело от множества факторов, но конфликт всегда был подкреплен религиозными представлениями.

В ходе дискуссии участниками круглого стола был поднят вопрос о правомерности выделения археологии насилия в качестве отдельной отрасли. Докладчик ответил, что как самостоятельная наука или даже дисциплина она действительно не состоялась, однако обозначение особого исследовательского поля, объединение и создание специализированных методов для анализа материальных остатков, по его мнению, все же позволяют говорить о специфической области на стыке археологии, физической и социокультурной антропологии.

Круглый стол «Археология и смыслы» стал первым (и, надеемся, не последним) мероприятием теоретико-методологической направленности в рамках археологической секции МНСК. Внесение в программу конференции такого «теоретического» разнообразия вызвало у участников неподдельный интерес, привело к бурному, но конструктивному обсуждению. Представленные в рамках круглого стола доклады отражают не только профессиональные интересы их авторов, но и в целом актуальность теоретической археологии. Продемонстрированные в выступлениях данные подтверждают значимость комплексного подхода к интерпретации археологического материала. Этот подход предполагает использование методов естественных и точных наук наравне с инструментарием гуманитарных и социальных дисциплин.

Проведение этого круглого стола было пробным, даже экспериментальным, однако не оставило равнодушными участников конференции. Подобных мероприятий в последние годы проводится немного. Заметим, что в конце 2025 г. — начале 2026 г. академическими институтами Москвы были организованы

только две представительные конференции по теоретической и социальной археологии¹. Поэтому, по нашему скромному мнению, организация последующих круглых столов будет иметь популярность у начинающих археологов, которые покажут общий фон используемых ими теорий и затронут другие дискуссионные вопросы археологической науки.

Организаторы круглого стола выражают признательность всем, кто принял участие в дискуссии, и отдельную благодарность за организационную поддержку — оргкомитету МНСК в лице кандидата исторических наук С. В. Алкина и А. А. Кожаевой.

В. А. Соколовский, Е. Е. Славинская, Д. А. Шаманин, Г. А. Елошкин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Соколовский Василий Андреевич, ассистент кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия, v.sokolovskii@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2881-8133>, WoS ResearcherID: OBO-4007-2025, SPIN-код автора: 9388-2564.

Славинская Евангелина Евгеньевна, магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия, slavinskaya02@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5746-7793>.

Шаманин Даниил Андреевич, специалист по учету музейных коллекций отдела музейных практик и технологий, Институт археологии и этнографии СО РАН, магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия, d.shamanin@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2664-444X>, Scopus Author ID: 59409143300, SPIN-код автора: 8557-5657.

Елошкин Григорий Александрович, магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия, g.eloshkin@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2747-716X>, SPIN-код автора: 5877-7998.

Сообщение поступило в редакцию 12.05.2026; принято к публикации 05.06.2026.

¹ Речь идет о всероссийских научных конференциях «Теоретическая археология и археологическая теория сегодня: новые парадигмы, концепции, методы» (Москва, Институт археологии РАН, 19–21 ноября 2025 г.) и «Методы социальной археологии» (Москва, Институт востоковедения РАН, 17–18 февраля 2026 г.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VASILY A. SOKOLOVSKY, Assistant of the Section of Archaeology and Ethnography of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, v.sokolovskii@nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2881-8133>, WoS ResearcherID: OBO-4007-2025, SPIN-code: 9388-2564.

EVANGELINA E. SLAVINSKAYA, Master's Student of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, slavinskaya02@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5746-7793>.

DANIIL A. SHAMANIN, Specialist in Accounting of Museum Collections of the Department of Museum Practices and Technologies of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, d.shamanin@nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2664-444X>, Scopus Author ID: 59409143300, SPIN-code: 8557-5657.

GRIGORY A. ELOSHKIN, Master's Student of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, g.eloshkin@nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2747-716X>, SPIN-code: 5877-7998.

The report was submitted on 12.05.2026; accepted for publication on 05.06.2026.

Universum Humanitarium

Научный журнал

Учредитель и издатель: Новосибирский государственный университет
Адрес учредителя и издателя: ул. Пирогова, 2, Новосибирск, Россия, 630090

В оформлении обложки и титулов выпуска использованы иллюстрации:

- фрагмент картины «Победа при Хоргосе», XVIII в.
Место хранения: Музей императорского дворца, г. Пекин;
- фотография «Митинг на Невском проспекте после Февральской революции»,
Санкт-Петербург, 1917 г.
Место хранения: Государственный музей политической истории России,
г. Санкт-Петербург;
- фотография читального аппарата Indus, Москва, 2024 г.
Источник: из личного архива Т. И. Морозовой;
- фотография с заседания секции «Археология» 64-й Международной научной
студенческой конференции, Новосибирск, 2026 г.
Источник: сообщество «МНСК» в социальной сети «ВКонтакте»;
- обложка монографии Е. Г. Костриковой
«Информационная политика российского правительства
в годы Первой мировой войны и революции. 1914–1917 гг.»
(М.: Кучково поле, 2024. 416 с.).

Дата подписания к публикации: 29.06.2026

UNIVERSUM HUMANITARIUM

